

РЕДЪЯРД
КЪПАЛИТ



Киплинг Р.

Отважные мореплаватели

I

Туман клубился над Атлантическим океаном. Большой пароход быстро шёл вперёд, резким свистом разгоняя на пути рыбачьи лодки.

Дверь в курительную комнату была настежь раскрыта.

— Этот мальчишка Гарвей совершенно несносен, — произнёс человек в сером пальто, порывисто захлопнув дверь. — Вовсе нам не нужен здесь этот выскочка!

— Знаю я это воспитание. В Америке много таких господ! — проворчал сквозь зубы седоволосый немец, прожёвывая сандвич. — Они плохо кончают!

— Ну... особенно тревожиться тут нечего, скорее надо пожалеть его! — возразил обитатель Нью-Йорка, растянувшись во весь рост на подушках дивана. — Его таскали из отеля в отель, когда он был ещё совсем ребёнком. Сегодня утром я говорил с его матерью. Она очень милая леди, но совсем не умеет руководить сыном. Он отправляется в Европу, чтобы закончить своё образование.

— Это образование ещё не начиналось! — раздалось из угла, где сидел, скорчившись, филадельфиец. — Мальчик говорил мне, что получает двести долларов в месяц карманных денег. Ему ещё нет и шестнадцати лет.

— Его отец — железнодорожный туз? Не правда ли? — спросил немец.

— Да, и это, и рудники, и акции, и суда. Он заведовал постройкой в Сан-Диего и в Лос-Анджелесе, владеет полдюжиной железных дорог и позволяет жене мотать свои деньги, — усталым голосом продолжал филадельфиец. — Запад не удовлетворяет богатую леди. И вот она кружит по свету со своим мальчиком и своими расстроенными нервами. Побывали они и во Флориде, и в Адирондаке, и в Нью-Йорке и т. д. Мамаша желает позабавить своего мальчика. Когда он вернётся из Европы домой, это будет сплошной ужас!

— Что хочет сделать из него отец?

— Старик мечтал о многом и несколько лет тому назад осознал свою ошибку. Жаль, потому что в мальчике много хороших черт.

Дверь снова растворилась, и в комнату вошёл стройный, высокий мальчик лет пятнадцати, держа сигарету в углу рта.

Желтоватый цвет лица мало подходил его возрасту, а в его взгляде читалась нерешительность, вызов и какая-то болезненность. Юноша был одет в цветную куртку, гамаша, красные чулки и велосипедные башмаки. Красная фланелевая шапочка была сдвинута на затылок. Свистнув сквозь зубы, он оглядел все общество и громко произнёс:

— Туман порядочный... Около нас столпилось много рыбачьих лодок... Не наехать ли нам на

одну из них?..

— Закройте дверь, Гарвей, — сказал житель Нью-Йорка, — закройте её и уйдите. Вы нам не нужны!

— Кто запретит мне стоять здесь? — возразил юноша развязно. — Разве вы платили за мой проезд, мистер Мартин? Я имею такое же право быть здесь, как все другие пассажиры!

Он схватил фигуры с шахматной доски и начал перебрасывать их с руки на руку.

— Скучно, джентльмены! Не сыграть ли нам в покер?

Ответа не последовало. Гарвей пыхнул сигаретой, покачал ногой и забарабанил пальцами по столу.

— Как чувствует себя сегодня ваша мама? — спросил один из присутствовавших. — Я не видел её сегодня за завтраком.

— Она у себя, я полагаю, мама почти всегда бывает больна на море. Я готов дать пятнадцать долларов служанке, чтобы она получше ухаживала за ней. Сам я редко спускаюсь вниз, потому что не люблю проходить мимо этих лакейских чуланов. Вот я в первый раз переезжаю океан, джентльмены, и, кроме первого дня, я не был нисколько болен!

Юноша торжествующе махнул кулаком и собрался уходить.

— О, да, вы представляете из себя патентованную машину, — произнёс, зевая, филаделфиец, — и будете пользоваться кредитом у себя дома!

— Я знаю это. Я прежде всего американец до мозга костей и буду им всегда. Проеду по Европе и покажу им себя. Ну!.. Сигаретка докурилась... Нет ли у кого из джентльменов настоящей сигары?

В эту минуту вошёл главный механик, красный, улыбающийся, мокрый.

— Скажите, Макс, — закричал Гарвей весело, — как дела?

— Все идёт обычным путём, — был серьёзный ответ, — младшие почитают старших, а старшие стараются оценить младших!

Лёгкий стук послышался в углу. Немец открыл свой сигарный ящик и подал Гарвею прекрасную сигару.

— Вот, покурите, молодой друг! — произнёс он. — Я могу доставить вам это удовольствие.

Гарвей зажёг сигару, хотя чувствовал себя неловко в этом обществе взрослых.

— Однако, начинает сильно качать! — проговорил он.

— Мы сейчас узнаем это, — возразил немец. — Где мы теперь, мистер Макдональд?

— Бродим вокруг и около, мистер Шеффер, — ответил инженер. — Сегодня ночью мы будем на Большой Отмели. Мы находимся среди рыбацких лодок.

— Нравится вам моя сигара? — спросил немец Гарвея, глаза которого были полны слез.

— Прекрасная, ароматная сигара! — ответил он сквозь зубы. — Мы, кажется, замедлили ход, не правда ли? Я пойду посмотрю, что показывает лот.

Гарвей зашагал по мокрой палубе к ближайшим перилам. Ему было скверно, но, заметив лакея, занимавшегося уборкой палубы, он поспешил дальше. Похваставшись, что никогда не страдал морской болезнью, Гарвей, из гордости, не желая никому показать своей слабости, шатаясь, добрался до кормы. На деке[1] никого не было, и Гарвей едва добрался до фок-мачты. Здесь он замер от боли. Ему казалось, что голова его распухла, огненные пятна мелькали перед глазами, тело потеряло свой вес, а ноги выплясывали дикий танец. Юноша совершенно ослаб от морской болезни.

Вдруг сильный толчок перебросил его через перила. Огромная серая волна, вынырнувшая из тумана, приняла его в свои материнские объятия... Зеленоватая глубина сомкнулась над ним. Гарвей потерял сознание...

Он очнулся при звуке обеденного сигнала, подобного тому, который он слышал в летней школе в Адирондаке. Медленно припомнилось ему, что он — Гарвей Чейне, что он утонул в океане; но слабость мешала ему сосредоточиться. Холодная дрожь пробежала по спине; он вдохнул странный запах; его рот был полон солёной воды.

Открыв глаза, он заметил, что море серебристым пространством расстилается вокруг него, что он лежит на куче рыбы, около человеческой фигуры, одетой в голубую вязаную куртку.

«Скверно! — подумал юноша. — Я умер, конечно, и все это мне просто мерещится».

Гарвей громко застонал. Человек повернул к нему голову, сверкнув парой золотых серёг, едва видневшихся из-под нависших курчавых чёрных волос.

— Ага! Чувствуешь себя получше? — произнёс он. — Лежи себе спокойно, лучше будет!

Лёгким толчком он столкнул лодку в море, не прерывая своего разговора и не обращая внимания на огромную волну, грозившую лодке.

— Ловко я поймал тебя! — продолжал он. — Ловко!.. Как это ты упал?

— Я был болен, — отвечал Гарвей, — и ничего не помню.

— Я трубил в рог, чтобы ваш пароход не наскочил на мою шлюпку. Вижу, ты свалился. Я поймал тебя, как хорошую рыбу, и вот ты жив!

— Где я теперь? — спросил Гарвей.

— У меня. Зовут меня — Мануэль, я со шхуны «Мы здесь» из Глостера. Скоро будем ужинать!

Казалось, у этого человека было две пары рук и железная голова. Он не удовлетворился тем, что трубил в свой рог, но испускал ещё резкий, пронзительный крик, терявшийся в тумане. Гарвей не мог сообразить, сколько времени продолжалась эта забава, потому что в ужасе откинулся назад. Ему чудилось, что он слышит выстрел, звук рога и крики. Несколько голосов заговорили сразу. Гарвея положили в какую-то мрачную нору, дали выпить чего-то горячего и сняли с него платье. Он крепко уснул.

Когда мальчик проснулся, то ждал звонка к первому завтраку на пароходе, удивляясь, что его каюта вдруг уменьшилась в размерах. Повернувшись, он увидел, что находится в узком треугольном углублении, освещённом висючей лампой. За треугольным столом, около печки, сидел юноша его лет, с полным, красным лицом и серыми искристыми глазами, одетый в синюю куртку и высокие сапоги. Несколько пар такой же обуви, старая шапка и носки лежали тут же, на полу, вместе с чёрными и жёлтыми воцанками. Всевозможные запахи смешивались тут: особенный и присущий воцанкам запах, вместе с запахом свежей и жареной рыбы, краски, перца и табака. Надо всем этим царил запах судна и солёной воды.

Гарвей с отвращением заметил, что спал без простынь и лежал на грязном мешке. Движение шхуны не походило на движение парохода. Она скользила и вертелась, шум воды долетал до его ушей, и волны тихо рокотали около киля. Все это привело юношу в отчаяние и заставило его вспомнить о матери.

— Лучше себя чувствуешь? — спросил его мальчик, усмехаясь. — Хочешь кофе?

Он принёс полную чашку чёрного кофе.

— Разве у вас нет молока? — произнёс Гарвей, оглядывая ряд скамеек, словно ожидая найти там корову.

— У нас не бывает ничего подобного до половины сентября, — возразил мальчик. — Кофе хороший, я сам заваривал!

Гарвей молча выпил чашку, затем мальчик принёс ему блюдо с ломтями свинины, которую он с удовольствием съел.

— Я высушил твоё платье, — сказал мальчик, — оно все сморщилось. Повернись-ка, я взгляну, не ушибся ли ты?

Гарвей вертелся в разные стороны, не помня себя от обиды.

— Ничего! — весело произнёс мальчик. — Теперь иди на дек. Отец хочет взглянуть на тебя. Я его сын — Дэн, я помогаю повару и исполняю всю чёрную работу. С тех пор как уехал Отто — он был немец, ему было двадцать лет, — здесь не осталось мальчиков, кроме меня. Как это тебя угораздило свалиться в море в такую тихую погоду?

— Совсе не тихую, — сердито возразил Гарвей, — было ветрено; я страдал морской болезнью, меня перебросило через перила!

— Море было тихо в эту ночь, — сказал мальчик. — Если ты это называешь ветром, — он свистнул, — тогда ты мало смыслишь! Ну, живо иди! Отец ждёт тебя!

Подобно многим плохо воспитанным юношам, Гарвей никогда в жизни не слышал приказаний, за исключением долгих рассуждений о добродетели послушания. Мистрис Чейне жила в вечном страхе за своё здоровье, так как у неё бывали сильнейшие нервные припадки.

Гарвею возмутило это приказание.

— Твой отец может сам прийти сюда, если хочет говорить со мной. Я попрошу отвезти меня в Нью-Йорк и заплачу ему за это!

Дэн широко раскрыл глаза.

— Слышишь, отец, — вскричал он, — он говорит, что ты можешь сам прийти, если желаешь говорить с ним! Слышишь?..

— Не дурачься, Дэн, и пошли его ко мне!

Эти слова были произнесены таким низким голосом, какого Гарвей никогда и не слыхивал.

Дэн усмехнулся и бросил Гарвею его башмаки.

В интонации этого странного голоса было что-то, заставившее юношу сдержать свой гнев и утешиться мыслью, что он расскажет этим людям о богатстве своего отца. Когда он освободится от них и вернётся домой, друзья будут считать его настоящим героем.

Он поднялся по лестнице на дек, споткнулся и подошёл к сидевшему на ступеньках маленькому, плотному человеку с чисто выбритым лицом и серыми глазами, которые сверкали под густыми, хмурыми бровями.

За ночь волнение утихло. Море слабо плескалось. На горизонте белели паруса рыбачьих лодок. Шхуна тихо качалась на якоре; за исключением шкипера, на ней никого не было.

— Доброго утра! Добрый полдень, вернее сказать! Ты проспал круглые сутки, приятель! — таким приветствием встретили Гарвея.

— Доброго утра! — ответил он. Ему вовсе не понравилось название «приятель», так как, в качестве тонувшего, он рассчитывал на лучший приём. Его мать сходила с ума, если ему приходилось промочить ноги, а этот моряк даже не побеспокоился спросить его о здоровье.

— Ну-с, теперь послушаем, что ты скажешь! Кто ты и откуда?

Гарвей сказал своё имя, название парохода, на котором ехал, рассказал о своём приключении и просил немедленно свезти его в Нью-Йорк, где отец заплатит за все.

— Гм, — произнёс моряк, слушавший неподвижно рассказ Гарвея. — Я не могу точно сказать, что мы могли подумать о человеке, или, вернее, о мальчике, который падает с парохода, как свёрток, при тихой погоде. Конечно, его извиняет, что он страдал морской болезнью...

— Извинение! — вскричал Гарвей. — Неужели я упал в воду нарочно, чтобы попасть на вашу грязную лодку?

— Не знаю, нарочно ли ты упал, друг мой, или нет, но знаю, что если бы я был на твоём месте, то не бранил бы лодку, которая волей Провидения спасла тебя от смерти! Во-первых, это не благочестиво, а, во-вторых, мне это неприятно. Я — Диско Троп, владелец шхуны «Мы здесь» из Глостера!

— Я этого не знаю и знать не желаю, — отвечал Гарвей. — Я очень благодарен за спасение и за все, и чем скорее меня доставят в Нью-Йорк, тем лучше — я заплачу!

— Сколько же?

Троп приподнял свои густые брови, под которыми светились кроткие голубые глаза.

— О, доллары, сотню долларов, — ответил Гарвей, восхищённый тем, что его слова произвели впечатление, — много долларов!

Он засунул руку в карман и похлопал себя по животу, чтобы придать себе величия.

— Вы никогда ещё не заработали в своей жизни столько, сколько получите, доставив меня в Нью-Йорк. Я — Гарвей Чейне!

— Сын богача?

— О, если вы не знаете, кто такой Чейне, то мало знаете. Ну, поворачивайте шхуну и спешите!

Гарвей был убеждён, что в Америке множество людей, мечтающих и завидующих долларам его отца.

— Может быть, я исполню твоё желание, может быть, и нет. Это зависит от меня. Я не собираюсь ни в Нью-Йорк, ни в Бостон. Только в сентябре мы увидим восточный берег, и твой отец — жалко, что не слышал о нём ничего, — может дать мне тогда десять долларов, если у

него есть!

— Десять долларов! Вот...

Гарвей вытащил из кармана пачку с сигаретами.

— Меня обокрали! — закричал он. — Обокрали! Денег нет!

— Значит, мне придётся ждать, когда твой отец наградит меня!

— Сто тридцать четыре доллара — все украдено! — кричал Гарвей, в отчаянии роясь в карманах. — Отдайте их назад!

Курьёзная перемена произошла в суровом лице Тропа.

— Что ты мог делать со ста тридцатью четырьмя долларами в кармане, друг мой? Откуда они у тебя?

— Это часть моих карманных денег, выдаваемых мне каждый месяц!

— Ого! Только часть денег! Не много ли это, товарищ? Старик Хаскен со шхуны «East Wind», — продолжал он как бы про себя, — работал всю жизнь и боролся с врагами... теперь он дома в Эссексе с маленькой суммой долларов!..

Гарвей изнывал от злости, но Троп продолжал:

— Очень жаль, очень жаль, ты ещё так молод! Надеюсь, больше не будем говорить о деньгах?

— Конечно, вы украли их!

— погоди! Если мы украли их, то для твоего же комфорта, для тебя же! Ты не можешь теперь попасть домой, потому что мы попали сюда ради куска хлеба. У нас нет карманных денег, сотен долларов в кармане. При удаче мы пристанем к берегу через пять недель, но только в случае удачи, а то не раньше сентября!

— Но теперь только май. Я не могу оставаться здесь, ничего не делая, пока вы будете ловить рыбу. Не могу я, поймите!

— Правильно, товарищ! Никто не просит тебя ничего не делать. Отто уехал от нас, а ты будешь работать, если можешь! Не правда ли?

— Я могу многое сделать для всего экипажа, когда мы высадимся на берег! — сказал Гарвей, кивнув головой и бормоча про себя что-то о «пиратах», на что Троп только улыбнулся.

— Ну, что попусту разговаривать! Ты можешь и умеешь говорить больше, чем весь экипаж шхуны. А теперь вот что, друг мой, смотри в оба, где что надо сделать, помогай Дэну убирать и стряпать, и я положу тебе десять с половиной долларов в месяц — тридцать пять в конце нашей работы. Работа принесёт тебе пользу; а рассказывать нам про своих папу и маму и свои деньги ты можешь после!

— Мама на пароходе! — сказал Гарвей со слезами на глазах. — Отвезите же меня в Нью-Йорк! Бедная женщина! Когда меня возвратят ей, она все простит!

— Но нас восемь человек; если мы не вернёмся назад больше чем за тысячу миль — мы потеряем время и заработок!

— Отец заплатит за все!

— Не сомневаюсь в этом, — возразил Троп, — но уплатить восьми рыбакам заработок всего сезона! Приятно ли тебе будет видеть его разорение? Иди наверх и помогай Дэну! Десять с половиной в месяц, говорю тебе, остальное зависит от тебя самого!

— Что? Я буду мыть кастрюли и горшки? — спросил Гарвей. — Не хочу! Мой отец даст столько денег, что можно будет купить десять таких грязных шхун, — Гарвей топнул ногой, — если меня доставят домой, в Нью-Йорк! У меня уже взяли сто тридцать четыре доллара!

— Как это? — лицо Тропа омрачилось.

— Как? Вам лучше знать как. Потом ещё хотят заставить меня работать. Я не хочу!

Троп внимательно разглядывал мачту, пока Гарвей изощрялся в красноречии.

Дэн схватил Гарвея за локоть.

— Перестань спорить с отцом! — сказал он. — Ты назвал его вором два или три раза, знаешь ли ты, что никто не смел сказать ему это!

— Мне все равно! — кричал Гарвей.

— Это не по-товарищески, — произнёс наконец Троп, взглянув на юношу, — я не осуждаю тебя, и ты не вправе судить меня. Ты не знаешь, что говоришь! Итак, десять с половиной долларов... второму мальчику на шхуне, чтобы научить работать и поправить его здоровье. Так или нет?

— Нет! — возразил Гарвей. — Я хочу домой, в Нью-Йорк!

Он плохо помнил, что было с ним дальше. Юноша упал на пол, держась за нос, из которого ручьём лилась кровь. Троп спокойно смотрел на него.

— Дэн, — сказал он сыну, — я составил слишком поспешное мнение об этом юноше. Никогда не прибегай к поспешным заключениям, Дэн. Теперь мне жаль его, потому что он просто сумасшедший и невменяем. Он не сознаёт, вероятно, что оскорбил меня, не помнит, что прыгнул с корабля в воду, в чем я почти убеждён. Обращайся с ним ласково, Дэн, и ты не пожалеешь об этом. Пусть он говорит, что хочет!

Троп ушёл в каюту, предоставив Дэну позаботиться о несчастном наследнике тридцати миллионов.

II

— Я предостерегал тебя, — сказал Дэн, — отец не любит этого... Ну!.. Чего тут горевать!

Плечи Гарвея вздрагивали от судорожных рыданий.

— Я понимаю твоё чувство! Не будь же таким плаксой!

— Этот человек помешанный или пьяный... Я не умею ничего делать! — жалобно простонал Гарвей.

— Не вздумай сказать это отцу! — прошептал Дэн. — Он теперь выпивши и сказал мне, что ты безумный! Ну, зачем ты назвал его вором? Ведь он мой отец!

Гарвей сел, вытер глаза и рассказал Дэну всю историю пропавших денег.

— Я вовсе не безумный, — продолжал он, — но твой отец никогда не видел у себя в руках более пяти долларов, а мой отец может купить вашу шхуну и нисколько не обеднеет!

— Ты не имеешь понятия о ценности шхуны «Мы здесь». Твой отец должен иметь для этого кучу денег. Как он достал бы столько?

— У отца деньги в золотых рудниках и других предприятиях.

— Да, я читал об этом. На западе, да? Отец твой ездит с пистолетом на быстром пони? Я слышал, что шпоры и узда у них из чистого серебра!

— Какие глупости! — возразил Гарвей, невольно улыбаясь. — Отцу вовсе не нужны пони. Когда ему нужно выехать, он велит подать экипаж!

— Как? Какой экипаж?

— Свой собственный, конечно. Разве ты никогда в жизни не видел собственных экипажей?

— У Бимана есть такой, — ответил Дэн осторожно, — я видел в Бостоне этот экипаж, управляемый тремя неграми. Но Биман владеет всеми железными дорогами на острове. Он — миллионер!

— Ну, а мой отец — дважды миллионер, у него два собственных автомобиля: один называется «Гарвей», как я, другой носит имя моей матери — «Констанция»!

— Отец не позволяет мне клясться, но мне хочется, чтобы ты поклялся, что говоришь правду. Скажи: «Пусть я умру, если солгу!»

— Пусть я умру, если каждое моё слово — не чистая правда!

— Сто тридцать четыре доллара! Я слышал, как ты говорил отцу!

Дэн был хитрый юноша и скоро убедился, что Гарвей не лжёт.

— Я верю тебе, Гарвей, — произнёс он с улыбкой восхищения на своём широком лице, — отец ошибся в тебе. Только он не любит ошибаться!

Дэн лёг и начал похлопывать себя по бёдрам.

— Я не желаю, чтобы меня ещё раз поколотили! Я все-таки взял верх над ним!

— Сроду не слышал, чтобы кто-нибудь взял верх над моим отцом. Он все же поколотил тебя!.. Золотые рудники, два своих экипажа, двести долларов карманных денег в месяц! Очень нужно работать за десять с половиной долларов в месяц!

Дэн разразился тихим смехом.

— Значит, я был прав? — спросил Гарвей.

— Совсем нет! Отец — справедливый и честный человек. Это знают все рыбаки!

— А это тоже справедливо? — Гарвей указал на свой разбитый нос.

— Это пустяки и полезно для твоего здоровья. Я не хочу иметь дела с человеком, который считает меня или отца вором. Мы — рыбаки, работаем вместе уже шесть лет. Когда я сушил твоё платье, я не знал, что там в карманах. И я и отец — мы ровно ничего не знаем о твоих

деньгах. Слышишь?!

Кровотечение из носу освежило голову Гарвея.

— Это правда, — сказал он со смущённым видом, — мне кажется, что, как спасённый от смерти, я оказался не очень благодарным, Дэн!

— Да, ты глупо вёл себя и обидел нас!

— А где твой отец теперь?

— В каюте. Что тебе надо от него?

— Увидишь! — произнёс Гарвей и пошёл, шатаясь, по лестнице в каюту.

В выкрашенной жёлтой краской каюте Троп сидел с записной книжкой, держа в руке огромный чёрный карандаш.

— Я был несправедлив, — сказал Гарвей.

— Что такое случилось? — спросил моряк. — Вы поссорились с Дэном?

— Нет, я говорю...

— Я слушаю!

— Я беру свои слова назад. Если человека спасли от смерти...

Гарвей запнулся.

— Ну!

— Он не должен быть неблагодарным и оскорблять людей!

— Что верно, то верно! — согласился Троп с сухой усмешкой.

— Я пришёл сказать, что очень сожалею!..

Снова пауза.

Троп поднялся с места, и его огромная рука легла на плечо Гарвея.

— Я не доверял тебе, а теперь вижу, что ошибся в своём мнении! — произнёс он.

Заслышав лёгкий смех на деке, он добавил:

— Я редко ошибаюсь в своих суждениях. Мы немножко не поладили с тобою, мой юный друг, но я не думал о тебе ничего худого. Иди займись теперь делом!

— Ты хорошо поступил, — сказал Дэн, когда Гарвей вернулся на дек...

— Я не чувствую этого! — ответил тот, покраснев до корней волос.

— Но я рад, что все кончилось хорошо. Раз отец принял решение, он никогда не изменит его. Он прав, что не хотел везти тебя домой. Мы должны ловить рыбу и зарабатывать деньги. Люди наши скоро вернуться, поймав кита!

— Зачем вернуться? — спросил Гарвей.

— Ужинать, конечно. Разве твой желудок молчит? Тебе надо многому научиться здесь!

— Да! — ответил Гарвей, окинув взором блоки и снасти наверху.

— Подожди, — произнёс Дэн, — когда мы кончим ловлю, а пока у нас много работы!

Он указал на люк между двумя мачтами.

— Что там такое? — спросил Гарвей. — Там пусто.

— Да, и мы должны наполнить эту пустоту рыбой.

— Живой? — спросил Гарвей.

— Нет. Сначала рыба уснёт, потом её посолят.

— Где же рыба?

— В море, в лодках у рыбаков, — ответил Дэн. — Мы с тобой, — продолжал он, указывая на нечто вроде деревянного загона, — должны грузить рыбу сюда. Все будет полно сегодня ночью. Теперь они скоро вернутся!

Дэн взглянул через низкие перила на море, где виднелось до полдюжины лодок.

— Я никогда не видел море так близко! — сказал Гарвей. — Прекрасный вид!

Склонявшееся к закату солнце окрашивало воду пурпуром, золотя набегавшие валы и оттеняя быстрину. На каждой лодке виднелись чёрные фигуры, маленькие издали, как куколки.

— Они хорошо работали, — сказал Дэн, прищурившись, — Мануэлю не хватит места для рыбы!

— Который из них Мануэль?

— Последняя лодка слева! Это он вытащил тебя из воды вчера ночью. Мануэль — португалец, это нетрудно угадать по его манере грести. Вот эти широкие плечи — это Долговязый Джэк, родом из южного Бостона. Все они молодцы. Вот этот — Том Плэт... Он мало говорит, но зато умеет петь и удачлив в рыбной ловле!

Звучное пение донеслось до их ушей из одной лодки.

— Да, это Том, — произнёс Дэн, — он расскажет тебе завтра об «Орио». Смотри, вон голубая лодка позади него. Это мой дядя — брат отца! Как плохо он гребёт! Я готов биться об заклад, что он опять сегодня обжётся «клубникой»; ему ужасно не везёт!

— Чем обжётся? — переспросил Гарвей.

— «Клубникой». Мы так называем особый вид водорослей. Теперь попробуем поработать. Правда ли, что ты говорил мне, что никогда ничего не делал? Тебе страшно начать?

— Я попытаюсь! — спокойно отвечал Гарвей и схватил верёвку и железный длинный крюк, пока Дэн притащил устройство, которое он называл «верхний лифт». В это время к ним подплыл Мануэль в своей лодке. Португалец улыбнулся Гарвею и начал бросать рыбу на дек.

— Двести тридцать одна штука! — воскликнул он.

— Дай ему багор! — сказал Дэн.

Мануэль схватил багор, зацепил им за корму и прыгнул на шхуну.

— Тащи! — скомандовал Дэн, и Гарвей тащил, удивляясь, что лодка так легка.

— Держи! — и Гарвей держал, потому что лодка находилась на весу, над его головой.

— Спускай! — кричал Дэн, и, когда Гарвей спустил, Дэн поднял лёгкую лодку одной рукой и поставил её позади грот-мачты.

— Легко! Эта лодка очень удобна для пассажиров!

— Ага! — подтвердил Мануэль. — Ну, как ты себя чувствуешь, милый? Вчера ночью мы поймали тебя вместо рыбы. Теперь ты сам ловишь рыбу. Каково!

— Я очень благодарен вам! — сказал Гарвей, снова роясь в своих карманах и вспомнив, что у него нет денег.

— Меня нечего благодарить! — возразил Мануэль. — Разве я мог допустить, чтобы ты утонул? Теперь ты — рыбак. Я сегодня не успел вычистить лодку. Слишком много дела. Дэн, дитя моё, вычисти за меня!

Гарвей двинулся вперёд. Он мог и хотел помочь человеку, который спас ему жизнь.

Дэн бросил ему швабру, и юноша принялся чистить лодку, счищать ил, тину; делал он это, правда, неловко, неумело, но с полным усердием.

Целый ливень блестящей рыбы полетел в загородку.

— Мануэль, держи лодку! Гарвей, почисти её!

— Эта лодка — словно утка на воде! — сказал Долговязый Джэк, высокий человек с седым щетинистым подбородком и длинными губами.

Троп в своей каюте что-то ворчал и громко сосал карандаш.

— Двести три штуки! Дай-ка взглянуть! — попросил человек, который был ростом ещё выше Долговязого Джэка. Лицо его было безобразно из-за огромного рубца, тянувшегося от левого глаза до правого угла рта.

Не зная, что делать дальше, Гарвей вымыл дно лодки, снял поперечины и положил их на дно.

— Он — молодец! — произнёс человек с рубцом, имя которого было Том Плэт, критически оглядывая Гарвея. — Есть два способа работать: один — это ловить рыбу, другой...

— То, что мы делали на старом «Огио»! — прервал его Дэн. — Не мешай мне, Том Плэт, дай мне накрыть на стол!

Он прислонил конец стола к перилам и ткнул его ногой.

— Дэн, ты ленив и способен спать целый день, — сказал Долговязый Джэк, — ты также достаточно дерзок; но я уверен, что ты исправишь в неделю этого молодца, если захочешь!

— Его имя — Гарвей! — сказал Дэн, размахивая двумя ножами очень странной формы. — Он стоит пятерых из южного Бостона!

Юноша положил ножи на стол, покачал головой и полюбовался на производимый ими эффект.

— Я думаю, тут сорок два! — произнёс где-то снаружи тонкий голос.

— Счастье изменило мне, — ответил другой голос, — у меня сорок пять штук!

Раздался смех.

— Сорок два или сорок пять! Я сбился со счета!

— Это Пенн и дядя Сальтерс считают улов! — сказал Дэн. — Это вся их дневная добыча? Надо взглянуть!

— Назад, назад! — прогудел Долговязый Джэк. — Сыро там сегодня, детки!

— Сорок два, ты сказал? — спросил дядя Сальтерс.

— Я пересчитаю! — ответил ему чей-то голос.

Обе лодки причалили к шхуне.

— Постой! — вскричал дядя Сальтерс, расплёскивая воду веслом. — Терпеть не могу таких людей, как ты! Ты только сбил меня со счёту!

— Мне очень жаль, мистер Сальтерс. Я пошёл в море, рассчитывая вылечить нервную диспепсию!

— Убирайся ты со своей нервной диспепсией! Провались ты совсем! — проворчал дядя Сальтерс, жирный, плотный маленький человек. — Сколько ты сказал, сорок два или сорок пять?

— Я забыл, мистер Сальтерс! Надо пересчитать!

— Конечно, сорок пять штук, — ворчал Сальтерс, — ты плохо считаешь, Пенн!

Диско Троп вышел из каюты.

— Сальтерс, — сказал он, — убери рыбу как следует! — Голос его звучал повелительно.

Пенн, стоя в лодке, продолжал считать улов.

— Это улов всей недели! — сказал он, жалобно поглядывая кругом.

— Одна, две, четыре, девять! — считал Том Плэт. — Сорок семь всего!

— Подержи! — ворчал дядя Сальтерс. — Держи, я опять сбился со счета!

— Кто-нибудь из наших будет собирать «клубнику», — сказал Дэн, обращаясь к восходящему месяцу, — и наверное, найдёт много!

— А другие, — возразил дядя Сальтерс, — будут есть и лентяйничать.

— За стол! За стол! — кричал чей-то голос, которого Гарвей ещё не слышал.

Троп, Том Плэт, Джэк и Сальтерс пошли к столу.

Маленький Пенн наклонился над рулём. Мануэль лежал, вытянувшись, на деке, а Дэн вколачивал молотком гвозди в бочку.

— Скоро будем ужинать и мы, — сказал он, — Том Плэт и отец ужинают вместе с другими, это — первая смена! Ты, я, Мануэль и Пенн — юность и красота нашего общества. Это — вторая смена!

— Ну что же, — сказал Гарвей, — я очень голоден!

— Они скоро кончат. Хорошо пахнет? Отец держит хорошего повара. Сегодня славный улов! Какова была вода, Мануэль?

— Двадцать пять локтей! — ответил португалец.

Луна уже высоко поднялась на небе и отражалась в спокойных водах моря, когда старшие кончили ужин. Повару не пришлось звать «вторую смену».

Дэн и Мануэль уселись за стол в то время, когда Том Плэт, самый рассудительный из старших, усердно вытирал рот рукой. Гарвей последовал за Пенном и сел за стол перед кастрюлей с вареной треской, за которой следовали свинина со свежими овощами и горячим хлебом и крепкий чёрный кофе. Как они ни были голодны, но ждали, пока прочтут молитву. Затем они принялись за еду. Наконец Дэн тяжело вздохнул и спросил Гарвея, как он себя чувствует.

— Хорошо, но место в желудке ещё есть! — отвечал Гарвей.

Кок — огромный чёрный негр — почти не говорил, ограничиваясь улыбками и знаками.

— Смотри, Гарвей, — сказал Дэн, — молодые и красивые люди, ты, я и Мануэль, — мы — вторая смена и едим после первой. Они — старые рыбаки. Их желудки не любят ждать. Они едят первые. Не правда ли?

Кок кивнул головой.

— Разве он не говорит? — спросил Гарвей шёпотом.

— Немного. Его язык очень смешон. Он явился с Бретенского мыса, где говорят на каком-то наречии шотландского языка.

— Это не шотландский язык, а гэльский, — сказал Пенн. — Я читал в одной книге!

— Пенн много читает!

— Твой отец, Дэн, уже спросил, сколько они наловили рыбы? Они его не обманут?

— Нет. Какой смысл им лгать из-за какой-то трески?

Вторая смена кончила ужин. Тень от мачт и оснастки чёрным пятном ложилась на палубу.

Целая груда рыбы на корме светилась, словно серебро. Диско Троп и Том Плэт ходили взад и вперёд. Дэн передал Гарвею вилы и повёл его к грубому столу, по которому дядя Сальтерс нетерпеливо барабанил рукояткой ножа.

У его ноги стоял ушат с солёной водой.

— Помоги дяде Сальтерсу солить рыбу, да береги глаза, когда Сальтерс начнёт размахивать ножом, — сказал Дэн, качаясь на подпорке. — А я буду передавать соль вниз.

Пенн и Мануэль стояли на коленях, размахивая ножами. Долговязый Джэк, в рукавицах, разместился против дяди Сальтерса.

— Га! — вскричал Мануэль, взяв одну рыбу под жабры, и бросил её в загородку. Сверкнуло острие ножа, и рыба с распоротым брюхом упала к ногам Джэка.

Долговязый Джэк держал в руке черпак.

Вот печень упала в корзину. Ещё удар, и треска, обезглавленная, выпотрошенная, шлёпнулась в ушат, разбрызгивая солёную воду в лицо удивлённому Гарвею.

Все работали молча. Скоро ушат был полон рыбы.

— Натирай солью! — крикнул дядя Сальтерс, не поворачивая головы, и Гарвей начал натирать рыбу солью.

Мануэль ревностно работал, стоя неподвижно, как статуя, но его длинные руки непрерывно загребали рыбу.

Маленький Пенн также работал добросовестно, но видно было, что он неловок.

Иногда Мануэль находил возможность помочь Пенну, не пропуская в то же время и своей очереди. Раз Мануэль уколол палец о французский крючок и закричал от боли. Крючки эти делаются из мягкого металла, чтобы можно было вторично загнуть их после употребления, но треска часто срывается с этих крючков и уносит их с собою, пока не падёт вновь. Вот почему глостерские рыбаки не жалуют французов и их изобретений.

Звук втирания крупной соли напоминал шум точильного колёса; вместе с ним смешивался шорох режущих ножей, отделявших голову от туловища, шлёпанье падающих внутренностей и распластанной рыбы.

Поработав с час, Гарвей очень не прочь был отдохнуть. Свежая сырая рыба вовсе не так легка, как вы думаете. От постоянного сгибания у Гарвея заныла поясница. Зато в первый раз в жизни у него было сознание, что он — полезный член трудящегося человечества. Эта мысль заставляла его гордиться, и он молча продолжал работать.

— Стой! — крикнул наконец дядя Сальтерс. Пенн выпрямился и взглянул из-за груды распластанной рыбы. Мануэль начал раскачиваться, чтобы размять уставшее тело. Долговязый Джэк облокотился. Как молчаливая чёрная тень, пришёл негр-кок, подобрал несколько рыбьих голов и хребтов и ушёл.

— Славное у нас будет блюдо на завтрак! — чмокнул губами Долговязый Джэк. — Отварная рыба с сухарями!

— Воды! — попросил Диско Троп.

— Вот там кадка стоит, а рядом ковш, Гарвей! — скомандовал Дэн.

Гарвей живо сбегал и вернулся с огромным ковшом мутной, застоявшейся воды, которая, однако, показалась слаще нектара и развязала язык Диско и Тому Плэту: они перекинулись замечаниями насчёт количества пойманной трески.

Но вот Мануэль снова подал сигнал приниматься за дело. На этот раз работали, пока не выпотрошили и не посолили всей остальной рыбы. Покончив с работой, Диско Троп и его брат отправились в каюту, ушли также и Мануэль с Долговязым Джэком, скоро исчез и Том Плэт. Несколько минут спустя Гарвей уже слышал громкий храп, доносившийся из каюты, и вопросительно поглядел на Дэна и Пенна.

— Кажется, Дэни, я сегодня работал чуточку получше, — сказал Пенн, едва поднимая отяжелевшие веки. — Однако надо помочь тебе убрать все это!

— Уходи восвояси, Пенн, — отвечал Дэн. — Это вовсе не твоё дело. Тащи-ка сюда ведро, Гарвей. А ты, Пенн, помоги мне стащить вот это в кладовую, а потом и ступай себе спать!

Пенн поднял тяжёлую корзину с рыбьей печенью и переложил её содержимое в огромную бочку, после чего исчез и он.

— Мыть палубу — обязанность юнг; они же должны стоять на вахте в тихую погоду. Таковы правила на шхуне «Мы здесь»! — Дэн энергично принялся мыть пол, вычистил ножи и стал точить их, в то время как Гарвей, по его указанию, выбрасывал за борт оставшиеся рыбы кости и отбросы.

При первом всплеске из спокойной, словно застывшей воды поднялось что-то серебристо-белое и послышался какой-то странный вздох. Гарвей отскочил и вскрикнул от испуга. Дэн засмеялся.

— Это касатка! — сказал он. — Бросай-ка теперь рыбы головы. Они всегда так вздыхают, когда голодны. Разве ты никогда не видел раньше касаток? Ты увидишь их здесь сотнями. Я ужасно рад, что у нас на шхуне опять есть юнга. Отто — стар, да к тому же немец. Мы с ним постоянно ссорились. Да ты спишь?

— Едва на ногах стою! — кивнул Гарвей.

— На вахте спать нельзя. Пойди-ка посмотри, горит ли наш сигнальный огонь. Ты сегодня дежурный, Гарвей!

— Ну, зачем же? Никто не натолкнётся на нас. Светло как днём!

— Всякое случается. Бывает, что заснёшь вот так, в хорошую, ясную погоду, а какой-нибудь пароход наскочит и раскроит судно надвое. А потом будут уверять, что на шхуне огни не были зажжены и был непроглядный туман. Гарвей, я тебя полюбил, но, если ты будешь клевать носом, я тебя разбужу вот этим концом каната!

Сиявший в эту ночь на небе месяц был свидетелем странной картины: худенький, стройный юноша в красной куртке, спотыкаясь, ходил взад и вперёд по палубе семидесятитонной шхуны, а за ним, зевая и тоже спотыкаясь, следовал другой и размахивал в воздухе концом морского каната.

Руль тихо поскрипывал, паруса слегка трепались под дыханием слабого ветерка, брашпиль побрякивал, а странная процессия все двигалась. Гарвей жаловался, грозил, кричал, наконец, даже расплакался, а Дэн заплетаящимся языком рассказывал ему о красотах ночи, продолжая стегать концом. Наконец пробило десять часов, и Пенн выполз на палубу. Он нашёл обоих мальчиков спящими рядом. Они спали так крепко, что ему пришлось тащить их до коек.

III

Благодатный сон освежил их душу и тело, и к завтраку они явились с завидным аппетитом. Опорожнив большую оловянную чашку сочной рыбы, они принялись за работу: вымыли тарелки и сковороды, оставшиеся от обеда старших, которые уже отправились на рыбную ловлю, нарезали ломтями свинину к обеду, заправили лампы, натаскали в кухню угля и воды. День был ясный, тёплый. Гарвей вдыхал свежий, чистый воздух полной грудью.

За ночь подошло немало других шхун, и море пестрело парусами. Вдали дымили невидимые

пароходы да виднелись паруса большого корабля. Диско Троп сидел на крыше каюты и курил. Он смотрел на море, кишевшее мелкими судами.

— Когда отец вот эдак задумается, — сказал Дэн, — это неспроста. Отец хорошо знает нравы трески. А весь рыбацкий флот знает отца. Вот они все и собрались сюда, будто невзначай, на самом же деле зорко следят за нашей шхуной. Вон «Принц Лебо», он подобрался к нам ночью. А вот та большая шхуна, с заплатой на парусе, это «Кэри Питмэн» из Чэтгэма. Когда отец пускает дым кольцами, вот как сейчас, это значит, что он изучает все рыбы хитрости и планы. Если теперь заговорить с ним, он страсть как рассердится. Недавно я подвернулся ему в такую минуту, так он в меня сапогом швырнул!

Диско Троп сосал свою трубку и смотрел вдаль. Действительно, он старался угадать, куда направится треска. Он знал, что все эти появившиеся на горизонте шхуны пришли, чтобы воспользоваться его опытом и знаниями; но это только льстило его самолюбию. Однако на добычу он все-таки пойдёт один. По окончании сезона он отправится в Виргинию. Так раздумывал Диско Троп. Он ничего не забыл, принял в расчёт и погоду, и ветер, и течение, и количество имеющихся съестных припасов. Поглощённый мыслями о треске, сам он походил на большую треску. Наконец, он вынул изо рта трубку.

— Отец, — сказал Дэн, — мы сделали своё дело. Позволь нам спуститься на шлюпке. На море тихо!

— Только не в этом красном шутовском наряде и жёлтых башмаках. Дай ты ему, Дэн, что-нибудь попримечнее!

— Отец сегодня в хорошем расположении духа, — заметил весело Дэн, увлекая за собою в каюту Гарвея. Им вдогонку Троп бросил ключ. — Моя запасная куртка хранится у отца, потому что мать говорит, что я неряха!

Дэн порылся в сундуке, и несколько минут спустя Гарвей преобразился: на нем была грубая темно-синяя матросская куртка с заплатами на локтях, а на ногах красовались огромные резиновые сапоги, какие носят рыбаки.

— Ну вот, теперь ты на человека похож! — сказал Дэн. — Да ну же, поворачивайся скорее!

— Далеко не забирайтесь, — напутствовал Троп, — да к чужим шхунам не подходите близко. Если вас кто спросит, что я намерен делать, отвечайте правду — то есть, что вы ничего не знаете!

Маленькая, окрашенная в красный цвет шлюпка была привязана к корме. Дэн притянул её и легко спрыгнул на дно шлюпки. За ним тяжело свалился в лодку Гарвей.

— Ну, этак в лодку прыгать не годится, — укорил его Дэн. — Хорошо, что сегодня тихо; будь волны, ты бы опрокинулся вместе со шлюпкой и пошёл бы ко дну. Учись быть ловким!

Дэн вложил уключины и сел на переднюю скамейку, наблюдая за Гарвеем. Мальчику случалось раньше грести, только катаясь на каком-нибудь пруду, и грёб он, как барышня. Но между лёгкими вёслами, какими он взмахивал тогда, и тяжёлыми длинными вёслами, которыми приходилось работать теперь, была большая разница: он не мог вытащить их из воды, и у него вырвался вздох досады.

— Чаше! Гребь чаще! — кричал Дэн. — Надо поворачивать весла в воде!

Шлюпка была чистенькая. На дне её лежали маленький якорь, два ковша, гарпун, пара лесок с двойными крючками и тяжёлыми грузилами.

— А где же мачта и паруса? — спросил Гарвей, успевший уже натереть себе мозоли на руках.

— Плохая ловля на парусах! — захохотал Дэн. — Да ты не очень налегай! Скажи, хотел бы ты иметь такую лодочку?

— Отец мог бы подарить мне не одну такую! — отвечал Гарвей.

— Правда. Я забыл, что твой отец миллионер. Ну а ты пока не разыгрывай из себя миллионера. Так ты думаешь, он тебе подарил бы шлюпку со всеми снастями? Ведь это стоит кучу денег!

— В этом не было бы ничего удивительного. Мне только не приходило в голову просить об этом отца.

— Должно быть, твой отец очень добрый и расточительный человек. Тише, Гарвей!

Весло выскочило из уключины и ударило Гарвея в подбородок, отбросив его назад.

— Вот видишь! Да мне и самому попадало, когда я учился грести. Только мне тогда было всего восемь лет!

Гарвей сел на прежнее место. Челюсть ныла. Он сидел, нахмурившись.

— Нечего дуться. Отец говорит, что мы сами виноваты, если не умеем обращаться с вещами. Ну-ка, попытаем счастья здесь. Вот и Мануэль!

Португалец был на расстоянии мили от них, однако, когда Дэн подал ему знак веслом, он замахал в ответ левой рукою.

— Тридцать сажен, — сказал Дэн, насаживая на крючок приманку. — Ну, нечего нежничать. Смотри на меня и делай так же!

Дэн давно уже закинул удочку, а Гарвей все ещё не мог умудриться насадить на крючок приманку. Лодка легко скользила по течению. Они ещё не бросили якоря.

— Попалась! — закричал Дэн. Крупная треска, всплеснув хвостом по воде, обрызгала Гарвея и тяжело шлёпнулась в лодку.

Дэн ловко оглушил рыбу молотком и выдернул из её рта крючок. В это время и Гарвей почувствовал, что на его удочку клюнуло.

— Посмотри, Дэн, ведь это «клубника»! — закричал он.

Крючок запутался в кусте «клубники», очень похожей на настоящую лесную, с такими же белыми с розовыми бочками ягодами, только листьев не было, а стебли были липкие.

— Брось! Не трогай!

Но было уже поздно. Гарвей снял пучок клубники с крючка и любовался им.

— Ой! Ой! — закричал он вдруг. Он обжёг пальцы, точно схватил крапиву.

— Ну, теперь ты знаешь, что такое морская клубника. Отец говорит, что ничего, кроме рыбы, нельзя трогать голыми руками. Швырни эту дрянь в море, да насаживай поскорее приманку. Нечего зря глазеть!

Гарвей улыбнулся, вспомнив, что ему положили десять с половиною долларов жалованья в месяц, и подумал о том, что сказала бы его мать, увидев его на рыбацкой лодке, посреди океана. Она не находила себе места от волнения, когда он отправлялся кататься на лодке по Серенакскому озеру. Вспомнил он также, что смеялся над её страхом. Вдруг удочку сильно

потянуло у него из рук.

— Отпусти немного! — закричал Дэн. — Сейчас я тебе помогу!

— Не смей! Это моя первая рыба, я сам хочу... Да уж не кита ли я поймал?

— Пожалуй, палтуса! — Дэн наклонился, стараясь разглядеть, что там, в воде, и держа наготове на всякий случай гарпун. Что-то овальное и белое блестело в воде... — Эге! Да эта рыбка не меньше пятнадцати фунтов весом! Ты что же, непременно хочешь справиться с нею один?

Лицо Гарвея было красным от напряжения и волнения. Пот катился с него градом. Солнце отражалось в воде и слепило глаза. Мальчики устали возиться с палтусом, который двадцать минут бился, увлекая за собою лодку. Наконец, они справились с крупной рыбой и втащили её в лодку.

— Недурно для начала! — сказал Дэн, вытирая лоб.

Гарвей с гордостью смотрел на свою добычу. Он часто видел пойманных палтусов на мраморных столах магазинов, но никогда не интересовался тем, как их ловят. Теперь он это знал по опыту. Усталость давала себя знать во всем теле.

— Если бы отец был здесь, — заметил Дэн, — он сказал бы, что это значит. Теперь рыба попадает все больше мелкая, а ты поймал самого крупного палтуса, какие ловились нами в это плавание. Вчера поймали много крупной рыбы, но ни одного палтуса. Это что-нибудь да значит. Отец знает все приметы рыбной ловли в этом месте!

В это время на шхуне «Мы здесь» раздался выстрел из пистолета и на мачте показалась корзина.

— Что бы это значило? Это сигнал, чтобы вся команда возвращалась на шхуну. Отец никогда не прерывал рыбной ловли в это время. Поворачивай, Гарвей!

Он шли против ветра и приближались уже к шхуне, как вдруг до них донеслись жалобные крики Пенна, находившегося в полумиле от них. Он кружился со своей лодкой на одном месте, как огромный водяной паук. Пенн пробовал сдвинуться с места, но лодка тотчас поворачивала назад, точно притянутая верёвкой.

— Надо помочь ему, — сказал Дэн, — а то он останется здесь до второго пришествия!

— Что с ним случилось? — спросил Гарвей. Теперь он жил в особом мире, в котором многое было ему ново, и он не только не чувствовал себя вправе предписывать законы старшим, как это делал раньше, но постоянно должен был обращаться к ним за разъяснениями. Море было по-прежнему спокойно.

— Опять запутал якорь. Уж этот Пенн, вечно потеряет якорь. Вот за это плавание он уже посеял два якоря в песчаном дне. Отец говорит, что, если он потеряет ещё один, он даст ему «келег». Вот почему Пенн в таком отчаянии!

— А что такое «келег»? — спросил Гарвей, смутно представляя себе какую-нибудь ужасную пытку, практикуемую моряками.

— Большой камень вместо якоря. Если на чьей-нибудь лодке увидят камень, все знают, что это значит, и поднимают матроса на смех. Пенн страшно боится этого. Он такой чувствительный! Ну что, Пенн, опять запутался? Брось, милый, своё искусство!

— Не могу сдвинуться с места, — пожаловался Пенн. — Уж я пробовал и так и сяк — ничего

не помогает!

— А это что за гнездо? — спросил Дэн, указывая на связку запасных весел и верёвок.

— Это испанский кабестань, — с гордостью отвечал Пенн. — Сальтерс научил меня делать его, но и он не может сдвинуть лодку с места!

Дэн закусил губу, чтобы скрыть улыбку, дёрнул раз, другой за верёвку и вытащил якорь.

— Принимай, Пенн! — засмеялся он. — Не то опять зацепится!

Пенн широко раскрыл свои голубые глазки, удивлённо смотрел на якорь и горячо благодарил Дэна.

Когда они отъехали от лодки Пенна так, чтобы их не было слышно, Дэн сказал Гарвею:

— У Пенна шариков не хватает. У него разум помутился. Ты заметил?

— В самом деле или это предположение твоего отца? — спросил Гарвей, налегая на весла. Работа вёслами шла у него заметно лучше.

— Отец в этом случае не ошибся. Пенн действительно странный. Я расскажу тебе, как это с ним случилось... Так, так, Гарвей, ты теперь гребёшь отлично... — Он был когда-то моравским пастором. Его звали Джэкоб Боллер — это отец мне говорил, — у него была жена и четверо детей, и жили они где-то в Пенсильвании. Раз Пенн забрал их всех и отправился на моравский митинг; на ночь они остановились в Джонстоуне. Ты слышал когда-нибудь, что есть такой город?

Гарвей подумал.

— Слышал, — вспомнил он, — только не помню, по какому поводу. Вот и другое такое имя — Аштабула — почему-то припоминается мне!

— Потому что с обоими связаны воспоминания о страшных событиях. В ночь, когда Пенн и его семья были в гостинице, Джонстоун исчез с лица земли. Плотины прорвало, и город погиб от наводнения. Дома смыло и унесло водою. Я видел картины, на которых было изображено это бедствие — оно было ужасно. Жена и дети утонули на глазах у Пенна прежде, чем он успел опомниться. Вот с этого времени ум его и помутился. Он смутно помнит, что что-то случилось в Джонстоуне, но что — не помнит. Забыл он даже, кто он, чем был раньше. Дядя Сальтерс встретил его в Алетани-Сити. Сальтерс — добрый человек, он взял Пенна к себе и дал ему работу.

— Разве твой дядя Сальтерс фермер?

— Всегда был земледельцем. Ферму свою он продал недавно одному бостонцу, который выстроил на её месте дачу. Он заплатил дяде кучу денег. Ну, вот на эту ферму, которая ещё тогда не была продана, Сальтерс и привёл Пенна. Оба бобыля жили себе, скребли землю; только раз моравские братья, к секте которых принадлежал Пенн, проведали, где он находится, и написали Сальтерсу. Не знаю, чего они хотели от него, только Сальтерс страшно рассердился. Сам он принадлежал к епископальной церкви и ответил, что ни за что не выдаст Пенна какой-то моравской секте и не отпустит его в Пенсильванию. Потом он, вместе с Пенном, пришёл к отцу — это было два года тому назад — и попросил, чтобы отец взял их с собою на рыбную ловлю. Он не ошибся, предположив, что моравцы не пустятся в погоню за Джэкобом Боллером в море. Отец охотно взял Сальтерса на шхуну — я это прекрасно помню, — и он рыбачил. Морской воздух хорошо подействовал на Пенна. Отец говорит, что когда он придёт в себя, вспомнит про жену и детей, то и умрёт. Никогда не говори Пенну о Джонстоуне, не то дядя Сальтерс выбросит тебя за борт!

— Бедняга Пенн! — прошептал Гарвей. — А между тем кто бы мог подумать, что Сальтерс так заботится о нем!

— Я тоже люблю Пенна, мы все жалеем его, — сказал Дэн. — Мы бы могли взять его лодку на буксир, да я хотел тебе рассказать все это про него, чтобы ты знал!

Они подошли близко к шхуне. Подходили за ними и остальные лодки.

— Будет вам сегодня ловить рыбу! — закричал Дэн. — Посмотри, Гарвей, сколько судов прибыло ещё с утра. Все они выжидают, куда пойдёт отец. Взгляни, Гарвей!

— Мне они все кажутся похожими друг на друга!

Действительно, для непривычного глаза все эти покачивающиеся в море шхуны казались одинаковыми. Но Дэн хорошо знал их все и начал называть их Гарвею по именам, рассказывать, кому они принадлежат и откуда пришли.

— Что это не видно «Эбби Диринг», отец? Верно, и она подойдёт завтра!

— Завтра вы не увидите других шхун, Дэнни, — отвечал Троп. Старик всегда называл сына Дэнни, когда был в духе. — Тесно здесь, молодцы, уж очень мы окружены! — продолжал он, обращаясь к рыбакам, высаживавшимся на шхуну. — Пусть себе ловят и крупную и мелкую рыбу другие, а мы уйдём на другое место! — Троп взглянул на привезённую рыбаками добычу: за исключением пойманного Гарвеем палтуса, рыба была вся мелкая.

— Я жду перемены погоды, — прибавил Троп.

— Что-то не предвидится перемены, — сказал Долговязый Джэк, окинув взглядом безоблачное небо.

Однако через каких-нибудь полчаса над морем спустился туман. Он клубился и ложился, как дым, над бесцветной водой. Рыбаки молча принялись за дело. Сальтерс и Джэк стали поднимать якорь. Брашпиль заскрипел, когда стали наматывать мокрый канат. Наконец, с шумом, похожим на рыданье, якорь был вытасчен.

— Поднимай кливер и фок-вейль! — отдал приказание Троп.

Скоро шхуна «Мы здесь» стояла под парусами, которые наполнялись ветром.

— Туман принёс с собой ветер! — сказал Троп.

Гарвей с удивлением смотрел на все, что происходило вокруг. Больше всего его удивляло, что он почти не слышит команды. Только изредка старый Троп не то скажет, не то проворчит что-то или в виде одобрения скажет: «Вот так, сынок».

— Ты никогда ещё не видел, как снимаются с якоря? — спросил Том Плэт.

— Никогда. Куда мы пойдём?

— На рыбную ловлю, как ты мог догадаться, прожив неделю на шхуне. Тебе все в диковину. А мы привыкли к неожиданностям. Думал ли я когда-нибудь, что попаду...

— Все лучше, чем получить четырнадцать долларов в месяц и пулю в живот! — откликнулся Троп, стоя у руля.

— Доллары и центы хороши, — возразил отставной служивый, прилаживая что-то у кливера. — Да мы об этом не думали, когда работали у брашпиля на «Мисс Джим Бок», выйдя с рейда Бофор в то время, как нам вслед открыли огонь с крепости, а море так и кидало нас. Где ты

был в то время, Диско?

— В этих же местах, где мы находимся сейчас, зарабатывал себе хлеб рыбной ловлей да старался не попасться в лапы пиратам. Жаль, что не могу услужить тебе, Том Плэт, горячим боем. Однако, кажется, мы выйдем в море, как следует, с попутным ветром!

Волны всплёскивали у киля и рассыпались брызгами у носа шхуны. Тяжёлые капли падали со снастей. Все рыбаки ушли на подветренный борт шхуны, только дядя Сальтерс упрямо оставался у люка. Вот волна со свистом и шумом хлестнула через борт, ударила Сальтерса прямо в спину и окатила его с ног до головы. Он встал, сердито сплюнул и пошёл было на другое место, но его опять окатило. Сальтерс попробовал встать у фок-мачты, но и тут воды было ему по колено.

— Пенн, ты бы шёл в каюту и напился кофе, — сказал Сальтерс, — нечего тебе слоняться по палубе в такую погоду.

— Ну, теперь они будут распивать кофе и играть в шашки, пока коровы с поля не придут! — сказал Дэн, когда дядя Сальтерс вслед за Пенном отправился в каюту. — Да, пожалуй, скоро последуем их примеру и мы все. Нет на свете людей ленивее наших земляков, когда они не на рыбной ловле!

— А я и забыл, что у нас на шхуне есть пассажир! — закричал Долговязый Джэк. — Только и вспомнил, когда ты заговорил с ним, Дэнни. Тому, кто не знает названия снастей, некогда лениться. Передай-ка нам новичка, Том Плэт, мы его поучим!

— Ну, теперь очередь не за мною! — засмеялся Дэн. — Иди один. Меня учил концом морского каната отец!

Целый час мучил Долговязый Джэк свою жертву, показывая, как он говорил, вещи, которые каждый должен знать на море, будь он слеп, пьян или спросонья. На шхуне вместимостью в семьдесят тонн не Бог весть сколько снастей, но Долговязый Джэк любил красноречие и выразительные жесты. Желая обратить внимание Гарвея на гардель, он упирался пальцами в затылок мальчика и заставлял его долго смотреть вверх; чтобы научить его отличать корму от носа, у него тоже была особая система: не доходя несколько футов до гафеля, он слегка потягивал его за нос; название каждого каната укреплялось в памяти Гарвея лёгким ударом конца верёвки.

Урок был бы легче, если бы палуба не была так завалена. Но по ней трудно было двигаться. Приходилось шагать через цепи и канаты брашпиля, пробираться мимо насоса, между кадок для рыбьей печени.

Том Плэт не забыл также описать Гарвею, какие паруса и снасти были на «Огио», пароходу, на котором он когда-то служил.

— Не слушай его, малый! — вмешался Джэк. — Том Плэт, ты только сбиваешь с толку мальчика со своим «Огио»!

— Должен же я ознакомить его с основными правилами мореходства! — возразил Том. — Управлять парусным кораблём — целое искусство, Гарвей. Я бы показал тебе, если бы...

— Знаю, ты бы его до смерти заговорил. Молчи, Том. Ну-ка, Гарвей, скажи, как ты возьмёшь рифы у фок-вейля? Подумай хорошенько!

— Натяну вот эти... — ответил Гарвей, указывая на подветренную сторону.

— Что?

— Рейки. Потом притяну вот эту верёвку, которую вы мне показали сзади...

— Это непорядок! — вмешался Том Плэт.

— Оставь! Он ещё учится и не помнит всех названий. Не робей, Гарвей!

— Вспомнил: тали, зацеплю канат за фиш-тали и спущу...

— Надо сказать: закреплю паруса у гардели, — продолжал Гарвей, вдруг вспоминая затверженные названия.

— Покажи! — сказал Джэк.

Гарвей начал показывать и называть снасти.

— Кое-что ты позабыл, но мало-помалу всему научишься. На шхуне нет ни одной лишней снасти, потому что, если бы нашлось что лишнее, выбросили бы за борт. Вот послушай меня. Я тебя не худому научу: научу, как зарабатывать доллары и центы. А с деньгами в кармане ты можешь добраться из Бостона до Кубы и рассказать там, чему тебя научил Джэк. Ну а теперь обойдём шхуну вместе, я тебе буду называть все снасти, а ты повторяй за мною!

Он начал, а Гарвей, уже порядком уставший, нехотя поплёлся за ним. Вдруг конец морского каната обвился вокруг его рёбер. Дух замер у Гарвея от боли.

— Когда у тебя будет своя шхуна, — сказал Том Плэт, сурово взглянув на него, — ты можешь разгуливать такой походкой. А до тех пор бегай, когда исполняешь приказания. А для верности вот тебе ещё!

Гарвею и без того было жарко от постоянного движения. Теперь от удара его бросило в жар. Гарвей был мальчик впечатлительный, достойный сын умного человека и чувствительной женщины. От природы он был решительного характера, но систематическое баловство сделало его страшно упрямым. Он взглянул на окружающих и заметил, что даже Дэн не улыбается. Очевидно, им это казалось в порядке вещей и ничуть не оскорбляло их нравственного чувства. Пришлось проглотить обиду и постараться запомнить урок. Долговязый Джэк назвал ещё несколько снастей, а Гарвей извивался по деку, как угорь во время отлива, не спуская глаз с Тома Плёта.

— Отлично! — похвалил Мануэль. — Ужо вечером я тоже покажу тебе все снасти. Ну, помаленьку и научишься!

— Недурно для пассажира, — подтвердил и Дэн. — А я тебя поучу на следующем дежурстве!

Диско озабоченно всматривался в туман, который становился все гуще и гуще перед носом корабля. Уже в десяти футах расстояния от утлегаря[2] не было видно не зги. А мутные волны, шепча и словно лаская друг друга, катились вдаль торжественной, бесконечной чередой.

— Ну, теперь я тебя поучу тому, чему Долговязый Джэк не сумел научить! — воскликнул Том Плэт... И он схватил из отделения под палубой, у кормы, дип-лот и обмакнул его в баранье сало.

— Я тебе покажу, как летают голуби. Шш!

Диско повернул колесо, и шхуна пошла в другом направлении, Мануэль и Гарвей бросились ему помогать. Гарвей опустил кливер. Лот загудел, когда Том Плэт быстро начал им вертеть.

— Вперёд! — нетерпеливо закричал Долговязый Джэк. — Мы всего в двадцати пяти футах от

Огненного острова, а кругом туман. Не до фокусов теперь!

— Измерение глубины моря лотом своего рода фокус! — сказал Дэн. — Зачем ты это сделал, отец?

Диско переменялся в лице. Его честь была затронута. Он пользовался среди остальных рыбаков репутацией искусного моряка и кичился тем, что знает отмели, как свои пять пальцев. За ним следовали и другие рыбацьи суда.

— Шестьдесят! — сказал он, взглянув на компас.

— Шестьдесят! — воскликнул Плэт, натягивая длинную мокрую верёвку.

Шхуна ещё раз повернула в другом направлении.

— Бросай! — приказал Диско четверть часа спустя.

— Как ты это узнал, отец? — прошептал Дэн, с гордостью глядя на Гарвея. Но Гарвей был слишком преисполнен сознанием своей ловкости, чтобы обращать внимание на него.

— Пятьдесят! — сказал отец. — Я думаю, мы теперь как раз находимся у Зеленой отмели!

— Пятьдесят! — кричал Том Плэт, которого почти нельзя было разглядеть в тумане.

— Насаживай приманку, Гарвей! — сказал Дэн, отыскивая лесу.

Шхуна, казалось, блуждала в густом тумане; передний парус обвис. Рыбаки смотрели на мальчиков, которые принялись за рыбную ловлю, и выжидали.

— Эй! — Леса Дэна вздрогнула. — Как это отец угадал? Помоги, Гарвей! Должно быть, крупная попалась! — Они потянули и вытащили большую пучеглазую треску в полпуда весом. Она глубоко проглотила крючок с приманкой.

— Да она вся покрыта маленькими крабами! — удивился Гарвей, повёртывая её брюхом вверх.

— Положительно, ты видишь под водой, Диско! — заметил Джек.

Якорь с плеском погрузился в воду, и рыбаки все забросили лесу.

— Можно их есть? — спросил Гарвей, вытаскивая с бьющимся от волнения сердцем вторую покрытую крабами треску.

— Конечно. Когда попадается вот такая вшивая треска, это значит, что она ходила стадом тысячами, а это верный признак, что она голодна и будет глотать не то что приманку, а голый крючок!

— Посмотри-ка, какая огромная! — кричал Гарвей, вытаскивая бьющуюся и тяжело дышащую рыбу. — Отчего бы нам не ловить треску всегда так, со шхуны, вместо того, чтобы выезжать на лодках?

— Надо спешить, пока головы и отбросы со шхуны не испугали рыбу. Ловля с лодки не может быть так удачна. Отец уж знает, что лучше. Пожалуй, сегодня ночью попробуем ловить рыбу неводом. Только спину-то побольше ломит, когда тащишь треску вот как теперь, со шхуны, чем когда сидишь в лодке!

Труд в самом деле был тяжёлый. В лодке рыбу почти не надо поднимать и держать на весу; она поддерживается водой. Тащить рыбу до борта шхуны труднее; приходится все время

лежать, перевесившись через борт. Но рыбаки работали горячо, с увлечением, и на палубе лежала уже большая груда рыбы, когда наконец треска перестала ловиться.

— Где же Пенн и дядя Сальтерс? — спросил Гарвей, убирая лесу.

— Пойди-ка принеси нам кофе, заодно увидишь и дядю Сальтерса с «Пенсильванией»!

В каюте за столом, при жёлтом свете лампы, сидели два человека и играли в шашки. Сальтерс все время брюзжал, что Пенн плохо играет. Они были далеки от мысли о происходившей наверху ловле трески.

— Ну, что там? — спросил Сальтерс, когда Гарвей, держась за кожаные перила трапа, позвал кока.

— Целые груды крупной рыбы! — отвечал Гарвей. — Ну, есть игра?

У Пенна задрожали губы.

— Пенн не виноват! — сердито забрюзжал Сальтерс.

— Ну что, в шашки играют? — спросил Дэн, когда Гарвей вернулся с дымящимся кофе. — Ну, сегодня, значит, не нам придётся мыть палубу. Отец человек справедливый. Они отдыхали, пока мы все работали, они и будут чистить шхуну!

— А тем временем два других знакомых мне молодчика будут закидывать невод! — сказал Диско, готовя колесо.

— Гм! Уж лучше я буду мыть и чистить, отец!

— Знаю, что тебе было бы лучше, да мало ли что! Ладно, почистит и Пенн, а вы половите рыбку!

— Черт возьми! Отчего же эти глупые мальчишки не сказали нам, что ловят рыбу? — ворчал дядя Сальтерс. — Этот тупица Дэн!

— Ну, если вы от шума бакштова не проснулись, наймите себе мальчика, чтобы будил вас, — огрызнулся Дэн, споткнувшись впотьмах о бак, в котором сложены были лесы. — Как ты думаешь, Гарвей, не спуститься ли нам вниз за приманкой?

Решено было, что мальчишки возьмут в качестве приманки оставшиеся от чистки рыбы отбросы, сложенные в кадках, в трюме. Тут же лежали свёрнутые в кольца лесы с большими крючками.

Насаживать на эти крючки приманку — целое искусство. Дэн хорошо справлялся с этой задачей на ощупь. Гарвей постоянно колол себе пальцы о бородку крючка. Пальцы Дэна проворно работали.

— Я закидывал невод ещё в то время, когда не умел хорошо ходить, но все же нахожу, что это дело нелёгкое. Ах, отец, отец! — вздохнул он.

Диско и Том Плэт в это время занимались засолом рыбы.

— Сколько скатов должны мы наловить?

— Штуки три. Ну, поворачивайся живее! О! — вскрикнул он вдруг и сунул палец в рот. — Вот и я уколол себе руку. Веришь ли, Гарвей, если бы мне собрали и предложили деньги всего Глостера, я и тогда не согласился бы поступить на корабль, на котором рыбу ловят только неводом. Пусть это самый усовершенствованный способ ловли, по-моему, это самый

каторжный, самый тяжёлый труд на свете!

— Я не знаю, что это такое, — сказал Гарвей угрюмо. — Знаю только, что у меня все пальцы изрезаны в кровь!

— Это одно из самых тяжёлых испытаний, какому подвергает отец. Но у него всегда есть серьёзные причины поступать так. Отец всегда знает, что делает, поэтому и ловля у него всегда удачная!

— Пенн и дядя Сальтерс, по приказанию Диско, вымыли палубу, но от этого мальчикам не стало легче. Том Плэт и Долговязый Джэк осмотрели с фонарём шлюпку, поставили в неё баки и маленькие баканы и спустили в море, которое, как показалось Гарвею, было очень бурное.

— Они непременно пойдут ко дну, потому что так нагрузили лодку! — сказал он.

— Целы будем и вернёмся! — успокоил его Джэк.

Лодку подняло гребнем волны. Казалось, она вот-вот разобьётся вдребезги о корпус шхуны, но она как-то скользнула и исчезла в тумане.

Дэн дал Гарвею в руки верёвку от висевшего за брашпилем колокола и велел ему все время звонить.

Гарвей звонил усердно. Он знал, что в его руках жизнь двух людей. Однако Диско, пославший этих людей на опасную ловлю и записывавший что-то в вахтенный журнал у себя в каюте, вовсе не походил на убийцу. Проходя мимо Гарвея ужинать, он даже улыбнулся при виде его озабоченного лица.

— Что это за буря! — сказал Дэн. — Это и мы с тобой могли бы отправиться в такую погоду. Они недалеко отошли от шхуны. Право, не стоит так трезвонить!

Но Гарвей продолжал звонить ещё с полчаса.

Вдруг послышался крик и стук. Мануэль и Дэн бросились к борту. Это вернулись Долговязый Джэк и Том Плэт. Они выловили, казалось, половину рыбьего населения Северного Атлантического океана и тащили его на себе. Том Плэт сбросил с себя мокрую ношу. Джэк снял сапоги и вылил из них воду, потом, неуклюже прыгнув, как вздумавший дурачиться слон, смазал Гарвея по лицу жёсткой, пропитанной рыбьим жиром рукой,

— Будем иметь удовольствие вместе откусать! Сегодня мы почтим ужин второй смены нашим присутствием!

Действительно, все четверо пошли ужинать. Гарвей наелся до отвала отварной рыбы с сухарями и пирога и заснул как раз в то время, когда Мануэль вытащил из ящика двухфутовую модель «Люси Хольмс», корабля, на котором он совершил своё плавание, и собирался показать на ней все снасти. Гарвей даже пальцем не шевельнул, когда Пенн уложил его на скамейку.

— Как тяжело, должно быть, его отцу и матери, которые думают, что он утонул. Трудно, ох трудно потерять ребёнка! — вздохнул Пенн, взглядываясь в лицо Гарвея.

— Не думай об этом, Пенн, — сказал Дэн, — пойди лучше закончи свою партию в шашки с дядей Сальтерсом. Отец, я постою сегодня на вахте за Гарвея. Он совсем умаялся!

— А малый, право, славный! — сказал Мануэль, стаскивая с себя сапоги и тоже укладываясь на скамье. — Из него, пожалуй, выйдет человек. А что, Дэнни, ведь он вовсе не такой

бестолковый, как показалось твоему отцу?

Дэн хотел выразить согласие, но тоже захрапел.

Море бурлило. Поднялся ветер, и стоять на вахте пришлось старшим. Часы мирно отбивали такт. Море ревело, а в каюте раздавался свист и храп спящих. Печка шипела, когда брызги попадали в трубу. Мальчики спали, а Денко, Джэк, Том Плэт и дядя Сальтерс по очереди ходили смотреть штурвал, якорь или поворачивали на фордевинд.

IV

Гарвей проснулся, когда уже первая смена сидела за завтраком. Двери хлопали. Шхуна трещала по всем швам. В маленькой корабельной кухне негр-кок раскачивался, то и дело теряя равновесие, а котлы и сковороды дребезжали и прыгали, хотя и были прикреплены к деревянной переборке. С грустным воплем вздымались и падали волны. Слышно было, как они разбивались, на минуту как бы в бессилии замолкали, чтобы снова обрушиться на палубу. Скрипел канат; брашпиль сердито визжал; шхуна поворачивала на бакборт[3]; её бросало из стороны в сторону.

— Ну, теперь к берегу! — услышал Гарвей голос Джэка. — Уйдём от флотилии рыбацких судов. Честь имеем кланяться!

Джэк, как большая змея, перевалился от стола к скамье и начал курить. Его примеру последовал Том Плэт. Дядя Сальтерс с Пенном отправились на вахту. Кок начал подавать завтрак второй смене.

Смена не заставила себя ждать. Аппетит у неё был богатырский. Подкрепив силы, Мануэль набил трубку каким-то ужасным табаком, уселся на скамью, положил ноги на стол и, лениво развалившись, с улыбкой смотрел на кольца дыма. Дэн растянулся на другой скамейке и наигрывал на пёстрой, разукрашенной позолотой гармонике. Кок, прислонившись к шкафу, в котором держал пироги (Дэн ужасно любил пироги), чистил картофель, не спуская глаз с плиты, опасаясь, чтобы вода не слишком залила трубу. Дым и запах стояли невообразимые.

Вопреки ожиданиям Гарвей не чувствовал усталости. Тем не менее он с удовольствием лёг на скамейку, как будто это был мягкий диван. А Дэн наигрывал какую-то народную песенку, насколько позволяли толчки шхуны.

— Что же, это долго будет продолжаться? — спросил Гарвей у Мануэля.

— Может, до ночи, а может быть, и дня два. А что, не нравится? Вот поутихнет, опять будем ловить рыбу!

— Неделю тому назад я бы расхворался от такой качки, а теперь ничего!

— Это от того, что ты теперь стал настоящим рыбаком. На твоём месте, вернувшись в Глостер, я поставил бы вот какую толстую свечу за своё спасение, да и не одну, а две-три!

— Кому свечу?

— Ну, конечно, Божьей Матери, в нашей церкви, что на холме. Она милостива к рыбакам. Мы, португальцы, чтим её, а потому редкие из наших рыбаков тонут!

— Ты католик?

— Я уроженец Мадейры, как же мне не быть католиком? Так вот, я и ставлю всегда две-три свечи по возвращении в Глостер, и Мать Божия не забывает меня!

— Я этому не верю! — откликнулся со своего места Том Плэт, посасывая трубку. — Море капризно. Чему быть, того не миновать. Тут ни свечи, ни керосин не помогут!

— Что ни говори, а вера — великое дело, — сказал Джэк, — я согласен с Мануэлем. Лет десять тому назад я был матросом на одном бостонском торговом судне. Корабль пошёл ко дну, бедняга. Тогда я пообещал, если останусь в живых, показать святым угодникам, какого талантливого малого они спасли. Как видите, я остался цел и невредим, а модель старого «Кэтлина», над которой я проработал добрый месяц, я передал священнику, чтобы он повесил её в алтарь. По-моему, в жертве модели больше смысла, чем в приношении свечи. Свечей можно поставить сколько угодно, а принося святым модель, жертвуешь свой труд, и они видят, что человек им благодарен!

— И ты веришь всему этому, ирландец? — спросил Том Плэт, приподнимаясь на локте.

— Если бы не верил, то и не делал бы того, что говорю, друг мой.

— Прекрасно. А вот Енох Фуллер сделал модель «Огио», так она теперь в музее. Славная модель, скажу я вам, только Енох никому не посвящал её...

Рыбаки могли бы говорить на эту тему ещё долго, если бы Дэн не перебил их, затянув весёлую песню, излюбленную рыбаками. Долговязый Джэк подхватил.

В песне говорилось про скумбрию с полосатой спиной, про треску с глупою башкой, про камбалу, которая любит плавать глубоко по дну морскому.

Дэн пел и по временам опасно поглядывал на Тома Плэта. Вдруг толстый сапог Плэта полетел и попал прямо в Дэна. Плэт почему-то выходил из себя, когда пели или насвистывали эту песенку, и если Дэн хотел подразнить его, он всегда напевал её. Дэн швырнул сапог обратно в Плэта. Началась настоящая война.

— Если тебе не нравится моя музыка, вытащи на свет Божий свою скрипку. Не могу же я лежать здесь целый день и слушать ваши рассуждения о свечах. Сыграй нам что-нибудь на скрипке, Том Плэт, или я выучу Гарвея своей песне!

Плэт вытащил из сундука старую скрипку. У Мануэля заблестели глаза. Он тоже достал откуда-то инструмент с проволочными струнами, похожий на гитару.

— Концерт, — улыбнулся сквозь облако дыма Джэк, — форменный концерт, точно в Бостоне!

Дверь распахнулась, и на пороге появился Диско в жёлтом непромокаемом плаще.

— Добро пожаловать, Диско. Ну, как погода?

— Какая была, такая и осталась!

Не удержавшись на ногах от сильной качки, Диско не сел, а почти шлёпнулся на сундук.

— Мы тут на сытый желудок вздумали петь. Ну-ка, Диско, будь запевалой! — сказал Джэк.

— Да я только и знаю каких-нибудь две песни, и то вы много раз слышали!

Между тем Том Плэт заиграл грустную-грустную мелодию; в ней, казалось, слышался плач ветра и стон гнущейся мачты. Диско устремил взгляд в потолок и запел старинную-старинную песню, прелюдию к которой только что сыграл Плэт.

Они пели про путешествие какого-то судна из Ливерпуля к Ньюфаундлендским отмелям, где вода так мелка и дно такое песчаное, что видно, как плавают рыбы. Песня была бесконечно длинная. Путешествие от Ливерпуля до Нью-Йорка описывалось добросовестно, слушатели могли себе смело представить, что сами сидят на палубе судна. По временам хор подхватывал припев. Доехав благополучно до места назначения судна, певцы попросили и Гарвея спеть что-нибудь. Гарвей был очень польщён этой просьбой, но оказалось, что он ничего не помнит, кроме «поездки шкипера Айрсона». Эту песню он выучил в школе. Казалось, она соответствовала как нельзя более месту и обстоятельствам. Но едва он успел упомянуть о ней, Диско топнул ногой и закричал:

— Не пой, милый! Это сплошная ложь!

— Какая ложь? — удивился и даже немного обиделся Гарвей.

— Все, что ты собираешься рассказывать нам, — неправда. Ложь с начала до конца. Айрсон не виноват. Отец мой рассказал мне все. Вот как было дело!

— В сотый раз повторяет он эту историю! — пробормотал про себя Джэк.

— Бэн Айрсон, милый мой, был шкипером на судне «Бетти», которое возвращалось с Отмелей. Случилось это ещё до войны 1812 года. Но правда всегда останется правдой. Они встретили портландский корабль «Актив», на котором был шкипер Гиббонс. На корабле открылась течь. Дул сильный ветер. «Бетти» шла на всех парусах. Айрсон уверял, что в такую бурю нельзя рисковать, но его не послушали. Он предложил, чтобы «Бетти» не удалялась от «Актива» до восхода солнца. Не согласились они и на это и решили обогнуть мыс при какой угодно буре, во что бы то ни стало. Они пошли дальше, Айрсон, конечно, с ними. Жители Марблхэда, куда они пришли, страшно сердились на Айрсона за то, что он не рискнул подойти к «Активу», с которого между тем на следующий день другому кораблю удалось снять несколько человек. Но они забыли, что на следующий день на море было тихо. Между тем спасшиеся с «Актива» люди распустили в городе слух о том, что население восстановлено против них, пошли к нему и стали сваливать свою вину на него. Не вступись тогда за Айрсона марблхэдские женщины, с ним расправились бы судом Линча: вымазали бы дёгтем и обваляли в перьях; однако все же Айрсона посадили в старую лодку и волоком протащили по всему городу, пока не вывалилось дно. Айрсон говорил своим мучителям, что когда-нибудь они пожалеют, что так поступили с ним. В самом деле, впоследствии истина открылась, хотя, как это часто бывает, слишком поздно — честный, ни в чем не повинный человек уже пострадал. Тот, кто сочинил песенку про Бена Айрсона, подхватил дошедшую до него нелепую и заведомо лживую историю и вторично надругался над невиновным уже после его смерти. Мой Дэн тоже раз принёс эти стихи из школы, но ему здорово за них влетело. Ты не знал, что эти стихи лживые, но теперь я тебе рассказал правду, запомни её раз и навсегда. Бен Айрсон никогда не был таким, каким его представил рифмоплёт. Отец мой знавал его и до и после того случая. Так вот, друг мой, никогда не осуждай людей слишком опрометчиво.

Никогда ещё Гарвею не приходилось слышать, чтобы Диско так долго и так горячо говорил. Дэн успокоил его, заметив, что мальчик не виноват, если его научат в школе чему-нибудь ненужному: учиться он должен, а разобраться в том, что правда и что ложь, не так-то просто.

Между тем Мануэль забренчал на своей расстроенной и дребезжащей гитаре и запел какую-то смешную песенку про «Невинную Нину». Кончил он её, ударив по струнам так, что они чуть не лопнули. После него Диско удостоил почтённое собрание своей второй песенкой, на старомодный заунывный мотив. Рыбаки подпевали ему хором.

«Уже наступает май и стаял снег, — пели они, — нам пора оставить Нью-Бедфорд и тронуться в путь. Китоловы никогда не видят, как колосится пшеница. Когда её сеют, мы уходим в море, а когда возвращаемся, находим на столе уже испечённый свежий хлеб».

Скрипка звучала так грустно, и Гарвею хотелось плакать, он сам не знал почему. Дело пошло ещё хуже, когда кок бросил чистить картофель и тоже взялся за скрипку. Послышалась уже не печальная, а прямо какая-то зловещая мелодия. После короткой прелюдии он запел что-то на непонятном для слушателей языке. Толстым подбородком он прижимал к себе скрипку, а белки глаз его так и сверкали при свете лампы. Гарвей даже встал со скамейки, чтобы лучше слышать. Скрипели мачты, шумели волны, звуки песни заглушались стоном и рёвом прибоя и, наконец, замерли щемящею душою жалобой.

— Бр! У меня мороз по коже пробегает от этой песни, — сказал Дэн. — Что это такое ты пел?

— Песню одного моряка, плававшего в Норвегию.

Повар не Бог, ведь сколько знал по-английски, но слова, которые он произносил, звучали правильно и как-то отрывочно, точно из фонографа.

— Я был в Норвегии, но ничего подобного не слышал. Впрочем, это, должно быть, какая-нибудь старинная песня! — вздохнул Джэк.

— Вот послушайте для разнообразия кое-что повеселее! — сказал Дэн, и его гармоника заиграла какую-то бойкую, бравурную песенку.

— Замолчи! — заревел Том Плэт. — Что ты хочешь — накликать на нас беду, что ли? Эту песню можно петь, только когда мы кончим рыбную ловлю. Это — Иона!

— Никакой беды не будет, если только не спеть последнего куплета. Не правда ли, отец? А про Иону мне рассказывать нечего. Я и сам все хорошо знаю!

— Какой Иона? — спросил Гарвей. — Что это такое?

— Ионой у нас называется все, что приносит несчастье. Иногда несчастье приносит человек, мальчик, иногда какая-нибудь вещь, ну, хоть ведро. Раз на одном корабле, на котором мне пришлось совершить два плавания, был нож для разделки рыбы — он приносил нам несчастье! — сказал Том Плэт. — Разные бывают Ионы. Джим Бурк был тоже Ионой, пока не утонул. Я ни за что не соглашался служить на одном судне с Джимом. На «Ezra Flood» была зелёная шляпка, которая тоже приносила несчастье. На ней утонули четыре рыбака!

— И вы этому верите? — спросил Гарвей, припоминая слова Тома Плэта о свечах. — Ведь Бог всякому человеку посылает свою судьбу!

Рыбаки начали спорить.

— На суше — одно, на море — другое дело, — сказал Джэк. — Никогда не смейся над Ионой, друг мой!

— Ну уж Гарвея нельзя назвать Ионой, — вставил слово Дэн. — Помните, какой у нас был удачный улов на другой день после того, как мы выловили из моря Гарвея!

Вдруг кок поднял голову и как-то дико захохотал. Всем сделалось жутко.

— Каторжный! — выругался Долговязый Джэк. — Не смей больше так хохотать!

— Разве я не правду говорю? — сказал Дэн. — Гарвей принёс нам счастье!

— Конечно, — отвечал кок, — но ведь лов ещё не кончился!

— Он нам не причинит зла! — горячо вступился Дэн. — На что ты намекаешь? Он ни в чём не виноват!

— Зла, пожалуй, не сделает. А вот в один прекрасный день он будет твоим хозяином!

— Только-то! — холодно возразил Дэн.

— Хозяин! — указал кок на Гарвея. — Слуга! — кивнул он на Дэна.

— Вот ещё выдумал! С каких пор? — засмеялся Дэн.

— Через несколько лет. Я доживу до этого времени и увижу. Хозяин и слуга, слуга и хозяин!

— Кто тебе это сказал, черт возьми? — спросил Том Плэт.

— Я предвижу это!

— Как это? — спросили все с удивлением.

— Не знаю как, но так случится! — Он опустил голову и отправился чистить картофель. Больше от него ничего не могли добиться.

— Ну, — сказал Дэн, — много ещё времени пройдёт до тех пор, пока Гарвей сделается моим хозяином. Хорошо, однако, и то, что наш колдун не назвал Гарвея Ионой. Ну а вот дядя Сальтерс, по-моему, настоящий Иона своего собственного счастья. Не знаю только, не заразительна ли болезнь «неудача» так же, как ветряная оспа. Ему бы плавать на шхуне «Кэри Питмэн». Удивительно не везёт этой шхуне. Мне кажется, что она когда-нибудь потерпит крушение в тихую погоду!

— Мы ушли далеко от остальных рыбацких шхун, — сказал Диско. — «Кэри Питмэн» тоже осталась далеко позади.

Вдруг на палубе послышалась возня.

— Должно быть, Сальтерс поймал своё счастье! — сказал Дэн.

Диско вышел.

— Прояснилось! — крикнул он сидевшим в каюте. Все высыпали на палубу подышать свежим воздухом. Туман рассеялся, но море ещё сердито волновалось. Волны, не зная ни покоя, ни жалости, вздымались до верхнего конца бизань-реи, а ветер со свистом наполнял паруса и гнал шхуну между водяных гор и холмов. Море пенилось; белые гребни венчали мутные волны на необозримом пространстве. И над этой безотрадной пустыней то и дело проносились бесцельные порывы ветра.

— Как будто что-то мелькает вон там! — сказал Сальтерс, указывая по направлению норд-оста.

— Неужели это кто-нибудь из рыбаков? — подумал вслух Диско, вглядываясь вдаль, где в промежутках между валами виднелся большой корабельный нос. — Сбегай-ка, Дэн, посмотри, как лежит наш буй!

Дэнни, стуча толстыми сапогами, взобрался на грот-мачту, цепляясь за краспиц-салинг, и долго блуждал взглядом, пока не увидел на расстоянии полумили бакан с развевавшимся на нем флагом.

— Буй на месте! — крикнул он отцу. — Это шхуна, отец. Я вижу дым!

Через полчаса небо расчистилось ещё больше. Там и сям, сквозь разорванные клочки облаков, проглядывало солнце, бросая на море зеленые блики. Нырря, показалась из волн толстая фок-мачта с пожелтевшими парусами.

— Француз! — закричал Дэн. — Наверно, француз!

— Нет, не француз! — отозвался Диско.

— У меня хорошее зрение, — сказал Сальтерс. — Это дядя Абишай!

Шхуна была старая, грязная, с обтрёпанными, спутанными и связанными узлами снастями. Ветром гнало её со страшной быстротой. Стаксель был спущен, а малые рейки съехали набок. Шпринтов торчал, как у старомодного фрегата! Утлегарь был скреплён и сколочен кое-как гвоздями в ожидании более основательной починки. Шхуна похожа была на неряшливую, нечёсаную старуху.

— Ну, так и есть — Абишай, — подтвердил Сальтерс. — Его шхуна, верно, идёт на рыбную ловлю в Микелон!

— Ну, пожалуй, она пойдёт не в Микелон, а ко дну, — сказал Джэк. — С такими снастями в бурю не ждаться добра!

— Не пошла ко дну до сих пор, не потонет и теперь, — возразил Диско. — Скорее похоже, что она рассчитывает потопить нас. А что, как будто она слишком глубоко сидит в воде, Плэт?

— Да, не худо бы им повыкачать воду насосом!

В это время на полуразбитой шхуне показался седобородый старик и крикнул что-то, чего Гарвей не разобрал. Но лицо Диско омрачилось.

Старик махал руками, как будто работал у насоса, и указывал вперёд. Судовая команда смеялась в ответ на его угрозы.

— Убрать снасти, поднять якорь! — кричал дядя Абишай. — Ветер свежееет. Это ваше последнее плавание. Все вы — глостерская треска, вы не увидите более своего родного Глостера.

— Он бредит, как всегда, — сказал Плэт. — Хорошо было бы, если бы он нас не заметил!

Шхуну увлекло течением, так что слова сумасшедшего предсказателя перестали доноситься. У Гарвея волосы встали дыбом от ужаса при виде полуразрушенного судна и его странной безумной команды.

— Это не корабль, а какой-то плавучий ад! — сказал Джэк.

— Это рыболовное судно, — объяснил Дэн Гарвею. — Оно плавает по побережью. Теперь оно идёт к южному берегу. — Он указал по направлению берегов Ньюфаундленда. — Отец никогда не берет меня на этот берег. Народ там живёт грубый. Но самый грубый из них — Абишай. Ты видел его шхуну. Говорят, что она вышла из Марбльхэдских верфей лет семьдесят тому назад. Теперь больше таких не строят. Абишай не показывается в Марбльхэд, да его там и не ждуют. Он ловит рыбу и шлёт проклятия, вот как ты слышал сейчас. Много лет считается рыбаками Ионой, торгует зельями и заклинаниями, говорят также, что он может дать морякам попутный ветер. Я думаю, что все это вздор!

— Ну, сегодня ночью нечего и думать о рыбной ловле, — сказал Том Плэт с уверенностью. — Он нарочно прошёл мимо нас, чтобы принести нам неудачу. Увидим его, бывало, на шкафуте «Огио», так и знаем, что в этот день будут наказывать матросов!

Качаясь, как пьяная, шхуна Абишайя неслась по ветру. Все смотрели ей вслед. Вдруг кок закричал своим чётким голосом фонографа:

— Это он на свою голову беду накликать! Смотрите, корабль идёт ко дну!

Судно вышло в полосу света милях в четырех от них. Но солнце только на минуту осветило кусочек моря и снова спряталось. Так же скоро исчезла под водой и шхуна. Только что её все видели, и вдруг её не стало.

Диско вскочил.

— Пьяны они или трезвы, но мы должны им помочь! Живо! Поднимайте паруса!

Подняли кливера и фок-вейль, спешно снялись с якоря. От быстрого движения шхуны Гарвея чуть не отбросило на другой конец палубы. Речь шла о жизни и смерти, и маленькое судёнышко «Мы здесь» волновалось, полное жалости к гибнущим, точно оно было не судно, а живой человек. Оно полетело на всех парусах к месту, где исчезла шхуна Абишай. Но там плавали только две-три кадки из-под рыбы, бутылка из-под джина и шляпка.

— Не трогайте ничего, — сказал Диско, хотя никто и не пытался выловить плавающие предметы. — Я ни за что не взял бы к себе на корабль даже спички, принадлежавшей Абишаю. Быстро они пошли ко дну. Должно быть, шхуну надо было законопатить неделю тому назад, а они не позаботились и даже воду не выкачивали. Неудивительно: они всегда были пьяны!

— Слава Богу! — сказал Джэк. — Если бы они не утонули, нам пришлось бы их вылавливать!

— Да, так лучше! — согласился Том Плэт.

— Ну, они унесли с собою свою неудачу! — сказал кок, дико вращая глазами.

— Я думаю, рыбаки будут рады, когда мы им расскажем о случившемся, — заметил Мануэль. — Да, их сильно гнало ветром, а шхуна была ветхая, — и пакли не было в пазах... — Он развёл руками, как бы желая выразить беспомощное состояние погибшего корабля. Пенн зарыдал от жалости и ужаса. Гарвей не мог дать себе отчёта в том, что только что видел, но ему было нехорошо.

Дэн взобрался на краспиц-салинг, а Диско направил шхуну к тому месту, где плавал их буй. Только они вернулись, туман снова спустился над морем.

— Да, умереть недолго, — задумчиво сказал Диско. — А ты, мальчик, не верь, что тут замешано колдовство; дело не в колдовстве, а в зелье-водке!

После обеда рыбаки, пользуясь тихой погодой, принялись ловить рыбу на лодках. На этот раз деятельное участие приняли в ловле Пенн и Сальтерс. Рыбы поймали много, и попадалась все крупная.

— Абишай унёс с собою своё несчастье, — подумал вслух Сальтерс. — Ветру нет, да вот и рыба клюёт. Впрочем, я никогда не был суеверен!

Том Плэт стоял на своём, что лучше было бы бросить якорь в другом месте.

— Счастье переменчиво, — сказал кок. — Присмотритесь, сами увидите. Уж я-то знаю!

Джэк не знал, к кому примкнуть, наконец он согласился с Томом Плэтом, и они отправились вдвоём.

Рыбаки закидывали лесу, снимали рыбу, снова насаживали на крючки приманку и закидывали в море. Труд этот далеко не безопасен: тяжёлая рыба, оттягивая лесу, может опрокинуть лодку. В тумане слышалось чьё-то пение. Вся команда шхуны встрепенулась, шляпки

заходили вокруг. Добыча доставалась богатая. Том Плэт звал на помощь Мануэля.

— Нам везёт, — сказал Джэк, ловко вонзая в рыбу гарпун, а Гарвей раскрыл рот от удивления при виде ловко управляемой лодки, которая чуть было не опрокинулась от тяжести рыбы. — Живей, Мануэль, тащи нам сюда кадку с приманкой! Сегодня на нашей улице праздник!

Рыба так и клевала. Её не успевали снимать с крючков. Том Плэт и Долговязый Джэк методически закидывали лесу, стряхивали с неё по временам морские огурцы, за которые она цеплялась, оглушали ударом молотка пойманную треску, складывали её в кучу. Так работали они до сумерек.

— После ужина мы примемся за чистку рыбы! — сказал Диско.

Это была грандиозная чистка. Опять из воды вынырнули три или четыре касатки, поглотившие выброшенные за борт рыбы внутренности. Так провозились рыбаки до девяти часов. Диско уже в третий раз приказывал кончать, Гарвей все ещё бросал разделанную рыбу в трюм.

— Ты очень быстро привык, — сказал ему Дэн, когда рыбаки ушли и они стали точить ножи. — Сегодня на море случилось много необычного, что же ты ничего не говоришь?

— Некогда разговаривать, — отозвался Гарвей, пробуя только что отточенное лезвие. — Я только что думал о нашей шхуне. Видишь, как она качается!

Маленькая шхуна качалась на якоре среди серебристых волн. Она пятилась, насколько позволяла длина каната, и тогда в клюзе раздавался точно выстрел. Покачивая носовой частью, точно кивая головою, она, казалось, говорила: «Жаль, но я не могу оставаться здесь с вами. Я пойду на север». Вот она собирается уплыть, но вдруг останавливается, трагически загремев снастями. «Я хотела сказать...» — начинает она торжественно, как подгулявший прохожий, обращающийся с речью к фонарному столбу. Впрочем, речь выражалась пантомимой, и конец её терялся в припадке суетливости. Повинуясь капризу волн, шхуна билась, как щенок, который старается перегрызть свою привязь, тряслась, как неуклюжая женщина в седле, как курица, которой отрезали голову, или корова, ужаленная шершнем.

— Смотри, — засмеялся Дэн, — теперь она говорит проповедь, как Патрик Генри!

Вот она поднялась на волне и жестикулирует утлегарем, бакбортом и штарбортом.

— Дайте, ох дайте мне свободу или смерть!

Вот она попала в полосу лунного света, манерно раскланивается, но в это время захихикало колесо.

— Право, она точно живая! — громко расхохотался Гарвей.

— Она так же устойчива, как дом, и суха, как копчёная селёдка! — с восторгом отозвался Дэн, стоя на палубе, куда со всех сторон долетали брызги. — «Посторонитесь, посторонитесь, не подходите, не подходите ко мне близко!» — говорит ста. — А хорошие теперь строят яхточки! Вся наша шхуна могла бы поместиться в каюте такой яхты. Отец не жалуется на них. Отец хотя опытный рыбак, но он отстал от века и не судья в этом деле. Случалось тебе когда-нибудь видеть яхту «Электор» в Глостере?

— Сколько может стоить такая яхта, Дэн?

— Грудю долларов! Тысяч пятнадцать, а то и больше. Я бы назвал такую яхточку «Hattie S», — закончил он про себя, будто мечтая о чем-то.

В первый раз Гарвей услышал от Дэна, что он хотел бы назвать воображаемую рыболовную яхту, сделанную по модели Бергесса, именем своей шляпки. Гарвей много слышал о настоящей Хэтти, которая живёт в Глостере; ему показали даже локон её волос. Дэн ухитрился отрезать его на память в то время, как девушка сидела на школьной скамье перед ним; показал Дэн Гарвею и фотографию Хэтти. Ей лет четырнадцать, она страшная гордячка и всю зиму терзала сердце Дэна. Все это поведал Дэн товарищу, взяв с него клятву молчать, на палубе в лунную или тёмную ночь или среди непроглядного тумана, под звуки плачущего штурвала, среди вечно беспокойного, бурного моря. Мальчики все больше и больше сближались. Раз они затеяли бороться и с яростью преследовали друг друга от кормы до носа, пока не пришёл Пенн: он разнял их и обещал, что не скажет Диско, который считал, что драться на вахте ещё хуже, чем спать. Гарвей физически был гораздо слабее Дэна и должен был признать себя побеждённым.

От постоянно мокрой куртки и клеёнки у Гарвея руки от кисти до локтя покрылись болячками. Солёная вода страшно раздражала больную кожу. Когда нарывчики созрели, Дэн разрезал их бритвой Диско. При этом он сказал Гарвею, что теперь он настоящий «рыбак с Отмелей», так как у всех у них на руках рубцы — это клеймо их ремесла.

С тех пор как Гарвей стал юнгой на шхуне, он был очень занят, и ему не лезли в голову глупые мысли. Случалось, что он тосковал о матери, ему хотелось её увидеть и рассказать ей все, что с ним случилось, какой новой жизнью он живёт. Иногда он думал о том, как она перенесла известие о его мнимой гибели. Раз он стоял на трапе, слушая упрёки кока, который обвинял его и Дэна в том, что они стащили у него пирожки, и ему показалось, что это лучше, чем выговоры посторонних людей в салоне наёмного парохода.

Он был признанным членом экипажа шхуны «Мы здесь». У него было определённое место за столом, своя койка. В долгие бурные дни он принимал участие в беседах моряков и сам рассказывал о своей прежней жизни, казавшейся им «волшебной сказкой». Он пробыл на шхуне каких-нибудь два дня, а прежняя жизнь уже казалась ему чем-то далёким-далёким. За исключением Дэна рыбаки недоверчиво относились к его рассказам о домашнем житьё-бытьё, да и Дэн, пожалуй, верил лишь наполовину. Вот почему он перестал говорить в своих рассказах о себе, а рассказывал им о своём приятеле, который катался в миниатюрной коляске, запряжённой четвёркой пони, в Огио, заказывал себе по пяти костюмов сразу. Сальтерс находил, что рассказывать такие сказки просто грешно, но сам жадно слушал их, как и прочие рыбаки. Их критические замечания изменили, однако, взгляды Гарвея на костюмы, дорогие папиросы, кольца, часы, духи, званые обеды, шампанское, карты и жизнь в отелях. Мало-помалу рассказы его о «приятеле» становились все скромнее и сдержаннее. Долговязый Джэк окрестил героя его рассказов такими лестными прозвищами, как «полоумный козлёнок», «бэби с золотым обрезом» и «младенец Вандерпуп». Гарвей был наблюдательный мальчик, он все слушал, все подмечал и быстро приспособлялся к новой среде.

Скоро Гарвей узнал, где Диско прячет свой квадрант — под матрацем своей койки. Когда Диско по положению солнца и при помощи альманаха «Старый фермер» отыскивал широту, Гарвей одним прыжком оказывался в каюте и царапал вычисления и число месяца на заржавевшей трубе печи. Гарвей усвоил все приёмы настоящего, лет тридцать прослужившего во флоте механика.

Квадрант, карта берегов, «Альманах фермера», «Береговой лоцман» и «Мореплавателю»

были для Диско единственными указателями пути, если не считать дип-лота, который был для него третьим глазом.

Гарвей чуть не убил дип-лотом Пенна, когда Том Плэт в первый раз хотел показать ему, как «летают голуби». У Гарвея не хватало силы измерять дип-лотом глубину воды в бурную погоду, но, когда море было спокойно, Диско поручал ему делать замеры семифунтовым дип-лотом.

— Отцу вовсе не нужны твои измерения, — объяснял ему Дэн, — он велит тебе это делать ради науки. Хорошенько смажь лот салом, Гарвей!

Гарвей старательно смазывал салом конец лота и заботливо относил Диско все, что приставало к нему: песок, раковины, тину. Диско осматривал, обнюхивал принесённые предметы и руководствовался в плавании особенностями морского дна. Когда Диско думал о треске, сам он, как уже сказано, преобразался в треску. Инстинкты и многолетний опыт всегда заставляли его направлять шхуну туда, где ловилась рыба. Как искусный шахматный игрок с завязанными глазами может вести игру на шахматной доске, так и Диско инстинктивно находил места, где водится рыба.

Шахматной доской Диско была Большая Отмель, треугольник в двести миль длины и пятьдесят миль у основания, обширное, зыбучее море. Здесь царили сырые туманы, дули ветры, совершали набеги холодные льдины, бороздили волны пароходы, раскидывали свои белые крылья шхуны рыбаков.

Иногда приходилось работать в тумане. Сначала Гарвея оставляли на шхуне, и он звонил в колокол. Когда он привык к морским туманам, Том Плэт стал брать его с собою. Сердце Гарвея замирало от страха. Однако туман не рассеивался, а между тем рыба клевала, некогда было давать волю нервам. Гарвей сосредоточивал все своё внимание на лесе и остроге, пока не приходило время возвращаться на шхуну. Гребли они, руководимые отчасти просто чутьём Тома Плэта. Но Гарвей быстро привык. Теперь даже во сне ему снилось, что они меняют место якорной стоянки, идут среди тумана, снилась леса, закидываемая в невидимое пространство. Раз Гарвей с Мануэлем заехали в такое место, где якорь не доставал дна. Сознание, что он не чувствует под собою почвы, наполнило душу мальчика ужасом.

— Это Китовая Пещера, — сказал Мануэль. — Воображаю, как это не понравится Диско.

Они стали грести обратно к шхуне. Здесь уже Том Плэт и другие рыбаки подсмеивались над своим шкипером: наконец-то он ошибся и привёл их в Китовую Глубь, где не ловится рыба. Несмотря на туман, переменили место стоянки. Когда Гарвею снова пришлось выйти в море в шлюпке Мануэля, волосы у него стали дыбом от волнения и страха: в белом тумане двигалось что-то белое; от него веяло холодом могилы, слышался рёв и плеск воды. Ему в первый раз приходилось видеть плавающую ледяную глыбу, и он в ужасе забился на дно лодки, а Мануэль смеялся над ним. Бывали и тёплые, светлые дни, когда хотелось бы целыми часами лениться и отдыхать. Иногда Гарвея учили управлять шхуной.

Он вздрогнул от радостного волнения, когда в первый раз почувствовал, что киль, руль и паруса повинуются ему. Это наполнило его гордостью.

Однако, желая показать своё умение, Гарвей прорвал один парус, и ему пришлось поучиться, под руководством Тома Плэта, владеть иглой и напёрстком и самому починить парус. Дэн страшно обрадовался неудаче друга, потому что когда-то и с ним случилась такая же беда.

Гарвей наблюдал за всеми и от всех что-нибудь перенимал. Он гордился, как Диско, когда стоял у руля, взмахивал рукой, закидывая лесу, как Джэк, грёб вёслами ни дать ни взять как Мануэль и даже походку перенял у Плэта.

— Любо посмотреть, как он привыкает к делу, — сказал Джэк, наблюдая раз за Гарвеем в то время, как тот возился у брашпиля. — Он выучился шутя и стал настоящим моряком. Взгляните, он работает, как взрослый!

— Все мы так начинали, — отвечал Том Плэт. — Мальчики всегда воображают, что они взрослые. Так было и со мною, на старом «Огио». Помню, как я гордился, когда в первый раз стоял на вахте. То же чувствуют теперь Дэн и Гарвей. Вот они смолят канат с видом старых рыбаков. Кажется, ты ошибся насчёт Гарвея, Диско. Помнишь, ты нам говорил, что малый с придурью?

— Да он и был придурковат, когда мы его взяли на шхуну, — откликнулся Диско. — Теперь он исправился. Я вылечил его!

— А врать он умеет ловко, — сказал Том Плэт. — Как-то вечером он рассказывал нам сказки про такого же мальчугана, как он сам, который катался в Толедо в коляске, запряжённой четвёркой пони, и задавал ужины своим товарищам. Забавная волшебная сказка, и он их знает много!

— Со временем он выкинет весь этот вздор из головы, — заметил Диско, писавший что-то в вахтенный журнал у себя в каюте. — Кроме Дэна, никто не верит его сказкам, да и Дэн над ним смеётся, я сам слышал!

— Век не забуду, что сказал Симон Питер Кахун, когда за его сестру Хатти посватался Лорин Джеральд. Тогда его словечко подхватили и долго потом смеялись! — лениво процедил сквозь зубы дядя Сальтерс, мирно лежавший у штирборта.

Том Плэт сердито пыхнул трубкой. Он был местный старожил и никогда не слыхивал про Джеральда такой сплетни. Между тем Сальтерс продолжал со смехом:

— Симон Питер сказал, и он был прав, что Лорин наполовину кутила, а наполовину дурак. А я слышал, что она все-таки вышла за него замуж.

— Лучше бы ты, Пенсильванец, предоставил рассказывать эту историю уроженцу мыса!

— Я знаю, что я не красноречив, — возразил Сальтерс. — Так, только к слову пришлось. Вот и наш Гарвей такой — не то кутила, не то дурак. А некоторые верят, что он богат!

— А и весело было бы на шхуне, если бы у нас в команде было несколько таких умников, как Сальтерс! — сказал Долговязый Джэк. — Половина жила бы в трюме, другая в камбузе, как мог бы сказать Кахун.

Все засмеялись.

Диско не принимал участия в разговоре и продолжал записывать в вахтенный журнал свои замечания. Вот что можно было прочитать на засаленных страницах этой книги:

«17 июля. Сегодня густой туман и много рыбы. Переменили якорную стоянку, взяв на север. Так прошёл сегодняшний день».

«18 июля. Сегодня с утра туман. Поймали немного рыбы».

«19 июля. Сегодня дует лёгкий ветерок с норд-оста и погода ясная. Переменили стоянку, взяв на запад. Поймали много рыбы».

«20 июля. Сегодня, в субботу, туман и лёгкий ветерок. Так прошёл день. Итого поймано рыбы в течение недели 3478 штук».

По воскресеньям никто на шхуне не работал. Рыбаки мылись, брились, а «Пенсильвания» пел гимны. Раза два он робко заявил, что, пожалуй, мог бы прочитать проповедь. Дядя Сальтерс чуть не задушил его от негодования и стал уверять его, что он не пастор, и нечего ему и думать о проповедях.

— Пожалуй, он этак вспомнит и про Джонстоун, — пояснил Сальтерс, — а что тогда с ним случится?

Рыбаки согласились только на предложение Пенна почитать им вслух Книгу Иосифа. Это была толстая книга в кожаном переплёте, с виду очень похожая на Библию. В ней было много повествований о битвах и осадах, и рыбаки прочитали её от первой до последней строчки. Иногда на Пенна находила полоса: он целыми днями просиживал молча. При этом он играл в шахматы, слушал песни рыбаков, смеялся, когда они рассказывали смешные истории. Когда же его старались вызвать на разговор, он отвечал:

— Я не хочу быть нелюдимым, но мне нечего говорить. У меня в голове — пустота. Я даже не помню, как меня зовут!

— Неужели ты забыл, что тебя зовут Пенсильвания Прэт? — закричал Сальтерс.

— Никогда не забуду, — с уверенностью отвечал Пенн. — В самом деле — Пенсильвания Прэт! — повторил он.

Иногда Сальтерс сам забывал и говорил Пенну, что его фамилия — Гаскинс, Рич или Витти, но Пенну было все равно, он с одинаковой уверенностью повторял за ним каждое новое прозвище.

Пенн питал какую-то особенную нежность к Гарвею, считая, что он некоторым образом осиротел. Видя это, и Сальтерс смягчал своё обращение с ним. Вообще же Сальтерс был человек суровый и думал, что мальчиков следует держать в ежовых рукавицах. Гарвей сначала побаивался его, зато впоследствии они с Дэнном не прочь были сыграть с Сальтерсом какую-нибудь шутку. По отношению к Диско Гарвей себе этого никогда не позволил бы. Правда, у старика была своеобразная манера отдавать приказания. Он говорил обыкновенно: «Я думаю, ты бы лучше сделал, если бы...», или: «Ведь ты сделаешь так или этак?» В складке губ Диско, в уголке глаз было что-то внушающее уважение.

Диско ознакомил Гарвея с картой берегов, которую ставил выше всяких одобренных правительством изданий. Водя по ней карандашом, он показал ему все места якорных стоянок вдоль целого ряда отмелей — Ле-Гав, Западной, Банкеро, Сен-Пьер, Зеленой и Большой Отмелей. В то же время он говорил ему о местонахождении трески.

В этой науке Гарвей обогнал Дэна, зато в остальном он отстал. Диско говорил, что ему надо было бы поступить на шхуну лет десяти, чтобы одолеть все трудности морского дела, а теперь поздно учиться. Дэн мог насаживать приманку, закидывать невод, найти всякую снасть, править шхуну в темноте. Все это он исполнял механически, так же легко, как он взбирался на мачту. Он правил лодкой, как будто она составляла часть его самого. Но Гарвею он не мог передать своего умения.

В бурные дни моряки сидели в каюте: из их бесконечных рассказов, прерываемых по временам стуком падающих на шхуну предметов, Гарвей мог многому научиться. Диско рассказывал о ловле кашалотов, описывал предсмертную агонию этих животных среди бурного моря, говорил о крови, брызгающей на сорок футов в высоту, о разбитых в щепки лодках китоловов, о гибели рыбаков в северных льдах. Все это были дивные, но правдивые рассказы. Ещё удивительнее были рассказы Диско о треске, о её рассуждениях и размышлениях на дне глубокого моря.

Долговязый Джек любил сверхъестественное и чудесное. В глубоком молчании, с замирающим сердцем, слушали мальчики его рассказы о привидениях, которые пугают искателей раковин в заливе Мономей, о заживо погребённых в песчаных дюнах, о кладах, зарытых на Огненном Острове, о «Летучем голландце», носящемся ночью со своей мёртвой командой.

Гарвей, привыкший к беседам в уютных богатых гостиных, сначала смеялся над этими сказками о призраках и привидениях, но мало-помалу он стал относиться к ним серьёзнее и молча слушал их.

Том Плэт постоянно вспоминал своё плавание на «Огио» и сражения, в которых участвовал. Он рассказывал, как заряжали пушку ядрами, как шипела и дымилась картечь. Много недель стояли они на якоре, блокируя крепость. Дули холодные ветры, снасти обледенели... Плэт вышел в отставку, когда пароходы ещё только начали появляться, и флот, который он описывал, был довольно-таки первобытной конструкции; однако Плэт не слишком уважал современное изобретение — пароходы и твёрдо верил, что время парусных фрегатов в десять тысяч тонн не прошло.

Рассказывал иногда и Мануэль, но больше о хорошеньких девушках Мадейры, которые полощут бельё у живописных берегов речки, при лунном свете, под тенью развесистых бананов. Иногда тихим, ровным голосом он передавал внимательным слушателям легенды о святых или причудливые истории о плясках и потехах рыбаков в гаванях Ньюфаундленда.

Сальтерс охотнее придерживался земледельческих тем. Хотя он и любил почитать Книгу Иосифа, настоящим призванием его было хлебопашество, и он мог долго и много говорить о преимуществах какого-нибудь удобрения. Иногда он вытаскивал из сундука засаленную книжонку об удобрении почвы и принимался читать её Гарвею. Гарвей сначала смеялся над этой страстью Сальтерса, но, заметив, что его насмешки обижают маленького Пенна, он перестал насмехаться и стал молча выслушивать это чтение. Характер Гарвея вообще изменялся к лучшему.

Кок не принимал участия в беседах рыбаков. Он редко и мало говорил, но иногда на него находил какой-то странный стих, и он начинал говорить без конца на смеси гэльского и ломаного английского языков. Особенно часто он разговаривал с мальчиками и любил повторять им своё предсказание о слуге и хозяине. Кок рассказывал также о том, как ездят на санях, запряжённых собаками, в Кудрее, как ледорез-пароход ломает лёд между материком и островом Принца Эдуарда. Вспоминал он свою мать, которая рассказывала ему о жизни на далёком юге, где вода никогда не замерзает. Когда он умрёт, душа его полетит туда и найдёт покой на песчаном берегу тёплого южного моря, под ветвями чудных пальм. На самом деле бедный негр никогда в жизни не видел ни одной пальмы. За обедом кок постоянно спрашивал, вкусно ли приготовлено кушанье, и при этом всегда обращался только к Гарвею. Это очень потешало «вторую смену». Впрочем, рыбаки питали какое-то суеверное уважение к дару ясновидения кока и невольно уважали за это Гарвея.

Гарвей жадно ловил каждой клеточкой души новые познания, жадно вдыхал полной грудью здоровый воздух. А шхуна между тем шла своей дорогой и делала своё дело. Серебристо-серые груды рыбы в трюме все росли. Лов шёл не слишком блестяще, но и не дурно.

Другие рыбацьи шхуны зорко следили за Диско. Однако он ловко умел ускользнуть от них в туманные дни, среди хорошо знакомых ему отмелей. Избегал он соседства других потому, что не любил быть в обществе шхун разных национальностей. Большинство судов было из Глостера, Провинстоуна, Гарвича и Чаттэма, но экипаж был набран Бог знает откуда. В толпе беззаботных, алчных до наживы моряков всегда может случиться какая-нибудь неожиданная неприятность.

— Пусть себе их ведут оба Джеральда, — говорил Диско. — Мы теперь в плохих местах, Гарвей...

— Неужто? — спросил Гарвей, черпая ведром воду. — Что же? Можно сесть на мель?

— Я бы хотел выбраться поскорее к Мысу Восточному, — сказал Дэн. — Скажи, отец, неужели мы здесь застрянем недели на две? Там, Гарвей, начнётся горячая работа: некогда будет ни есть, ни спать. Хорошо, что ты попал к нам на шхуну месяцем раньше, а не теперь, а то мы не успели бы обучить тебя к прибытию на отмель Старой Девы!

Гарвей сообразил, рассматривая береговую карту, что отмель Старой Девы была поворотным пунктом плавания и что там они пополнят груз своей шхуны. Отмель эта обозначалась крошечной точкой, и Гарвей удивлялся, как Диско может найти её с помощью квадранта и дип-лота. Впрочем, Гарвей многого ещё не знал, и многое ему приходилось видеть и слышать вновь. Так, в один очень туманный день он услышал впервые звук сирены, напоминавший крики слона.

Они шли осторожно вперёд, как вдруг из тумана вынырнули красные паруса какого-то судна. На шхуне принялись звонить в колокол.

Послышался крик команды, спустили передние паруса.

— Француз, — сердито сказал дядя Сальтерс. — Наверное, идёт из Сен-Мало в Микелон!

— Hi! Backez-vous, backez-vous! Standes awayez, эй, вы, бодливые, mucho bono! Откуда идёте, из Сен-Мало?

— Есть! Есть! Mucho bono! Clos Poulet — St. Malo. St. Pierre et Miquelon! — закричала в ответ команда другого корабля, смеясь и размахивая в воздухе фуражками. — Bord! Bord!

— Принеси-ка сюда доску, Дэнни. Удивляюсь, какой берег эти французы ищут здесь. Поддай им сигнал сорок шесть, сорок девять!

Дэн начертил цифры мелом на доске и вывесил на грот-мачте. Матросы с встречного корабля благодарили.

— Не очень-то любезно отвечаем мы им! — сказал Сальтерс.

— Жаль, что ты не научился говорить по-французски с прошлого плавания, — отвечал Диско.

— Я не хочу тащить с собой балласта, как случилось в Ле-Гаве!

— Может быть, ты, Гарвей, умеешь говорить по-французски?

— Умею, — смело вызвался Гарвей. — Эй! Послушайте! — заорал он. — Arretez-vous! Attendez! Nous sommes venus pour tabac!

— Ah! Tabac, tabac! — кричали они и смеялись.

— Это им по нутру. Спустим-ка шлюпку! — сказал Том Плэт. — Мои познания французского языка не удостоверены дипломом, но я знаю другой язык — у меня есть смекалка. Пойдём со мною, Гарвей, в качестве толмача!

Когда Плэт и Гарвей высадились на соседнюю шлюпку, их встретили невообразимым гамом и криком. В каюте всюду висели ярко размалёванные изображения Божьей Матери, покровительницы ньюфаундлендцев. Моряки с Отмелей говорили на таком исковерканном французском языке, что не понимали Гарвея, и ему пришлось тоже объясняться жестами и любезными улыбками. Том Плэт больше размахивал руками и бойко объяснялся. Капитан

угостил их каким-то особенным ужином, а вся команда, в красных шапках, с волосатыми открытыми шеями, длинными кортиками за поясом, встретила их, как братьев. Началась торговля. Они везли настоящий американский беспошлинный табак, а им нужны были шоколад и морские сухари. Гарвей отправился обратно на шхуну, чтобы переговорить с Диско и коком, которые заведовали припасами. Он привёз французам просимые жестянки какао и бочонки с сухарями. Том Плэт и Гарвей вернулись с пачками табаку для куренья и жеванья. После этого обмена весёлые моряки исчезли в тумане, напевая хором весёлую песенку.

— Почему это они меня не поняли, а тебя, Том Плэт, поняли, хотя ты и говорил не по-французски, а знаками? — спросил Гарвей.

— Потому, что речь знаками много старше всех языков. А потом также потому, что на французских пароходах тьма франкомасонов!

VI

Гарвея удивляло, что большинство судов бродило по Атлантическому океану наугад. Дэн объяснил ему, что рыбацьи шхуны обязательно должны зависеть от любезности своих соседей, но что даже пароходы не знают хорошенько, куда идут, было прямо удивительно. Случилось, что старый пароход, доверху нагруженный скотом, гнался за шхуну «Мы здесь» целых три часа. Когда он приблизился, командир начал переговоры с Диско. А Диско смеялся над шкипером.

— Куда вы забрались? Не знаете? Бродяги вы этикие, рыщете по морю, не зная куда, и распиваете кофе, вместо того чтобы смотреть, куда вас несёт!

Шкипер в ответ на это только любезно раскланивался и говорил какие-то комплименты по поводу глаз Диско, который между тем на их вопрос о местонахождении отвечал:

— Разве у вас нет дип-лота? Или запах навоза отбивает у вас обоняние, и вы не можете пронюхать, каково здесь дно?

— Чем вы кормите скотину? — не удержался, чтобы не спросить, Сальтерс: в нем невольно заговорил фермер. — Говорят, что скот не переносит морского плавания и падает во множестве. Я знаю, что ему полезно давать мелко искрошенные жмыхи...

— Черт возьми! — послышалось с парохода. — Из какого дома умалишённых выпустили этого пустомелю?

— Друг мой! — продолжал Сальтерс, стоя у грот-мачты. — Позвольте дать вам совет...

Командир, стоя на мостике, вежливо раскланился:

— Извините, но я хотел попросить указаний. Если этот сельский хозяин немножко посторонится, то мы сможем переговорить со шкипером и узнаем, где мы!

— Вечно ты суёшься не в своё дело, Сальтерс! — сердито сказал Диско.

Ему было неловко не отвечать на вопрос, предложенный в столь вежливой форме, и он сказал, наконец, на какой широте и долготе они находятся.

— Это какие-то помешанные, — сказал шкипер, направляясь в машинное отделение и кидая в шхуну связку газет. — Сальтерс, ты ничуть не умнее этих дураков, — ворчал Диско, в то

время как шхуна удалялась. — Я только что собирался сделать им выговор за то, что они бродят, как слепые, а ты непременно должен был сунуться с вопросом!

Гарвей, Дэн и остальная команда стояли в стороне и только весело переглядывались. Диско и Сальтерс ссорились до самого вечера. Диско упрекал брата в недостатке честолюбия настоящего рыбака. Когда шкипер не в духе, всем приходится плохо. Долговязый Джэк долго хранил молчание, но после ужина он заметил вскользь:

— Ну, что же они про нас скажут?

— Они теперь везде будут рассказывать про жмыхи...

— С солью! — дополнил неисправимый Сальтерс, читатель земледельческого отдела в старой нью-йоркской газете.

— Нет, это меня просто бесит! — сказал Диско.

— Я не вижу тут ничего особенного, — примирительно вступился Долговязый Джэк. — Посмотри, Диско, уже не второй ли это пакетбот идёт сюда? Сальтерс, правда, сболтнул лишнее, но ты, Диско, забудь это. В другой раз он будет умнее. Ведь он это от простоты!

Дэн толкнул Гарвея под столом, а тот со смеха чуть не захлебнулся своим кофе.

— Конечно же, — несколько храбрее заговорил и Сальтерс. — Я ведь сказал, потому что к слову пришлось!

— Правда, — вмешался и Том Плэт, большой знаток морской дисциплины и этикета, — ты сам виноват, Диско, что не остановил его, если находишь, что он сунулся не в своё дело!

— Не мог же я угадать, что он собирается говорить! — уже несколько спокойнее возразил Диско, польщённый признанием своего авторитета.

— Конечно, ты, как шкипер, был вправе заставить меня замолчать. А я, разумеется, замолчал бы при малейшем намёке, уж если не по убеждению, то ради примера вот этим мальчишкам!

— Что я тебе говорил, Гарвей? Что ни говорят, а до нас непременно доберутся. Всегда во всем окажутся виноваты «мальчишки»!

— А все-таки незачем было соваться, — настойчиво повторил Диско. — Надо уметь различать вещи: земледелие — одно, рыбная ловля — другое!

Сальтерс набивал табак в трубку и не возражал.

— Умение различать вещи — великое дело, — сказал Джэк, стараясь примирить спорящих. — Это сказал и Стейнинг, когда посылал Коннана шкипером на «Марилле» вместо капитана Ньютона, захворавшего острым ревматизмом. Мы называли Коннана Мореплавателем!

— Ник Коннан никогда не садился на корабль, не взяв с собой запаса рому, — сказал Том Плэт. — Бывало, он ходит в Бостоне около агентов и высматривает, не возьмёт ли его какой-нибудь судовладелец капитаном на буксирный пароход. Сам Кой содержал его раз целый год за свой счёт за то, что он хорошо умел рассказывать истории. Как не знать Коннана Мореплавателя! Он умер, я думаю, лет пятнадцать тому назад?

— Пожалуй, семнадцать будет. Он умер в тот год, когда строился «Каспар Вит». Ник никогда не умел различать вещи. Стейнинг взял его потому, что не смог найти никого лучше. Все моряки уже уехали на Отмели, а Коннан был вечно без дела. Груз «Мариллы» застраховали, и она отправилась из Бостона на Большую Отмель при сильном норд-весте. На беду, на

шхуне нашёлся ром. «Марилла» шла под фок-вейлем. Шли, шли они так. Не видно ни берега, ни чаек, ни других шхун. Прошло две недели, а Отмелей как не бывало. Ну, наконец, решили измерить глубину воды. И что же? Шестьдесят локтей! «Это ничего! — утешал себя Коннан. — Отмели начнутся скоро. Опустим дип-лот и насчитаем тридцать локтей. Коннан Мореплаватель знает своё дело». Ещё раз спустили дип-лот и намеряли девяносто. «Либо дип-лот никуда не годится, либо отмель провалилась!» — говорил Коннан. Вытащили дип-лот, сели на дек и начали отсчитывать узлы. «Марилла» все идёт себе да идёт. Навстречу ей попался какой-то другой корабль. «Не видели ли вы тут поблизости рыбачьих шхун?» — спросил Коннан будто невзначай. «У побережья Ирландии их много!» — ответили ему. «Убирайтесь вы со своей Ирландией, что я там забыл, в вашей Ирландии?» — «Так зачем же вы сюда пришли?» — «Помилуй Бог! — говорит Коннан. — Да где же это я?» — «В тридцати милях на запад от мыса Клир, если желаете знать и если это вас утешит!» Коннан даже подпрыгнул. Корабельный кок смерил его прыжок и говорит, что он был не меньше как четыре фута семь дюймов. «Хорошо утешение, — сказал он. — За кого вы меня принимаете? Тридцать пять миль от мыса Клир и две недели пути от Бостона? Помилуй Бог! Вот так история, доказательством которой служит то, что моя матушка живёт в Скаберрине!» Коннан вышел из себя от гнева. Но, видите ли, он никогда не умел владеть собой. Команда большей частью состояла из уроженцев Корка и Керри, кроме одного мэрилэндца, который пробовал было уговорить их вернуться; они, однако, назвали его бунтовщиком и ввели «Мариллу» в гавань Скаберрина. Вдоволь нагулялись они за неделю на родимой стороне с друзьями-приятелями. Потом пошли в обратный путь. Только через месяц добрались они до Отмелей, и, когда пришли, вода была низка, и Коннану пришлось вернуться в Бостон без добычи.

— А что сказал хозяин шхуны? — спросил Гарвей.

— Что же ему было говорить? Рыба осталась на Отмелях, а Коннан в Бостоне рассказывал о своём замечательном плавании на восток. Решили, что в другой раз будут умнее и будут держать ром и команду в отдельных помещениях, тогда шкипер не спутает Скаберрин с Кверо. Да, чудной был человек Коннан Мореплаватель, царство ему небесное!

— Когда я служил на «Люси Гольмс», — начал Мануэль своим методичным голоском, — мы пришли с грузом рыбы в Глостер; но цены на рыбу упали, и мы решили продавать её в другом месте. Подул свежий ветерок, потом стало ещё свежее. Корабль наш быстро понесло, куда — мы не знали. Наконец увидели мы землю. Стало жарко. Смотрим, навстречу идёт бриг, на нем три негра. Спрашиваем их, где мы? И что же бы вы думали, они нам отвечают!

— На Канарских островах? — догадался Диско.

Мануэль с улыбкой покачал головой.

— У берегов Бианко? — спросил Плэт.

— Хуже. Мы очутились у берегов Безагоса, а негры были из Либерии. Так вот где нам пришлось продавать рыбу!

— А что, могла бы наша шхуна пойти прямо в Африку? — задал вопрос Гарвей.

— Отчего же? Могла бы даже обойти мыс Горн, — сказал Диско. — Отец ходил не на такой шхуне, а на пакетботе, всего в пятьдесят тонн водоизмещением, в Гренландию, где в то время ловили треску. Полгода плавали они среди ледяных глыб. Мало того, отец взял с собою в одно из таких плаваний мою мать, чтобы показать ей, как ему достаются трудовые деньги. Они там чуть не замёрзли. В это плавание появился на свет и я. Родился я, когда пакетбот был близ Диско, вот почему мне и дали прозвище. Конечно, нельзя сказать, чтобы было благоразумно производить на свет младенцев среди холодных айсбергов, но что же делать: все мы люди, и все можем ошибаться!

— Вот, вот, — кивнул головой Сальтерс, — все могут ошибаться. Слышите, мальчики, — обратился он к Дэну и Гарвею, — когда вы сделаете какую-нибудь ошибку, а вы и делаете не меньше сотни в день, лучше всего сознаться в своём заблуждении.

Долговязый Джэк подтвердил сказанное, и инцидент оказался исчерпанным.

Они переменили несколько якорных стоянок в северном направлении. Лодки почти каждый день выходили на ловлю и шли вдоль восточного края Большой Отмели, на глубине тридцати — сорока локтей.

Здесь Гарвею впервые пришлось увидеть сквидов. Раз ночью рыбаков разбудил крик Сальтерса: «Сквид! Эй!» Полтора часа ловили сквидов. Лов этот производится при помощи окрашенного в красный цвет лота с расположенными в виде зонтика, загнутыми вверх булавами на конце. Сквид почему-то любит эту своеобразную приманку и идёт на неё. Его вытаскивают раньше, чем он успеет освободиться от иглы. Когда рыбу эту тащут из моря, она выпускает в рыболова сначала струю воды, затем чёрную, как чернила, жидкость. Курьёзно видеть, как рыбаки всячески стараются избежать чернильных брызг, отклоняя головы от пойманной рыбы. Тем не менее, когда лов окончился, лица у всех рыбаков были чёрные, как у трубочистов. Зато целая груда сквидов лежала на палубе. Крупная треска хорошо ловится на кусочки серебристо-белого мяса сквида, надетые на крючок. На следующий день поэтому лов шёл очень успешно. В тот же день навстречу шхуне попалась «Кэри Питмэн». Рыбаки сообщили им о своей удаче. Моряки с «Кэри Питмэн» предложили им семь крупных штук трески в обмен на одного сквида, но Диско не согласился. «Кэри» быстро повернула под ветром и бросила якорь на расстоянии полумили от шхуны, желая попытаться счастья сама.

После ужина Диско послал Дэна и Мануэля отвезти канат к бакану, чтобы повернуть судно. Дэн передал это одному рыбаку из экипажа «Кэри», который спросил его, зачем они ставят баканы, коли дно вовсе не каменистое?

— Отец говорит, — весело крикнул Дэн, — что в милях в пяти от вас идёт, кажется, паром!

— Почему бы вам не обойти его? Кто вам мешает?

— Потому, что вот и вы сейчас обошли нас с подветренной стороны. А отец этого ни от кого не потерпит, не говоря уж о таком старом днище, как ваша шхуна, которая идёт, куда её ветром несёт!

— В это плавание мы ещё ни разу не дрейфовали! — обиженно отвечал моряк.

Дело в том, что «Кэри Питмэн» пользовалась нелестной репутацией шхуны, которая теряет якоря.

— Так как же вы становитесь на якорь? — сказал Дэн. — Если не дрейфовали, у вас новый утлегарь?

Это окончательно рассердило рыбаков «Кэри», и они закричали:

— Эй ты, португальский шарманщик, возьми свою обезьяну обратно в Глостер! Иди-ка назад в школу, Дэн Троп!

— Шаровары! Шаровары! — дразнил Дэн, знавший, что один из людей команды «Кэри» работал прошлую зиму в швальне, где изготовлялись шаровары.

— Карапузик! Глостерская креветка! Убирайся к себе в Новую Шотландию!

Назвать глостерского уроженца новошотландцем считается большим оскорблением, и Дэн не остался в долгу.

— Сами вы новошотландцы, городские пачкуны, чатгэмские выродки! Убирайтесь со своим кораблём к черту!

— Знаю я, чего они добивались, — говорил Диско. — Дождутся ночи, а когда мы все заснём, сдрейфуют. Правда, здесь нет других судов, которые бы нас окружали, но все же я не собираюсь отсюда в Чатгэм!

На закате поднялся ветер, но не настолько сильный, чтобы сорвать с якоря даже лодку. «Кэри Питмэн», однако, имела свои особенности. В эту ночь на вахте стояли мальчики. Под утро они услышали выстрел из допотопного револьвера, заряженного, должно быть, ещё с дула.

— Аллилуйя! — запел Дэн. — Вот она пошла, как сонная. Точь-в-точь, как тогда в Кворо!

Будь это другое судно, Диско принял бы какие-нибудь меры, но тут он только перерезал якорные канаты в момент, когда «Кэри Питмэн» полным ветром пошла на шхуну. Шхуна «Мы здесь» под кливером чуть-чуть посторонились — Диско не желал отыскивать потом свой якорь целую неделю. «Кэри» прошла среди града насмешек.

— Доброй ночи! — сказал Диско, снимая фуражку. — В каком состоянии ваш огород?

— Поезжайте в Огио и наймите там мула, — сказал дядя Сальтерс. — Нам здесь фермеры не нужны!

— Не одолжить ли вам якорь от моей шлюпки? — предложил Джэк.

— Послушайте, — пронзительным голосом кричал Дэн. — Эй! Послушайте! Что это у портных нынче стачка, что ли, или в швальне наняли шить шаровары баб?

Крикнул какую-то шутку и Гарвей, которого подучил Том Плэт. Даже безобидный Пенн пропищал что-то.

Всю ночь якорь продержали на цепи, и шхуна неприятно вздрагивала на этой короткой привязи. Полдня трудились моряки, разыскивая канат. Но все это казалось мальчикам вздором в сравнении с тем наслаждением, которое они испытали, осмеивая злосчастную «Кэри». То и дело им приходила в голову новая острота или насмешка, которую они могли бы крикнуть пристыженной «Кэри Питмэн», но не успели.

VII

Наутро рыбаки подняли паруса и пошли в северо-западном направлении. Им казалось уже, что они скоро должны прийти на отмель Девы, как вдруг неожиданно опустился густой туман, и пришлось бросить якорь. Со всех сторон до них долетал звон колоколов. Рыба ловилась не Бог весть как хорошо, но рыбацьи шлюпки все же бродили в тумане, встречались и обменивались новостями.

Дэн и Гарвей выспались днём, а ночью, уже на рассвете, вздумали таскать пирожки. Им не было запрещено взять их просто, а не тайком, но краденые пирожки казались им вкуснее, да и кок ужасно смешно сердился. Вместе с награбленной добычей они вышли из душной каюты на палубу. Здесь они застали Диско. Он звонил в колокол и, когда Гарвей подошёл, передал ему верёвку.

— Звони! Мне кажется, что в тумане что-то слышно!

Действительно, слышался какой-то лёгкий звон, а по временам до слуха Гарвея доносился звук паровой сирены. Он уже настолько знал жизнь на Отмелях, что понял всю грозившую опасность. Вспомнилось ему, как когда-то мальчик в красной куртке, невежда и бездельник, говорил, что было бы «интересно», если бы пароход наехал на рыболовное судно. У того мальчика была великолепная каюта с ванной. Каждое утро он минут десять посвящал изучению роскошного меню. Теперь тот же самый мальчик — впрочем, нет, он значительно старше, это его старший брат — встаёт в четыре часа утра, тусклого туманного утра, стоит в непромокаемом плаще и что есть силы звонит в маленький колокольчик, — меньше того, по звуку которого сходились к завтраку пассажиры, — звонит в то время, как обшитый сталью пароход несётся где-то совсем близко со скоростью двадцать миль в час. Как горько было ему думать, что там, на пароходе, люди спят себе в сухих, обитых сукном и кожей каютах, что эти люди встанут только к завтраку и даже не узнают никогда, что они наехали на рыбацью шхуну и разбили её. Гарвей с отчаянием продолжал звонить.

— Ну да, они замедлили немного ход машины, — сказал Дэн, — и если переедут и пустят ко дну какое-нибудь судно, будут считать себя правыми — они действуют по закону!

И небо, и море были окутаны молочно-белым туманом. Сирена отчаянно ревела, колокольчик безнадежно дребезжал. Гарвей внезапно почувствовал близость чего-то надвигающегося, большого. В сыром тумане перед ним встал, словно утёс, огромный корабельный нос, готовый, казалось, перерезать шхуну. На окрашенном в розоватый, яркий цвет борту Гарвей прочёл целый ряд римских цифр — XV, XVI, XVII, XVIII. Сердце замерло у Гарвея от страшно близкого шипенья и свиста. Цифры исчезли, промелькнул обитый медью борт. Гарвей беспомощно поднял руки, задыхаясь в клубах пара, на перила шхуны плеснуло тёплой водой, шхуна затрепетала, закачалась на волнах, поднятых паровой винтом, и в тумане мелькнула корма удалявшегося парохода. Гарвей чуть не потерял сознания. Вдруг послышался треск, словно от падения срубленного дерева, и откуда-то донёсся чей-то глухой голос:

— Спасите! Мы идём ко дну!

— Мы? — задыхаясь, спросил Гарвей.

— Нет. Чья-то чужая шхуна. Звони! Мы пойдём на помощь! — сказал Дэн, быстро спуская шлюпку.

Менее чем через минуту все, исключая Гарвея, Пенна и кока, ушли на шлюпках. Сломанная фок-мачта какой-то шхуны плыла по течению. За нею показалась какая-то зелёная шлюпка. Волнами её ударило о корпус шхуны; казалось, она просила, чтобы её взяли, приютили. Вот проплыло чьё-то туловище в синей куртке, но только туловище, без ног. Пенн побледнел, как полотно. Гарвей звонил, как безумный, боясь, что вот-вот их шхуна тоже пойдёт ко дну. Когда рыбаки вернулись и Дэн окликнул Гарвея, мальчик пришёл в себя.

— «Дженни Кушмэн» перерезало надвое, — чуть не рыдая проговорил Дэн. — В четверти мили отсюда. Отец спас старика. Других никого не видно. А со стариком был сын. О! Гарвей! Гарвей! Я не могу вынести этого! На моих глазах...

Он спрятал лицо на груди Гарвея и зарыдал. Тем временем остальные рыбаки вытащили на шхуну какого-то седовласого старика.

— Зачем вы спасли меня? — стонал он. — Диско, зачем ты меня вытащил из воды?

Диско положил ему на плечо свою могучую руку. Взор старика дико блуждал, губы дрожали. Вдруг вышел и заговорил... кто же? Пенсильвания Прэт, он же Гаскинс Рич или Витти, как приходило на память дяде Сальтерсу. Лицо его странно преобразилось. То было не лицо безумного, а лицо мудрого старца.

— Бог дал, Бог и взял, — заговорил он громко. — Да святится имя Его. Я был, я и сейчас — служитель Господа. Пустите его ко мне!

— Вы служитель Божий? — сказал старик. — Так умолите Бога, чтобы Он вернул мне сына! Пусть Он вернёт мне мою шхуну, стоившую тысячу долларов, и тысячу центнеров рыбы! Если бы вы не спасли меня, вдова моя никогда не узнала бы о случившемся. Теперь я сам должен рассказать жене все!

— Не надо рассказывать, Джэзон Оллей, — сказал Диско. — Лучше приляг теперь!

Трудно найти слово утешения для человека, который потерял в полминуты сына, трехмесячный заработок и шхуну, дававшую ему средства к жизни.

— Все это были глостерцы, не правда ли? — спросил Том Плэт.

— Ах, это все равно, кто бы они ни были! — сказал Оллей, отжимая свою мокрую бороду. Потом он запел:

Счастливы птицы, которые летают и поют

Вокруг Твоих алтарей, о Всемогущий!

— Пойдём со мной вниз! — сказал Пенн, как будто имел право приказывать. Взгляды их встретились, и Оллей несколько секунд стоял в нерешительности.

— Не знаю, кто вы такой, но я пойду за вами, — покорно сказал он наконец. — Может быть, я ещё и верну что-нибудь из девяти тысяч потерянных мною долларов.

Пенн пропустил его в каюту и закрыл дверь.

— Это не Пенн! — воскликнул Сальтерс. — Это Джэкоб Боллер, и он вспомнил про Джонстоун. Никогда не видел я ни у кого таких глаз. Как быть теперь? Что я буду теперь делать?

Из каюты доносились голоса Пенна и Оллея. Они говорили одновременно. Но вот Пенн стал говорить один: он молился. Сальтерс снял шляпу. Пенн поднялся на дек, где стояла вся команда шхуны. Крупные капли пота блестели на его лице. Дэн все ещё стоял у штурвала и всхлипывал.

— Он больше не узнает нас, — вздохнул Сальтерс. — Опять надо начинать все сначала, и шашки, и прочее. Что-то он мне скажет?

Пенн начал говорить, и видно было, что он обращается к ним, как к чужим людям.

— Я молился, — начал он. — Народ верит в силу молитвы. Я молился, чтобы Бог сохранил жизнь сыну этого человека. Мои дети утонули на моих глазах, жена и дети. Человек не может быть мудрее своего Создателя. Я никогда не молился за спасение жизни своих детей, но за сына этого человека молился, и он будет возвращён ему!

Сальтерс со страхом смотрел на Пенна, желая угадать, вспомнил ли он прошлое.

— Долго я был сумасшедшим? — спросил вдруг Пенн. Губы его судорожно искривились.

— Что ты, Пенн! Ты никогда и не был сумасшедшим, — сказал Сальтерс. — Ты был немного

расстроен!

— Я видел, какплыли дома и разбивались о мосты. Больше ничего не помню. Давно это было?

— Я не могу вынести этого! Не могу! — всхлипывал Дэн. Плакал также и Гарвей.

— Лет пять тому назад! — отвечал Диско дрогнувшим голосом.

— Значит, все это время я был обузой для кого-нибудь. Назовите мне этого человека!

Диско указал на Сальтерса.

— Ты вовсе не был обузой! — вскричал моряк-земледелец, всплескивая руками. — Ты зарабатывал вдвое больше, чем стоило твоё содержание, у тебя есть свои деньги, Пенн, кроме половинной части в моей доле дохода от шхуны!

— Вы хорошие люди. Я вижу это. Однако...

— Милосердная Владычица! — прошептал Долговязый Джэк. — И он столько времени жил с нами. На него наслали порчу. Тут дело не обошлось без колдовства!

В это время послышался звон колокола какой-то шхуны, и чей-то голос закричал в тумане:

— Диско, ты слышал про случай с «Дженни Кушмэн»?

— Они спасли его сына! — вскричал Пенн. — Хвалите Бога!

— Мы вытащили Джэзона, он у меня на шхуне, — сказал Диско дрожащим голосом. — Не нашли ли вы ещё кого-нибудь из погибших?

— Нашли одного. Он плавал среди обломков шхуны. Его немного оглушило в голову.

— Кто это?

Все ждали ответа с замиранием сердца.

— Думаем, что это Оллей-сын! — послышался ответ.

Пенн поднял руки к небу и сказал что-то по-немецки. Гарвею казалось, что от лица Пенна исходят лучи света.

— Послушайте, господа, вы нас вчера порядком отделали! — продолжал голос со шхуны.

— Сегодня нам не до насмешек! — отвечал Диско.

— Знаю. Но признаться, нас опять несло течением куда попало, когда мы наскочили на молодого Оллея!

Это была неисправимая «Кэри Питмэн», и со шхуны «Мы здесь» послышался неудержимый хохот.

— Не передадите ли вы нам старика? Вам он, пожалуй, и не нужен. А нам тут не справиться одним. Мы о нем позаботимся. Он женат на тётке моей жены!

— Я дам вам, чего попросите! — сказал Троп.

— Да нам ничего не нужно, вот разве только якорь, который бы не срывался. Молодой Оллей пришёл в себя и беспокоится. Пошлите-ка нам скорее старика!

Пенн вывел старого Оллея из столбняка отчаяния, который нашёл на него, а Том Плэт переправил его на другую шхуну. Он ушёл, не простившись, не сказав ни слова благодарности, не зная, какая радость его ожидает. Туман сомкнулся за ним густою стеною.

— А теперь, — сказал Пенн, глубоко вздыхая, как бы перед началом проповеди. — А теперь...

Возродившееся на мгновение тело снова бессильно опустилось. Меч, после того как миновала надобность, снова вложили в ножны. Взгляд потух. Голос снова понизился до обычного жалобного шёпота.

— Теперь, — сказал Пенсильвания Прэт, — не сыграть ли нам, м-р Сальтерс, в шашки?

— Я только что тоже хотел предложить тебе, — засуетился Сальтерс. — Удивительно, Пенн, как ты умеешь угадывать чужие мысли!

Пенн покраснел и покорно последовал за Сальтерсом.

— Поднимай якорь! Живо! Уйдём из этого проклятого места! — кричал Диско.

Кажется, никогда ещё приказания его не исполнялись так быстро и охотно.

— Ну, какого вы мнения обо всем этом? — спросил Долговязый Джэк в то время, как они двигались вперёд в холодном сыром тумане.

— Я полагаю, — отозвался Диско, стоя у колёса, — что «Дженни Кушмэн» столкнулась с пароходом...

— Да, да, мы видели, как он прошёл мимо! — жалобно заговорил Гарвей.

— Крушение шхуны напомнило Джэкобу Боллеру события в Джонстоуне. Пока он утешал Оллея, он был в своём разуме. Потом он ослабел и снова впал в беспамятство. Вот как я понимаю этот случай!

Все были согласны с Диско.

— Если бы Пенн остался Джэкобом Боллером, это привело бы Сальтерса в отчаяние! — заметил Джэк. — Надо было видеть, как изменилось его лицо, когда Пенн спросил, кто о нем все это время заботился. Ну, что, Сальтерс?

— Спит, кроткий, как дитя, — сказал Сальтерс, подходя на цыпочках. — Видали ли вы когда-нибудь такую силу молитвы? Он просто вымолил у Бога молодого Оллея, и море выкинуло обратно свою жертву. Я твёрдо в том уверен. Джэзон ужасно гордился своим сыном. Должно быть, Бог наказал его за то, что он создал себе кумира на земле!

— За примером ходить недалеко! — отозвался Диско.

— Ну, нет, тут большая разница, — быстро возразил Сальтерс, — я не все же время вожусь с Пенном!

Целых три часа ждали рыбаки, когда проснётся Пенн.

Без него не хотели садиться за стол. Наконец, Пенн вышел. Лицо его было безжизненно, и память угасла. Ему казалось, что он видел сон. Он спросил, почему все так молчаливы, а они не могли объяснить ему почему...

Три последующих дня рыбаки работали до упаду. Когда они возвращались с ловли, Диско заставлял их складывать груз в трюме как можно компактнее, чтобы можно было вместить как

можно больше рыбы. Надо было уметь расположить груз так, чтобы шхуна сидела в воде ровно, не кренясь. Мало-помалу, за работой команда оживилась, и жизнь пошла обычным чередом. Долговязый Джэк огрел даже Гарвея морским канатом за то, что он «грустил, как больная кошка, о том, что непоправимо». Гарвей много и серьёзно думал в эти дни и делился мыслями с Дэном. Дэн во многом соглашался с ним. Они решили даже не таскать больше у кока пирогов без спроса, а брать их с его разрешения.

На следующей неделе оба мальчика чуть не потонули вместе со шлюпкой «Хетти С», пытаясь поймать гарпуном акулу.

После долгих блужданий на ощупь, в тумане однажды утром Диско весело закричал:

— Живее, мальчики! Мы пришли в город!

VIII

Никогда в жизни не забудет Гарвей чудной картины, которая представилась его глазам. Солнце, которого они не видели уже целую неделю, стояло на горизонте. Лучи его заливали пурпуром паруса многочисленных стоявших на якоре шхун. Шхун было не меньше сотни, всяких конструкций и из разных стран. Были тут и французские суда. И все они любезно раскланивались друг перед другом. Как пчелы из населённого улья, от каждой шхуны отделялись шлюпки. Слышался скрип канатов и цепей, всплески весел. По мере того как солнце поднималось на горизонте, паруса меняли свой цвет, казались сначала чёрными, потом серыми, наконец, белыми. С юга прибывали все новые и новые шхуны.

Шлюпки собирались в кучу, расходились, обгоняли друг друга, но все шли в одном направлении. Гребцы приветствовали друг друга, свистели, мяукали по-кошачьи, пели, бросали в воду всякую ветошь и мусор.

— Город! В самом деле город! Диско не ошибся! — сказал Гарвей.

— Я разглядел бы его, если бы он был даже меньше! — отвечал Диско. — В этом городе — тысяча человек жителей. А вот там отмель Девы! — указал он на сероватое пятно в море, где не было ни одной шлюпки.

Шхуна «Мы здесь» обогнула всю флотилию. Диско то тут, то там отвечал на приветствия своих друзей и знакомых и бросил якорь молодцевато, как на парусной гонке. Рыбаки мало обращают внимания на хороших моряков, зато неловкого шкипера непременно поднимут на смех.

— Ну, как удался лов? — спросили с «Короля Филиппа».

— Как раз вовремя подоспели! — послышалось с «Мери Чильтон».

— Гой! Том Плэт! Приходи сегодня вечером, поужинаем вместе! — пригласили с «Генри Клея».

Вопросы и ответы летели перекрёстным огнём. Шлюпки встречались и раньше во время лова в тумане, но там было не до разговоров. Все, казалось, знали о спасении Гарвея и спрашивали, научился ли он рыбачить... Молодые рыбаки перебрасывались шутками с Дэном, который никогда не имел привычки лезть за словом в карман и осведомлялся о здоровье каждого, называя его самым нелюбезным для него прозвищем. Мануэль тараторил на своём родном языке со своими земляками. Даже молчаливый обыкновенно кок повис на

утлегаре и кричал что-то своему приятелю, такому же чёрному, как он сам. Вокруг отмели Девы дно каменистое, и того и гляди якорный канат оборвётся, поэтому они подвязали его к буюм. Шлюпки же отправились, чтобы присоединиться к целой флотилии шлюпок, стоявших на якоре на расстоянии одной мили. Шхуны качались и поглядывали на окружающие шлюпки, как утка смотрит на своих утят.

У Гарвея в ушах звенело от замечаний, направленных по его адресу, когда он, сидя на вёслах, грёб среди массы других шлюпок. Слышались всевозможные наречия: португальское, неаполитанское, французское, гэльское, раздавались крики, песни. Может быть, это происходило от того, что он слишком долго жил на шхуне «Мы здесь», все в одном и том же тесном кружке людей. Ему было не по себе среди насмешек этих чужих и грубых людей. Лёгкая зыбь вздымала ряд разноцветных шлюпок; с минуту они выделялись на фоне неба, как чудная фреска; люди в лодках что-то кричали и жестикулировали. В следующую минуту лица, руки, обнажённые шеи исчезали за волной, в то время как другая приносила ряд новых лиц. Точно куклы в театре марионеток! Гарвей смотрел поражённый.

Проталкиваясь и держа лодку по ветру, приветствуя старых приятелей, окликая старых врагов, командор Том Плэт вёл свою маленькую флотилию с подветренной стороны от остальных шлюпок.

Вдруг море вокруг потемнело от множества серебристой рыбы. На пространстве пяти или шести акров треска начала прыгать, как форель в мае месяце. За трескою на поверхности воды показались три или четыре широкие тёмные спины, вокруг которых вода словно кипела.

Все заволновались, закричали, снялись с якоря, отталкивали лесу соседа, закидывали свою, давали друг другу советы. А море вокруг кипело, как содовая вода. Треска, кашалоты, люди — все перемешалось. Закидывая невод, Дэн чуть не столкнул Гарвея за борт. Во всей этой суматохе Гарвея преследовал злобный, маленький глаз плававшего почти на поверхности воды кита, который, казалось, подмигивал ему. Кашалоты запутались в сетях двух или трех рыболовных шлюпок и увлекли их за собою на полмили.

Через пять минут все утихло, слышен был только шум погружавшейся в воду лесы, всплеск трески и удары, которыми рыбаки оглушали рыбу. Это была чудесная ловля. Гарвей смотрел в воду и видел, как блестела чешуя трески, то и дело попадавшей на крючки. По закону, на отмелях Девы запрещается насаживать на лесу более одного крючка, но лодки стояли так близко, что даже один крючок задевал соседей. Гарвей горячо переругивался по этому поводу с молодым, кудрявым ньюфаундлендцем и кричавшим португальцем, лодки которых стояли по обе от него стороны.

Каждая шлюпка бросила якорь, где пришлось. Когда треска стала идти уже не такой сплошной массой, все рыбаки устремились сменить место якорной стоянки. При этом оказалось, что якорные канаты в тесноте перепутались. Обрезать канат у чужого якоря считается на Отмелях преступлением, однако это делается. Том Плэт поймал одного рыбака на месте преступления и ударил его веслом. Так же угостил одного своего земляка Мануэль. Обрезали канат и у якоря Гарвея и Пенна. Тогда они стали отвозить пойманную рыбу на шхуну. В сумерках приплыла новая масса трески. Снова раздались крики рыбаков. В этот день они вернулись на шхуну, когда уже было темно, и чистили рыбу при свете керосиновых ламп.

Они начистили огромную груды рыбы. На другой день несколько лодок отправились на ловлю к мысу Девы. Гарвей был тоже там. Треска шла легионами, прячась в водорослях. В полдень в ловле наступило затишье, и рыбаки начали шутить. Дэн первый завидел приближение шхуны «Надежда Праги», и, когда с неё спустили шлюпки, рыбаки встретили их вопросом: «Кто самый презренный человек во флоте?»

— Ник Брэди! — закричали хором триста голосов.

— Кто крал ламповые фитили? — слышалось опять.

— Ник Брэди! — заорал хор.

На самом деле Ник Брэди вовсе не был таким презренным человеком, но за ним закрепилась такая репутация. Нашли и другого козла отпущения, рыбака, которого обвиняли в том, что он будто бы насадил на свою лесу пять или шесть крючков, когда ловил треску на Отмелях. Его прозвали Джимом Зацепой и, как он ни старался пройти незамеченным, его увидели и запели хором: «Джим! О, Джим! Джим! О, Джим, Зацепа Джим!» Этот экспромт ужасно всем понравился. Досталось и «Кэри Питмэн». Всем было страшно весело. Впрочем, всем попало, каждой шхуне, каждому рыбаку. Высмеивали неряшливого и плохо стряпавшего кока с одной из шхун. Подмечены были и выставлены в смешном виде малейшие характерные чёрточки людей: непогрешимость суждений Диско, зазнобушка Дэна (о, Дэн был малый не промах!), неумение Пенна справиться с якорем, знания Сальтерса по части удобрения полей, романтические похождения Мануэля, наконец, дамское жеманство, с каким грёб вёслами Гарвей. Серебристый туман окутывал море на закате, а голоса звучали как хор присяжных, выносящих обвинительный вердикт.

Шлюпки продолжали тесниться и ловить рыбу, пока не начался прилив. Тогда они разошлись во все стороны, чтобы не разбиться одна о другую. Вдруг какому-то бесшабашному рыбаку пришло в голову, пользуясь течением, пройти на лодке над самым утёсом Девы. Напрасно уговаривали его. Волны катились на юг, увлекая за собою в туман лодку смельчака, ближе к утёсу. Это была опасная игра со смертью ради похвальбы. Все молчали. Но вот Долговязый Джэк погнался вслед за смельчаками и заставил их вернуться, крича, чтобы они не рисковали так жизнью.

Между тем следующая волна была уже слабее, и из пенящегося, бешено ревущего моря показалась вершина утёса. Если бы лодка не остановилась, её разбило бы вдребезги. Со всех сторон по адресу Джэка слышались приветствия.

— Ну, разве не молодцы? — восторгался Дэн.

— Ты видел все, что есть наиболее замечательного на Отмелях, Гарвей, — сказал Плэт, указывая на прилив, — да чуть не увидел и смерть!

Туман сгустился, и на шхунах слышался звон колоколов. Вот из-за белой завесы показался огромный нос какой-то баржи, осторожно подвигавшейся вперёд!

— Добро пожаловать! — приветствовали его с одной из шхун.

— Это француз? — спросил Гарвей.

— Разве не видишь, что это балтиморское судно? — возразил Дэн. — Ишь, как ползёт. Должно быть, его шкипер в первый раз идёт сюда!

Окрашенный в чёрную краску корабль этот был вместимостью в восемьсот тонн.

Передний парус был спущен, задний еле шевелился при слабом ветерке. Большая, нерешительная в своих движениях, баржа напоминала женщину, осторожно приподнимающую платье, чтобы перейти через грязную мостовую. Шкипер знал, что находится где-то по соседству с утёсом Девы, слышал рёв разбивающихся о него волн и опасно осведомился о фарватере.

— Утёс Девы? Бредите вы, что ли? Сегодня воскресенье, и вы пришли в Ле-Гав. Отправляйтесь-ка домой и проспите! — слышалось в ответ.

— Берегись! Берегись! — кричали хором. — Вы на самой вершине утёса!

— Беритесь за палку!

— Спускайте кливер!

Терпение, наконец, лопнуло у шкипера. Он начал отругиваться. В ответ посыпался ряд комплиментов по адресу его баржи. Его спрашивали, застрахована ли она; не украл ли он якорь у «Кэри Питмэн»; говорили, что он пугает рыбу и т. д. Какой-то досужий молодой рыбак подошёл к самой барже и дразнил шкипера, за что удостоился наказания: кок высыпал на него ведро золы. Парень начал швырять в кока рыбьими головами. Из кухни стали сыпать уголь, что, наконец, устало забияк и заставило рыбацьи лодки отойти от баржи. Если бы она была действительно в опасности, рыбаки, конечно, предупредили бы её, но, зная, что она далеко от скалы, не могли отказать себе в удовольствии потешиться над нею. Но вот снова волна прилива заревела над утёсом, и на барже поспешили закрепить все паруса, чтобы ветром не понесло на скалу. Рыбаки перестали шутить и смеяться.

Всю ночь хрипло ревели волны у рифа Девы. Утром Гарвей увидел, что море злится и пенится. До десяти часов весь флот стоял на якоре. Наконец, два брата Джеральда, собственники шхуны «Утренний глаз», тронулись в путь. Половина рыбацких судов пустилась вслед за ними. Но Троп не последовал их примеру. Он не любил рисковать, а море было слишком бурным. К вечеру разыгралась настоящая буря, и рыбакам шхуны «Мы здесь» пришлось сушить и обогревать не одного промокшего до костей смельчака. Мальчишки стояли у шлюпок с фонарями. Рыбаки пристально всматривались в волны и готовы были при первой необходимости, с опасностью для жизни, броситься на помощь. Вот среди мрака раздался крик: «Лодку! Лодку!» Они вытащили из воды человека и полузатонувшую лодку. Раз пять стоявшие на вахте Дэн и Гарвей бросались к тафелю и окоченелыми руками закрепляли паруса. Волны плескали на дек. Одна лодка разбилась в щепки, а сидевшего в ней гребца ударило головой о шхуну. К вечеру на шхуне спасли ещё одного матроса: у него была сломана рука, и он спрашивал, не видел ли кто его брата. За ужином на шхуне сидело семь потерпевших крушение чужих рыбаков.

На следующий день на всех шхунах было нечто вроде переключек вернувшихся рыбаков. Там, где вся команда оказывалась налицо, ели с лучшим аппетитом. Утонули только два португальца и один старик родом из Глостера, но много было ушибленных и раненых. Две шхуны сорвались с якоря, и их унесло на два дня пути к югу. На одной французской шхуне умер матрос. Это была как раз та шхуна, которая продала нашим морякам табак. В одно тихое, но дождливое утро эта шхуна тихо поплыла на глубокое место, и Гарвей увидел впервые, как хоронят моряков. За борт спустили какой-то длинный свёрток, и только... Не было заметно, чтобы по покойнику молились или совершали какой-нибудь обряд; ночью Гарвей услышал пение какого-то гимна. Звуки плавно и печально неслись по усеянной звёздами поверхности моря.

Том Плэт ездил на французскую шхуну, потому что покойный был масон. Умерший упал и ударился спиной о борт, так что сломал себе позвоночник. Весть о смерти матроса облетела все шхуны, потому что, вопреки обычаю, на корабле устроили аукцион оставшихся после умершего вещей: все, от вязаной шапки до кожаного пояса, было разложено и развешано. Дэн и Гарвей присоединились к любопытным. Дэн купил себе на аукционе кортик с медной рукояткой.

Когда они возвращались, шёл дождь, вода струилась по их клеёнчатым плащам; неожиданно спустился туман. Дэн решил закинуть лесу, нацепив на неё большой кусок приманки. Рыба клевала. Гарвей поднял воротник и смотрел на поплавок с равнодушным видом старого рыбака. Туман его больше не пугал. Дэн вынул купленный им нож и стал рассматривать его.

— Прелесть! — сказал Гарвей. — Как это они продали его так дешево?

— Потому что католики суеверны, — сказал Дэн, сверкая лезвием. — Они боятся брать вещи после покойников!

— Купить на аукционе не значит «взять». Это торговля!

— Мы-то это знаем, потому что мы не суеверны. Вот одно из преимуществ жизни в стране прогресса! — Дэн начал насвистывать какую-то песенку про суеверия истпортских жителей.

— А как же один матрос из Истпорта купил сапоги умершего? А каково население Мэна?

— Не очень-то прогрессивно. У них даже дома не крашенные стоят. Истпортский матрос сказал мне, что ножичек этот был в ходу — ему французский капитан рассказывал!

— Убийство? — Гарвей вытащил рыбу и бросил её в лодку.

— Да. Когда я это услышал, мне ещё больше захотелось купить его!

— Господи! А я и не знал, — сказал Гарвей, разглядывая нож. — Продай мне его за два доллара. Отдам, когда получу жалованье!

— В самом деле? Он тебе нравится? — спросил Дэн, краснея от удовольствия. — Признаться, я и купил-то его, чтобы подарить тебе; я только не знал, понравится ли. Возьми его, Гарвей, на память. Ведь мы с тобой товарищи и так далее, и тому подобное. На, бери!

Он протянул ему пояс и нож.

— Но, Дэн, я не вижу причины, почему бы...

— Возьми, возьми. Мне не нужно. Я для тебя купил!

Соблазн был слишком велик.

— Ты славный, Дэн! Я буду хранить твой подарок до смерти!

— Приятно слышать, — сказал Дэн, смеясь. — Смотри, твоя леса за что-то задела! — перевёл он разговор на другую тему.

— Зацепилась, — проговорил Гарвей, дёргая. Но предварительно он опоясался подаренным ему кушаком. — Да что это, леса зацепилась крепко, точно за дно, поросшее «клубникой», а ведь здесь дно, кажется, песчаное?

Дэн перегнулся и помог ему тащить.

— Это палтус, должно быть, а не «клубника». Потяни-ка ещё, авось подастся.

Они разом потянули, и таинственная добыча медленно поднялась.

— Вот так добыча! — закричал Дэн, но крик его перешёл в вопль ужаса: они вытащили из моря труп похороненного двумя днями раньше француза! Крючок зацепил его за правое плечо, и верхняя часть туловища плавала на поверхности воды. Руки покойника были связаны, лица нельзя было различить, оно было разбито. Мальчики в страхе упали на дно лодки и лежали почти без чувств в то время, как труп висел на лесе.

— Это его принесло течением! — сказал Гарвей, дрожащими руками стараясь расстегнуть пояс.

— О, Гарвей! — простонал Дэн. — Отдай ему нож скорее! Он пришёл за ним. Снимай скорее!

— Мне его не нужно, не нужно! — кричал Гарвей. — Но я не могу найти пряжку!

Гарвей силился расстегнуть пряжку и с ужасом смотрел на голову мертвеца, лица которого не было видно под волосами. Между тем Дэн вынул свой нож и перерезал лесу, в то время как Гарвей отбросил пояс далеко от себя. Труп погрузился в воду. Дэн встал со дна лодки. Он был бледен как полотно.

— Он приходил за своим ножом. Другие тоже забрасывали лесу, но он приплыл именно к нам!

— Зачем я только взял этот нож! Он приплыл бы тогда к тебе, а не ко мне, попался бы на твою лесу!

— Это было бы все равно. Мы оба одинаково испугались. О, Гарвей! Ты видел его голову?

— Ещё бы! Я никогда не забуду её. Только знаешь, Дэн, я думаю, его появление здесь не было преднамеренным. Просто его принесло течением!

— Какое течение! Он специально приплыл за ножом. Я сам видел, что его отвезли и бросили в воду за шесть миль отсюда и привязали к трупу балласт!

— Какое преступление мог он совершить этим ножом во Франции?

— Должно быть, ужасное. Вот теперь он должен явиться с этим самым ножом на страшный суд, дать ответ... Что ты делаешь, Гарвей?

Гарвей бросал пойманную им рыбу за борт.

— Бросаю рыбу! — отвечал он.

— Зачем? Ведь не мы её есть будем!

— Все равно. Если хочешь, ты свою рыбу оставь, а я свою побросаю в море!

— Так, пожалуй, будет лучше, — сказал Дэн. — Я бы отдал свой месячный заработок, только бы этот туман рассеялся. В светлый, ясный день никогда не случается того, что может случиться в тумане!

— Как бы мне хотелось быть теперь на шхуне, Дэн!

— Я думаю, наши ищут нас уже. Подам-ка я голос!

Дэн взял рог и хотел затрубить, но остановился.

— Что же ты? — спросил Гарвей. — Не ночевать же нам здесь?

— А как это понравится ему? Один матрос рассказал мне, что командир одной шхуны раз, спяну, утопил юнгу. С тех пор, когда на шхуне трубили в рог, чтобы подать сигнал ушедшим в море шлюпкам, труп утопленника неизменно подплывал к шхуне и кричал: «Шлюпка! Шлюпка! Сюда!»

— Шлюпка! Шлюпка! — послышался из тумана чей-то хриплый голос.

Мальчики замерли в ужасе. Рог вывалился из рук Дэна.

— Да это наш кок! — закричал Гарвей.

— И дёрнула меня нелёгкая рассказать эту историю! — рассердился на себя Дэн. — Ведь это в самом деле наш колдун!

— Дэн! Дэнни! Ого, Дэн! Гарвей! Ого-го-го, Гар-ве-е-й!

— Мы здесь! — хором закричали мальчики.

Послышался где-то близко всплеск весел, и, наконец, они увидели кока.

— Что с вами случилось? — спросил он. — Будет вам сегодня взбучка!

— Так нам и надо. Поделом! — отвечал Дэн. — Пусть нас колотят, сколько угодно, только бы нам вернуться на шхуну. Если бы ты знал, в какой компании мы очутились! — и Дэн рассказал коку о случившемся с ними.

— Конечно. Это он за своим ножом приходил! — утвердительно сказал кок.

Никогда ещё шхуна не казалась мальчикам такой милой и уютной, как теперь, когда кок вывел их к ней из тумана. В каюте светился огонёк. Пахло вкусной пищей. Раздававшиеся на шхуне голоса Диско и других рыбаков казались им божественной музыкой, хотя рыбаки встретили мальчиков бранью и обещанием колотушек. Кок оказался ловким стратегом. Он до тех пор не причаливал к шхуне, пока не рассказал о случившемся с мальчиками приключении, прибавив при этом, что они спаслись, вероятно, лишь благодаря обычному счастью Гарвея. Таким образом, мальчики вступили на шхуну уже в качестве героев. Все их приветствовали и закидывали вопросами. О побоях, которыми им угрожали, не было и речи. Пенн пытался сказать что-то о суеверии, но его не слушали; все слушали рассказы Долговязого Джэка о привидениях и утопленниках, которыми он потчевал экипаж вплоть до полночи. Все были настроены как-то особенно, и только Пенн да Сальтерс сказали что-то об «идолопоклонстве», когда кок принёс зажжённую свечу, пресный хлеб и щепотку соли и бросил все это за корму, чтобы француз не приплыл к ним в случае, если душа его все ещё не нашла покоя. Дэн зажигал свечу, потому что он купил пояс, а кок в это время бормотал какие-то заклинания.

— Какого ты мнения о прогрессе и о суевериях католиков? — спросил Гарвей Дэна, когда они вечером отправились на вахту.

— Мне кажется, что я так же мало суеверен, как другие; но когда этакий мертвец-француз вздумает напугать двух ни в чем не повинных мальчуганов из-за какого-то дрянного ножа, которому и цена-то вся тридцать центов, тогда я готов верить всякому коку. Я не люблю иностранцев, все равно, мёртвые они или живые!

На следующее утро всем, кроме кока, было как-то неловко и стыдно за вчерашние церемонии. Рыбаки мало разговаривали между собой и отправились на рыбную ловлю.

Шхуна «Мы здесь» шла нос к носу с «Перри Нормэн», пополняя свой груз последними центнерами рыбы. Все остальные шхуны смотрели на это состязание и бились об заклад, которая из двух кончит первая свой лов. На шхуне работали с раннего утра до поздней ночи не покладая рук. Даже кока приспособили к делу, заставив его складывать рыбу; Гарвею поручили солить рыбу, а Дэн разделявал и чистил треску. Шхуна «Мы здесь» вышла победительницей. Гарвею давно казалось, что трюм так полон, что уж некуда втиснуть и одной лишней рыбы, но Диско и Том Плэт все прибавляли и прибавляли, утрамбовывая крупными камнями, балластными уже сложенную в кучу треску. Наконец, соль вышла вся. Диско ничего не сказал; он пошёл ставить грот. Было десять часов утра. А к полудню шхуна была уже под парусами. Со всех сторон к ней подплывали шлюпки: это рыбаки привезли письма с просьбой передать их на родину. Все завидовали возвращавшимся домой счастливым. Вот шхуна подняла флаг — это право первого судна, возвращающегося с Отмелей, — снялась с якоря и пошла. Диско провёл свою шхуну среди других шхун, чтобы

все могли передать ему письма. На самом деле это было триумфальное шествие, которое он совершал уже пять лет из года в год, и это льстило его самолюбию моряка. Том Плэт заиграл на скрипке, а Дэн на гармонике мелодию песенки, последнюю строфу которой нельзя петь до окончания лова, не то будет неудача. Теперь песню можно было петь смело, без боязни накликать беду.

«Посылайте свои письма! — пели рыбаки. — У нас нет больше соли, и мы снялись с якоря! Поднимайте паруса! Мы возвращаемся в Америку с полным грузом рыбы!»

На палубу шхуны передали последние письма, и глостерцы посылали вдогонку поклоны и поручения своим жёнам и матерям. Под звуки этих приветствий шхуна закончила своё триумфальное шествие среди флота.

Гарвей не узнавал скромной шхуны «Мы здесь», переходящей с одной якорной стоянки на другую, в этой шедшей на всех парусах горделивой шхуне с развевающимся на мачте флагом. Дэну и Гарвею приходилось следить за парусами, а в свободное время выкачивать воду, которая, с тех пор как шхуна была наполнена рыбой, проникла в трюм. Но все же с прекращением лова оставалось больше свободного времени, и Гарвей теперь наблюдал море совсем иначе. Шхуна, и без того низкая, теперь глубоко сидела в воде. Горизонта почти не было. Шхуна суетливо бежала среди серых или синевато-серых, увенчанных серебристой пеною волн, будто ласкаясь к ним. Казалось, она просила их: «Пожалуйста, не причините вреда маленькой беспомощной шхуне „Мы здесь“». Самый равнодушный человек, оставаясь часами в море, сживается, наконец, с ним, начинает понимать его речь. Гарвею же нельзя было отказать в наблюдательности. Он скоро стал понимать говорливый шум вечно бурливых волн. Он полюбил смотреть на голубые с золотом облачка, собиравшиеся в кучу под напором ветра, чудный вид восходящего солнца, утренние туманы, ослепительный блеск моря в полуденную пору, шелест водяных капель, миллионами падающих на необозримое пространство моря, вечернюю прохладу, зыбь при лунном свете.

Больше всего радовался Гарвей, когда его с Дэном ставили у руля. Том Плэт оставался на расстоянии оклика. Шхуна накренилась к синим волнам подветренной стороной, а над брашпилем виднелась маленькая радуга из водяных брызг. Наполненные ветром паруса страшно шумели. Нырять в пространство между волнами, шхуна шуршала, как нарядившаяся в шёлк женщина, затем выплывала с мокрым кливером.

Они уже вышли из холодной однообразной серой области Отмелей. Навстречу им стали попадаться громоздкие суда, отправляющиеся в Квебек через пролив Св. Лаврентия, корабли, шедшие из Испании и Сицилии. Попутный ветер привёл их в Ле-Гав, потом к побережью Джорджа. Дальше мели стали попадаться реже, и шхуна шла быстрее и увереннее.

— Хетти и мать не дождутся меня, — сказал Дэн Гарвею. — В будущее воскресенье мы будем дома. Надеюсь, ты пробудешь некоторое время с нами, пока твои не приедут за тобой? Знаешь, что меня больше всего радует на берегу?

— Тёплая ванна? — спросил Гарвей.

— Это тоже приятно, но ещё лучше ночная рубашка. С тех пор как мы кончили лов и повернули обратно, я даже во сне вижу ночные рубашки. Мама, наверно, приготовила мне новенькую, мягкую, чисто выстиранную. Мы идём домой, Гарвей. Понимаешь ли ты, что значит домой? В воздухе пахнет родиной!

На самом деле становилось душно. Ветер был слабый, и паруса повисли. Вдруг полил дождь, барабана по палубе и с шумом падая на поверхность моря. Раздался удар грома. Началась одна из августовских гроз.

Дэн и Гарвей лежали на деке и придумывали, какое блюдо закажут себе к обеду, когда будут на берегу. Берег уже ясно виднелся. Недалеко от шхуны шла глостерская рыбацья лодка. На носу стоял человек с гарпуном. Он был без шапки, и волосы его были мокры от дождя. Он что-то весело напевал. Завидев шхуну, он закричал:

— Вуверман ждёт тебя, Диско! Какие вести привёз ты от рыбацкого флота?

Диско тоже что-то крикнул в ответ, несмотря на молнии и страшный ливень этой летней грозы. Вот уже показалась низкая цепь холмов, окружающих Глостерскую гавань, рыбные склады, крыши домов, а на воде, в порту, шлюпочные мачты и баканы. Как в калейдоскопе, пронеслось все это в то время, как шхуна шла вперёд. Наконец, синевато-белые молнии стали сверкать все реже и реже, раздался ещё один сильный, как выстрел целой батареи мортир, удар грома, от которого задрожал воздух, и гроза утихла, замерла...

— Флаг! Флаг! — сказал вдруг Диско, указывая вверх.

— Зачем? — спросил Долговязый Джэк.

— Подними флаг на нижней мачте! Разве ты забыл про Отто? Теперь нас могут видеть с берега!

— Забыл. Но ведь у Отто нет родственников в Глостере?

— Есть невеста!

— Бедняжка! — пожалел Джэк и поднял флаг на мачте в честь Отто, который утонул три месяца тому назад в Ле-Гаве.

Диско провёл рукою по мокрому от дождя лицу и направил шхуну к пристани Вувермана. Он отдавал приказания тихо, почти шёпотом. Шхуна прошла мимо стоящих на якоре буксирных судов. Слышались оклики ночных часовых. В таинственной темноте наступающей ночи Гарвей чувствовал близость берега, запах земли после дождя. Все это заставило его сердце учащённо биться. У него перехватывало дыхание. На пристани тускло светили фонари. Кто-то громко храпел в сторожевой будке, но проснулся и бросил им конец. Они молча причалили к пристани.

Между тем Гарвей сидел у рулевого колёса и всхлипывал, всхлипывал так, что вот-вот, казалось, сердце его разобьётся от грусти. Высокая женщина, сидевшая на сходнях, сошла на шхуну и обняла Дэна. Это была его мать. Она узнала приближающуюся шхуну по огням её фонарей.

На Гарвея она не обращала внимания до тех пор, пока Диско не рассказал ей его историю. На рассвете все они пошли в дом, где жил Диско. Телеграфное отделение было ещё закрыто. Гарвей не мог отправить депеши своим родителям и чувствовал себя таким покинутым и одиноким. Он плакал.

Зная, что шхуна «Мы здесь», по крайней мере, на неделю опередила все другие, Диско распустил свою команду и дал ей свободу погулять. Дэн расхаживал по городу, важно задрыв нос, и ни в грош не ставил своих родителей.

— Если ты будешь продолжать так, Дэн, я устрою тебе взбучку, — сказал задумчиво Троп. — С тех пор как мы высадились на берег, ты стал несносен!

— Если бы он был моим сыном, — сказал дядя Сальтерс, — я бы задал ему уже теперь!

— Ого! — воскликнул Дэн, расхаживая взад и вперёд с гармоникой и готовясь обратиться в бегство при первом наступательном движении врага. — Смотри, отец, помни, что в моих

жилах течёт твоя кровь. А ты, дядя Сальтерс, главный виночерпий фараона, смотри лучше за собой!

Диско важно расхаживал в вышитых туфлях и курил трубку.

— Ты делаешься такой же полоумный, как Гарвей, — сказал он. — Оба вы прыгаете, возитесь, валяетесь под столами; от вас никто в доме не знает покоя!

— Скоро вы узнаете, почему мы так веселимся! — возразил Дэн.

Дэн и Гарвей отправились на конке в восточную часть города. Там они пробрались к берегу, легли на красный гравий и смеялись, как безумные. Гарвей показал Дэну какую-то телеграмму. Оба дали клятву до поры до времени хранить молчание.

— Родители Гарвея? — сказал Дэн за ужином с самым невинным видом. — Должно быть, они не представляют из себя ничего особенного, иначе мы бы услышали о них уже давно. У его отца есть какая-то лавочка. Может быть, он и даст тебе, отец, долларов пять за Гарвея!

— Что я говорил? Что? — торжествовал Сальтерс. — Не всякому слуху верь, Дэн!

IX

Как бы ни было велико личное горе миллионера, да и вообще всякого трудящегося человека, оно не может заставить его бросить дела. Гарвей Чейне, отец, выехал в июне месяце навстречу своей жене, которая возвращалась сломленная горем, близкая к помешательству: день и ночь ей мерещилось, что она видит, как сын её тонет в море. Муж окружил её врачами, учёными сиделками, массажистками — ничто не помогало. М-с Чейне тихо лежала и стонала или целыми часами говорила о своём мальчике со всяким, кто хотел слушать её рассказы. У неё не было никакой надежды. Никто не мог её утешить. Ей только хотелось знать, по крайней мере, одно: ушибся ли он, когда упал в море. Муж зорко следил за нею, чтобы она не произвела этот эксперимент лично. Сам он говорил мало о своём горе и даже как-то не сознавал, насколько оно глубоко, пока раз не поймал себя на вопросе: «К чему все это?» — в то время как отмечал что-то на памятной листке своего календаря.

Прежде он всегда лелеял мысль, что когда-нибудь, когда он окончательно приведёт в порядок свои дела, а Гарвей закончит курс училища, он сделает сына своим компаньоном, и они будут работать сообща. Но сын его умер, утонул в море, как швед-матрос с одного из крупных пароходов Чейне, шедших с грузом чая. Жена тоже была чуть не при смерти. Самого его сживала со свету целая армия докторов, сестёр милосердия и просто сердобольных женщин. Его измучили также капризы бедной женщины, не находившей покоя своей мятущейся душе. Все это отразилось на нем и сокращало его энергию.

Он отвёз жену в свой новый замок в Сан-Диего, где она заняла со своим штатом целый флигель. Сам Чейне целыми днями просиживал со своим секретарём на веранде. Четыре западных железнодорожных компании вели конкурентную борьбу, в которой принимал участие и Чейне. На его предприятии в Орегоне рабочие устроили стачку. Законодательная палата Калифорнии тоже объявила войну предпринимателям.

В былое время он не ждал бы вызова и вёл бы энергичную борьбу. Теперь он сидел безучастно, надвинув низко на лоб мягкую чёрную шляпу, сгорбившись, устремляя взор то на свои сапоги, то на китайские джонки, плавающие в заливе, и машинально отвечал на вопросы, которые ему задавал секретарь, вскрывавший утреннюю почту. Тут же, у

телеграфного аппарата, сидела молодая девушка.

Чейне высчитывал, сколько будет стоить полная ликвидация его дел. Он мечтал переехать в одно из своих имений в Колорадо, в Вашингтоне или Южной Каролине и там забыть о постигшей его трагедии.

Машинка внезапно перестала стучать. Девушка взглянула на секретаря, а тот побледнел как полотно.

Он передал Чейне телеграмму из Сан-Франциско:

«Взят на рыбачью шхуну „Мы здесь“ после того, как упал с парохода на Отмелях. Жду денег и инструкций в Глостере, у Диско Тропа. Телеграфируйте, что делать и как здоровье мамы. Гарвей Чейне».

Прочитав это, отец выронил депешу из рук, приник головою к столу и тяжело задышал. Секретарь побежал за доктором м-с Чейне. Когда доктор пришёл, Чейне ходил по комнате взад и вперёд.

— Что вы думаете об этом? Возможно ли это? Есть ли в этом смысл? Я ничего не понимаю!
— восклицал он.

— Я понимаю, — отвечал доктор, — что я потеряю мой гонорар, семь тысяч долларов в год. Вот и все! — Он вспомнил о своей утомительной нью-йоркской практике, которую бросил по просьбе Чейне, и возвратил ему депешу.

— Как вы думаете, можно ли сообщить ей об этом? Или, может быть, это обман?

— Какова могла бы быть цель обмана? — спросил, в свою очередь, доктор. — Наверное, это писал ваш сын!

В комнату вошла горничная-француженка:

— М-с Чейне просит вас сейчас же к ней: она беспокоится, что вам дурно! — сказала она.

Владелец тридцати миллионов покорно встал и последовал за Сюзанной. С верхней площадки лестницы послышался высокий женский голос:

— Что случилось?

Крик, вырвавшийся у м-с Чейне и пронёсшийся по всей анфиладе комнат огромного дома, когда муж довольно неосторожно рассказал ей новость, не поддаётся описанию.

— Ничего, — успокаивающе сказал доктор секретарю. — Современная медицинская литература учит, что от радости не умирают!

Тотчас же было дано распоряжение по телеграфу, чтобы был приготовлен особый поезд для владельца железных дорог Чейне. Весть о выезде миллионера облетела все ветви железной дороги от Лос-Анджелеса до Бостона и Барстова, от Южной Каролины до Атчисона, Топеки, Санта-Фе и Чикаго, чтобы везде были готовы поезда, путь свободен, и частный экстренный вагон «Констанция», названный так в честь жены миллионера, мог как можно быстрее, без задержек и остановок, пролететь две тысячи триста пятьдесят миль. Пущено было в дело шестнадцать локомотивов, шестнадцать лучших машинистов и столько же кочегаров были экстренно призваны. Для перемены паровозов приказано было затрачивать не более двух с половиной минут, для возобновления запаса воды — три минуты и столько же — для запаса углём. «Распорядитесь, чтобы приготовлены были резервуары, потому что Гарвей Чейне спешит, спешит... спешит...» — неслось по телеграфным проводам. «Поезд должен идти со

скоростью сорок миль в час. Расстелите ковёр-самолёт, чтобы пролететь пространство от Сан-Диего до Чикаго. Скорее! О, скорее!..»

— Жарко будет, — сказал Чейне жене, когда они в воскресенье утром выехали из Сан-Диего. — Мы поедем очень быстро, мамочка, как только можно быстро. Ну, зачем ты надела перчатки и шляпку? Лучше бы ты прилегла и приняла лекарство. Я бы предложил тебе сыграть партию в домино, но сегодня воскресенье!

— Мне хорошо, очень хорошо. Если я сниму шляпку, мне будет казаться, что я не в дороге и никогда не доеду до места!

— Попробуй заснуть, мамочка. Ты и не заметишь, как мы приедем в Чикаго!

— Но мы ещё только в Бостоне. Ах! Прикажи им поторопиться!

Шестифунтовые двигатели отбивали такт, быстро мчась из Сан-Бернардино, через Могавские степи. Степь дышала раскалённым воздухом. Затем началась такая же знойная холмистая область. Повернули на восток, к реке Колорадо. Было томительно жарко. М-с Чейне лежала со льдом на голове. Дальше потянулись под раскалённым небом леса и каменоломни. Угольки, вылетающие из трубы паровоза, стучали по крыше вагона. За бешено вертящимися колёсами летел вихрь пыли. Запасная поездная прислуга сидела и ждала очереди. Чейне, не зная, куда деваться, пошёл к этим простым людям, кочегарам и машинистам, и начал рассказывать им о своём сыне, которого считал погибшим, но который спасся. И они радовались вместе с ним и предлагали прибавить ходу. И поезд нёсся все с большей и с большей скоростью, пока, наконец, главный начальник движения не запротестовал против такой скорости, находя её опасной.

А м-с Чейне лежала в своём вагоне-будуаре, слегка стонала и просила мужа приказать поторопиться. Вот уже пески и скалы Аризоны остались позади. Наконец, треск приводов зубчатых колёс и визг тормозов возвестили о прибытии в Кулидж, место Континентального разветвления.

В Альбукерке поезд перевели в Глориетту; он прошёл через Ратонский туннель и Додж-Сити. Здесь Чейне случайно попала в руки газета, в которой он прочитал известия о сыне. Какой-то репортёр интервьюировал Гарвея. По его словам, это был действительно сын железнодорожного туза Чейне. Сообщение это несколько успокоило м-с Чейне, но она все продолжала просить доставить её поскорее до цели путешествия. Как вихрь, пронеслись они мимо Никерсона, Топеки и Марселина. Теперь уже чаще стали попадаться на пути города и деревни. Они ехали среди более населённых мест.

— Я ничего не вижу на циферблате. У меня глаза болят. С какой скоростью едем мы теперь?

— Очень быстро. Быстрее и незачем: мы приехали бы слишком рано, и нам все равно пришлось бы ждать другого поезда!

— Мне все равно. Мне только приятно сознавать, что мы двигаемся вперёд. Сядь и говори мне, сколько миль мы проезжаем!

Чейне сел и стал считать мили по мере того, как они продвигались вперёд. Локомотив жужжал, как гигантская пчела, и мчался вперёд. А м-с Чейне все ещё находила, что они едут недостаточно быстро. Был август месяц. В вагоне было жарко и душно. Часовые стрелки, казалось, не двигались. Ах! Когда же, наконец, они будут в Чикаго?

После сильного волнения у большинства людей, особенно же у мальчиков, появляется аппетит. Они спустили шторы и устроили пир по случаю возвращения блудного сына, наслаждались своим счастьем, в то время как поезда с шумом и свистом проносились мимо

них. Гарвей пил, ел и без умолку говорил, рассказывая о своих приключениях. Когда одна из его рук оказывалась свободной, мать брала её и нежно гладила. Голос Гарвея возмужал от жизни на воздухе. Руки у него стали жёсткие и грубые. От его синей куртки и резиновых сапог пахло треской.

Отец, привыкший оценивать людей одним взглядом, пронизательно смотрел на сына. Он не замечал, чтобы пребывание среди рыбаков дурно отразилось на сыне. Он должен был признаться, что до сих пор мало знал своего сына, но все же он помнил его заносчивым, вечно всем недовольным подростком, который к старшим относился без всякого уважения, постоянно мучил и заставлял плакать свою мать, пользовался репутацией весёлого шалопаю среди жителей гостиниц и посетителей ресторанов. Между тем этот воспитанный среди рыбаков юноша замечательно стоек в своих убеждениях; он смотрит открыто и уверенно; со старшими говорит с уважением. Кроме этого, видно было, что перемена эта в Гарвее произошла навсегда, что характер его окончательно установился.

«Кто-то переломил его, — подумал Чейне. — Констанция никогда бы этого не позволила. Даже путешествие по Европе не могло бы принести ему такой пользы!»

— Но почему же ты не сказал этому... кажется, Тропу, кто ты такой? — допрашивала мать, когда Гарвей успел рассказать историю своих приключений, по крайней мере, дважды.

— Диско Троп, милая. Это самый лучший из людей, которые когда-либо ступали по палубе. Это имя я запомнил твёрдо, до остальных мне дела нет! — сказал Чейне-отец.

— Почему ты не велел ему довести тебя до берега и посадить? Ты ведь знал, что папа озолотит его!

— Знал, но дело в том, что он принял меня за помешанного. Кажется, я имел неосторожность назвать его вором, потому что не нашёл у себя в кармане бумажника с деньгами!

— Матрос нашёл его в ту ночь у флагштока! — вздохнула м-с Чейне.

— Теперь все объясняется. Впрочем, я нисколько не обвиняю Тропа. Потом я сказал ему также, что не желаю работать, и он так ударил меня, что у меня из носу потекла кровь, как у зарезанного барана!

— Мой бедный мальчик! Они, должно быть, ужасно дурно обращались с тобой?

— Нет, ничего. Это меня образумило!

Чейне похлопал сына по колену. Он ему был теперь милее и дороже, чем когда-либо. Он не узнал в нем прежнего Гарвея. Даже глаза у мальчика светились каким-то новым, ясным светом.

— Ну, потом старик назначил мне десять с половиной долларов в месяц жалованья. Теперь он мне заплатил половину. Я не могу похвастать, что мог исполнить работу, как взрослый рыбак, но умею править лодкой не хуже Дэна, не боюсь тумана, могу управлять шхуной, когда ветер не особенно силён, закинуть невод, знаю все снасти, до поздней ночи могу складывать солёную рыбу. Да вы и не подозреваете, с какой массой работ можно ознакомиться за десять с половиной месяцев!

— Моё ученье продолжалось восемь с половиной месяцев, — сказал отец.

— Как это? Ты мне никогда не рассказывал, отец.

— Ты никогда и не спрашивал, Гарвей. Если хочешь, когда-нибудь расскажу. А теперь попробуй-ка вот этих оливок!

— Троп говорит, что полезнее всего на свете посмотреть, как трудятся и зарабатывают хлеб другие люди. А все-таки приятно обедать за хорошо сервированным столом! Не подумайте, что нас плохо кормили. На нашей шхуне еда была лучше, чем на всех других шхунах с Отмелей. Диско кормил нас прекрасно. Он чудесный человек. Был ещё там его сын и мой товарищ Дэн; дядя Сальтерс, знаток по части удобрения, он любил читать Книгу Иосифа. Сальтерс и сейчас убеждён, что я помешанный. Был там ещё бедненький Пенн, тот помешан на самом деле. Вы не должны упоминать при нем Джонстоуна, потому что... Ах! Вы непременно должны познакомиться с Томом Плэтом, Долговязым Джэком и Мануэлем. Мануэль спас мне жизнь. Жаль, что он португалец. Говорит он мало, но очень любит музыку. Он увидел, что меня несло течением, и выловил меня из воды!

— Удивляюсь, как все это не потрясло твоей нервной системы! — сказала м-с Чейне.

— Отчего бы, мама? Я работал, как лошадь, ел за двоих и спал как убитый!

Дальше нервы м-с Чейне не выдержали, так как она представила себе сына среди морских волн. Она пошла в свой будуар, а Гарвей остался с отцом и стал рассказывать ему, как многим он обязан рыбакам.

— Можешь быть уверен, Гарвей, что я сделаю все, что могу, для этих людей. Из твоих слов я вижу, что они очень хорошие люди!

— Лучшие из всего рыбацкого флота, отец. Ты можешь справиться в Глостере, — сказал Гарвей. — Но Диско до сих пор убеждён, что я был сумасшедшим, и что ему удалось вылечить меня. Дэн — единственный, которому я рассказал все о вас, о наших поездках, обо всем, но я не уверен, что и Дэн всему этому верит. Я хочу удивить их завтра. Нельзя ли нашему поезду «Констанция» проехать через Глостер? Мама все равно, кажется, не будет в состоянии никуда ехать завтра, да и нам завтра предстоит выгрузить шхуну. Вуверман купил у нас рыбу. Мы возвратились с Отмелей первые и продали рыбу по двадцати пяти долларов за центнер. Мы выдержали характер, пока он не дал настоящей цены: им нужна треска!

— Ты хочешь идти завтра на работу?

— Я обещал Тропу. Я буду смотреть, когда будут вешать рыбу. Вот квитанционная книжка! — Он вытащил засаленную записную книжку и заглянул в неё не без сознания собственного достоинства. — Осталось, по моему расчёту, всего девяносто четыре центнера!

— Найми кого-нибудь за себя! — предложил Чейне.

— Невозможно. Я всегда вёл счета на шхуне. Троп говорит, что я способнее Дэна по счётной части. Троп — человек справедливый!

— Но как же ты поедешь туда, если я не прикажу отправить «Констанцию»?

Гарвей посмотрел на часы. Было двадцать минут двенадцатого.

— Тогда я просплю до трех часов утра, а потом пойду на товарный поезд, на котором нам — рыбакам — разрешено ездить бесплатно!

— Это тоже способ. Но я думаю, можно будет доставить тебя и на «Констанции» не позже, чем если бы ты ехал с товарным поездом. Ложись спать!

Гарвей сбросил сапоги, растянулся на диване и заснул раньше, чем отец успел погасить электричество. Чейне долго смотрел на лицо сына, который спал, закинув одну руку за голову. Он думал, и, между прочим, ему пришла мысль, что он, пожалуй, был по отношению к сыну небрежным отцом.

— Никогда не знаешь, где найдёшь, где потеряешь, — сказал он. — Сын, пожалуй, подвергнулся большей опасности, чем утонуть. Но, кажется, этого не случилось, и я не знаю, как отплатить за все Диско Тропу!

Утром в окна повеяло свежим ветерком. «Констанцию» прицепили к товарному поезду, ехавшему в Глостер, и Гарвей отправился на работу.

— Опять он упадёт в море и утонет! — с горечью сказала мать.

— Ну, поезжай с ним и брось ему спасательный канат. Ведь ты никогда не видела, как он зарабатывает на хлеб! — сказал отец.

— Какие пустяки! Разве можно ожидать...

Они шли мимо магазинов, где были вывешены воцанки и другие предметы, необходимые для рыбаков, к пристани Вувермана, где стояла на якоре с развевающимся флагом шхуна Тропа. Все были заняты. Диско стоял у люка и смотрел, как Мануэль, Пенн и дядя Сальтерс работали у талей. Долговязый Джэк и Том Плэт наполняли корзинки рыбой, а Дэн передавал их. Гарвей стоял с квитанционной книжкой и записывал.

— Готово! — раздавались голоса в трюме.

— Поднимай! — кричал Диско.

— Ух! — говорил Мануэль.

— Вот как! — отзывался Дэн, принимая корзину.

Затем раздавался голос Гарвея, подсчитывавшего количество выгруженного товара.

Когда всю рыбу выгрузили, Гарвей прыгнул с шестифутовой высоты на палубу, чтобы поскорее вручить Диско счета.

— Сколько всего, Гарвей? — спросил Диско.

— Восемь шестьдесят пять. Три тысячи шестьсот семьдесят шесть с четвертью долларов. Вот если бы мне столько жалованья получить!

— Что же, Гарвей, ты стоишь такого жалованья!

— Кто этот мальчик? — спросил у Дэна Чейне-отец.

— Да как вам сказать, это в некотором роде добавочный груз, — ответил ему Дэн. — Мы его выловили из воды на Отмелях — он тонул, упав с парохода. Он был пассажиром, а теперь стал рыбаком!

— Что же, он зарабатывает себе на хлеб?

— Ещё бы. Отец, вот этот господин спрашивает, заслуживает ли Гарвей своё содержание. Да не хотите ли перейти на шхуну? Мы приставим сходни!

— Очень хотел бы. Не оступись, мамочка, осторожнее!

Женщина, которая неделю тому назад лежала беспомощная и больная, теперь быстро сошла по сходням на палубу шхуны.

— Вы интересуетесь Гарвеем? — спросил Диско.

— Да!

— Он славный малый. Вам рассказывали, как он к нам попал? Когда мы его взяли на шхуну, у него было, кажется, какое-то нервное расстройство. Теперь он здоров. Пожалуйста, войдите в каюту. Сегодня в ней беспорядок, но все же милости просим, загляните. Эти каракули на дымовой трубе — это наши памятные записи!

— Он спал здесь? — спросила м-с Чейне, садясь на сундук и разглядывая беспорядочно раздвинутые скамейки.

— Нет, он спал в носовой части шхуны. Гарвея, как и своего сына, я могу упрекнуть только в одном, что они иногда дрались, да ещё потихоньку таскали у повара пироги!

— Гарвей вёл себя хорошо, — сказал дядя Сальтерс, спускаясь по трапу. — К старшим, знающим побольше его, особенно в том, что касается земледелия, он относился почтительно, но иногда Дэн соблазнял его своим дурным примером!

В это время Дэн отплясывал на деке какой-то воинственный танец. Гарвей шепнул ему что-то утром.

— Том, Том! — громким шёпотом кричал Дэн в люк. — Приехали родители Гарвея. Они разговаривают в каюте с отцом, а он и не подозревает, кто они такие. Она — прелесть, а он — вылитый портрет Гарвея.

— Разве ты веришь его рассказам о запряжённой четвёркой коляске? — спросил Долговязый Джэк, вылезая из трюма, весь покрытый солью и рыбьей чешуёй.

— Я давно знаю, что это все правда, — отвечал Дэн. — На этот раз отец ошибся!

Они вошли в каюту как раз в то время, когда Чейне сказал:

— Очень рад, что у него хороший характер, потому что он — мой сын!

Диско раскрыл рот и с изумлением смотрел то на Чейне, то на его жену.

— Я получил от него телеграмму в Сан-Диего четыре дня тому назад, и вот мы приехали!

— В заказном поезде? — спросил Дэн. — Он говорил мне, что у вас есть особые вагоны!

— Да, в особом поезде!

Дэн торжествующе взглянул на отца.

— Он ещё рассказывал, будто бы катался в запряжённой четвёркой пони коляске, — сказал Долговязый Джэк. — Правда ли это?

— Очень может быть, — отвечал Чейне. — Была у него коляска, мамочка?

— Кажется, была, когда мы были в Толедо! — ответила мать.

— О! Диско! — Долговязый Джэк свистнул и больше ничего не сказал.

— Я вижу, что ошибся в своём суждении о Гарвее, — сказал Диско. — Я не оправдываюсь перед вами, м-р Чейне: я действительно думал, что мальчик не в своём уме, потому что он сказал странную вещь о деньгах!

— Он мне рассказывал.

— А ещё что-нибудь он вам говорил? Рассказал он вам, что я его раз ударил?

Диско бросил боязливый взгляд на м-с Чейне.

— Как же, — отвечал Чейне. — И мне кажется, что это принесло ему большую пользу!

— Я рассудил тогда, что иначе нельзя. Потом я жалел, но дело было сделано. Пожалуйста, не подумайте, что на моей шхуне вообще дурно обращаются с юнгами!

— Я этого и не думаю, м-р Троп!

М-с Чейне посмотрела на лица окружающих. Гладко выбритое, смуглое лицо Диско дышало железной волей. Лицо дяди Сальтерса обросло всклокоченной бородкой, как у настоящего фермера. Черты Пенна выражали растерянность и безумие. Спокойная улыбка озаряла лицо Мануэля. Долговязый Джэк чему-то страшно радовался. Шрам обезобразил лицо Тома Плэта. С виду все они казались грубыми, но сердце матери чутко, она подошла к ним.

— Скажите, — спросила она, едва сдерживая слезы, — который из вас спас моего сына, кого я должна благодарить, за кого молиться?

— Вот это лучше всякой благодарности! — сказал Долговязый Джэк.

Диско представил, как умел, весь свой экипаж м-с Чейне. А она что-то бессвязно лепетала. Когда ей сказали, что Мануэль первый увидел Гарвея и вытащил его из воды, она чуть не бросилась в его объятия.

— Да как же мне было не вытащить его? — удивлялся Мануэль. — Разве вы не так же поступили бы на моем месте? А? Он славный малый, и я очень рад, что он ваш сын!

— Он рассказал мне, что Дэн — его товарищ! — продолжала м-с Чейне и поцеловала мальчика, который густо покраснел, хотя и без того был достаточно красен.

М-с Чейне обошла всю шхуну, поплакала при виде койки, на которой приходилось спать Гарвею. В кухне она увидела негра-кока и так ласково кивнула ему головой, точно сто лет была с ним знакома. Рыбаки, перебивая друг друга, рассказывали ей о своём житье-бытьё, а она сидела на скамье, положив ручки в светлых перчатках на жирный стол, и смеялась, как ребёнок.

— Как мы теперь будем жить на шхуне «Мы здесь»? — сказал Долговязый Джэк Тому Плэту. — С тех пор как она побывала здесь, мне будет казаться, что это не судно, а церковь!

— Церковь! — засмеялся Том Плэт. — Вот если бы наша шхуна была хоть немного покрасивее и поудобнее! Леди придётся прыгать по сходням, как курице!

— Значит, Гарвей не был сумасшедшим? — медленно произнёс Пенн, обращаясь к Чейне.

— Слава Богу, нет! — отвечал миллионер.

— Это, должно быть, ужасно — быть помешанным. Не знаю, что может быть на свете ужаснее, разве вот потерять ребёнка. Но сын ваш возвратился к вам. Возблагодарим Бога!

— Ого-о! — окликнул их стоявший на пристани Гарвей.

— Я ошибался, Гарвей! — закричал ему Диско, махая рукой. — Я ошибался на твой счёт. Ты теперь от нас уйдёшь, не правда ли?

— Не раньше, чем получу полный расчёт!

— Ах, да! Я чуть не забыл! — И он отсчитал сумму, которую следовало доплатить Гарвею. — Ты служил хорошо, как был уговор, Гарвей. Ты все делал почти так хорошо, как будто тебя воспитывали...

Диско запнулся. Он не знал, как кончить начатую фразу.

— Не в заказном поезде? — подсказал бесёнок Дэн.

— Если хотите, я вам покажу этот поезд, — сказал Гарвей. — Подите сюда!

Чейне остался на шхуне потолковать с Диско. Все остальные, с м-с Чейне во главе, отправились осматривать вагоны. При виде этого нашествия горничная-француженка закричала от испуга. Гарвей показывал вагоны своим друзьям молча. Так же молча осматривали они тиснёную кожу, которой были обиты стены, бархатные диваны, серебряные ручки дверей, зеркала, столики с инкрустацией и т. д.

— Я говорил вам, — оправдывался Гарвей, — говорил! — Такова была месть Гарвея, и он наслаждался ею. М-с Чейне угостила своих гостей обедом, во время которого сама прислуживала им. Долговязый Джэк рассказывал потом об этом пире чудеса. От людей, привыкших обедать на оловянных тарелках, под музыку волн и свист ветра, трудно ожидать хороших манер. Потому м-с Чейне была очень удивлена, увидев, как чинно и прилично все они держали себя за столом. Мануэля она охотно взяла бы себе в дворецкие. Том Плэт вспомнил старину, когда офицеры «Огіо» принимали на своём корабле даже царствующих особ, и не ударил в грязь лицом. Долговязый Джэк недаром был ирландец: он поддерживал разговор до тех пор, пока все не почувствовали себя как дома.

Отцы между тем толковали, покуривая сигары, в каюте шхуны «Мы здесь». Чейне хорошо видел, что имеет дело с человеком, которому не может предложить денег. Он понимал также, что за услугу, какую оказал ему Диско, нельзя расплатиться деньгами. Поэтому он наблюдал за Диско и до поры до времени молчал о вознаграждении.

— Я не сделал для вашего сына ничего особенного; я только заставил его работать, да научил разбираться в карте берегов, — сказал Диско. — Он гораздо способнее Дэна в этом деле!

— А кстати, что вы рассчитываете сделать из вашего мальчика? — спросил Чейне.

— Дэн — неглупый малый, мне нечего о нем беспокоиться, — отвечал Диско, держа сигару между пальцев. — Когда я умру, ему достанется эта шхуна. Он любит наше дело, и я знаю, что он не намерен бросать его или менять на другое!

— Гм! Вы никогда не были на Западе, м-р Троп?

— Бывал. До Нью-Йорка доходил на шхуне. Ни я, ни Дэн не пользуемся железными дорогами. Тропы любят солёную воду. Я много где бывал на своём веку, но всюду — морем!

— Если Дэн желает быть шкипером, я могу предоставить ему солёной воды, как вы говорите, сколько угодно!

— Каким образом? Я думал, что вы железнодорожный король. Гарвей, по крайней мере, говорил что-то такое!

— Но у меня есть также клиперы для перевозки чая морем из Иокогамы в Сан-Франциско. Шесть из этих кораблей обиты сталью, и каждый вмещает тысячу семьсот восемьдесят тонн.

— Негодный мальчик! Этого он мне никогда не говорил. Между тем это меня заинтересовало бы, конечно, больше, чем его рассказы о железных дорогах и пони!

— Он сам ничего не знал об этих пакетботах.

— Вероятно, такая мелочь его не интересовала?

— Нет, я состою владельцем фрахтовых судов старой линии Маргон лишь с прошлого лета!

— Создатель! — вскричал Диско. — Мне просто кажется, что меня дурачат во всем с начала до конца. Шесть или семь лет тому назад Филь Эргерт ушёл как раз из этого порта штурманом на «Сан Джозе». Его сестра и сейчас живёт в городе. Она читает его письма моей жене. Так эти-то пакетботы принадлежат вам?

Чейне кивнул головой.

— Если бы я знал это, я бы тотчас же повернул свою шхуну обратно в гавань, без единого слова!

— Это было бы хуже для Гарвея!

— Если бы я только знал! Если бы он хоть заикнулся об этих пакетботах, я бы понял. Это хорошие пакетботы. Филь Эргерт говорил мне!

— Очень рад, что заслужил похвалу Филья Эргерта. Он теперь шкипером на «Сан Джозе». Так вот, я хотел знать, не отдадите ли вы мне Дэна на год-другой; может быть, и из него вышел бы шкипер!

— Взять на себя заботу о таком невоспитанном мальчике трудно!

— Я знаю человека, который сделал для меня гораздо больше!

— Это совсем другое дело. Ну, так если хотите, вот как я вам аттестую Дэна — о, я говорю о нем так не потому, что он мне сын! Я знаю, что на Отмелях иное плавание, чем в океане. Однако Дэну вовсе уж не так многому надо учиться. Управлять штурвалом он умеет, а все остальное у него в крови!

— Ну, вот и прекрасно. Эргерт за ним присмотрит. Он сделает один или два рейса в качестве юнги, а потом мы ему дадим лучшую должность. Пусть себе зиму проживёт с вами, а раннею весною пришлите его ко мне. Атлантический океан, правда, не близко!

— Пустяки! Мы, Тропы, все живём и умираем на море!

— Поймите только одно. Если вам захочется повидать сына, скажите только, я уж позабочусь доставить его вам. Это не будет стоить ни одного цента!

— Если бы вы прошли со мной до моего дома. Мне хотелось бы поговорить с женой. Я уже столько раз ошибался, что теперь мне трудно поверить действительности!

Они скоро пришли к белому домику, перед которым была разбита клумба с настурциями. Они вошли. В гостиной их встретила высокая серьёзная женщина. Глаза её были тусклы, как всегда бывает у людей, которые подолгу смотрят на море, ожидая возвращения близких. Чейне изложил ей свою просьбу, но она согласилась неохотно.

— Море уносит каждый год до ста человеческих жертв из Глостера, м-р Чейне, — сказала она. — Я стала ненавидеть море. Бог создал его не для людей. Ваши пакетботы ходят прямо от места назначения домой?

— Насколько позволяют ветры. Я выдаю премии шкиперам за скорейшую доставку чая, который портится от долгого пребывания на море!

— Когда Дэн был маленький, он любил играть в лавочку и купца. Это подало мне надежду, что он и на самом деле займётся торговлей. Но как только он научился управлять лодкой, все мои надежды рухнули!

— Тут дело идёт о больших кораблях со стальной обшивкой. Помнишь, сестра Филя читала тебе его письма!

— Филь, я знаю, не имеет привычки лгать, но он очень уж смел, как часто бывает с моряками. Если Дэн захочет, м-р Чейне, он может сам согласиться на ваше предложение.

— Она не любит моря, — пояснил Диско. — Я уж и не знаю, как поступить, чтобы не обидеть вас, но, мне кажется, лучше мы вас поблагодарим и откажемся!

— Мой отец, старший брат, два племянника, муж моей сестры погибли в море, — сказала она, печально опустив голову. — Как можно поручиться за это коварное море, когда оно унесло уже столько жертв?

Между тем вернулся домой Дэн и очень охотно согласился на предложение Чейне. Он видел теперь перед собою открытую дорогу к цели. Ещё больше интересовала, однако, Дэна мысль, что он будет стоять на вахте на огромном деке, будет заходить в порты далёких стран.

М-с Чейне, со своей стороны, поговорила с Мануэлем, который спас Гарвею жизнь. Из разговора выяснилось, что денег он не желал. Когда к нему уж очень пристали, он сказал, что может, пожалуй, взять пять долларов на подарок одной девушке. Вообще же, на что ему деньги? Он сыт, табак у него есть, чего же больше нужно? Наконец, он предложил, если уж непременно желают дать денег, употребить их следующим образом: вручить какую-нибудь сумму одному португальскому священнику для передачи бедным вдовам. М-с Чейне не любила католических патеров, но сделала, как было сказано, из желания угодить маленькому смуглолицему человеку.

Мануэль был верным сыном церкви.

— Теперь мои грехи отпущены, — говорил он, — я обеспечен, по крайней мере, на шесть месяцев.

Сказав это, он отправился покупать платок пленившей его красавице.

Сальтерс, взяв с собой Пенна, уехал на Запад и не оставил своего адреса. Он боялся, что миллионеры, чего доброго, заинтересуются его товарищем, а этого он никак не хотел допустить. Он поехал навещать каких-то родственников.

— Не потерплю, чтобы тебя облагодетельствовали богатые люди, Пенн, — говорил он, когда они сидели в вагоне. — Лучше я расколочу шашечную доску о твою голову. Если ты когда-нибудь опять забудешь своё имя — а тебя зовут Прэт, — помни, что ты мой, Сальтерса Тропа, сядь где-нибудь и жди, пока я не приду за тобой!

Х

Совсем иначе поступил кок со шхуны «Мы здесь». Он завязал в платок свою скрипку и явился к поезду «Констанция». За жалованьем он не гнался, ему было все равно, где ни спать, но он должен во что бы то ни стало сопровождать Гарвея — такое указание получил он свыше. Его пробовали уговорить, но убедить негра, алабамского уроженца, не так легко. Наконец доложили Чейне. Миллионер расхохотался и решил, что добровольный телохранитель лучше

наёмного, а потому пусть себе негр остаётся при Гарвее, хотя имя у него странное — Макдональд и ругается он по-гэльски. Поезд должен отправиться сначала в Бостон, потом на Запад; если негр не раздумает, пусть едет с ними.

Отпрыск миллионеров Чейне о чем-то соображал. Глостер — новый город в новой стране. Он решил осмотреть его. Здесь наживают деньги на пристани и на транспортных судах. Почти все рыбаки, приехавшие из Глостера, завтракают в гостинице «Новая Англия». Здесь он слышал разговоры о зашедших в гавань парюходах, торговых оборотах, солении рыбы, грузах, страховании, заработной плате, барышах и т. д. Он толковал с судовладельцами, шкиперами, которые большей частью были шведы и португальцы. Советовался он и с Диско, толкался по складам якорных цепей и джонок, задавал всем такие вопросы, что все невольно спрашивали, для чего ему все это понадобилось? Он отправился также в Общество взаимного страхования и попросил, чтобы ему объяснили смысл тех таинственных заметок мелом на чёрной доске, которая вывешивалась каждый день, и узнал о существовании в городе Общества вдов рыбаков и Общества вспомоществования сиротам. Секретари этих обществ самым беззастенчивым образом посягали на карман Чейне-отца, но он направил их к м-с Чейне — благотворительность была её делом.

М-с Чейне отдыхала в гостинице, близ Истёр-Пойнта. Местные порядки не мало удивляли избалованную леди. Скатерти на столах были белые, с красными шашками. Постояльцы, казалось, были давно между собой знакомы и часто шумели до полночи. На второй день м-с Чейне вынула из ушей бриллиантовые серьги, когда сошла к завтраку за табльдотом.

— Ужасно странные здесь люди, — сказала она мужу, — такие простые!

— Это не простота, мамочка!

— Но почему женщины здесь так просто одеты? Ни у одной нет платья, которое бы стоило сто долларов!

— Знаю, милая. Должно быть, у них, на Востоке, уж такая мода. Ну, как ты себя чувствуешь?

— Я редко вижу Гарвея; он всегда с тобою; но я теперь уж не такая нервная, как была!

— С тех пор как умер Вилли, я тоже никогда не чувствовал себя так хорошо, как теперь. Раньше я как-то не понимал, что у меня есть сын. Теперь я вижу, что Гарвей уже не мальчик. Он сразу возмужал. Не принести ли тебе чего-нибудь, дорогая? Подушку под голову?.. Хорошо, хорошо. А мы пойдём опять пошататься по пристани.

Гарвей ходил всюду за отцом, как тень. Они бродили вдвоём. Иногда Чейне-отец опирался рукою на плечо сына, Гарвей впервые заметил характерную черту отца: он умел проникнуть как-то в душу людей.

— Как это тебе удаётся выпытывать у них все, не открывая в то же время своих планов? — спросил сын.

— Мне приходилось видеть на моем веку немало людей, Гарвей, ну, я и привык распознавать их. У меня есть опыт! — Они сели на перила набережной. — Когда потолкаешься между людей, они начинают считать тебя за ровню.

— Вроде того, как они обращаются со мною на пристани Вувермана? Я теперь такой же рыбак, как все они. Диско всем сказал, что я честно заслужил свой заработок. — Гарвей вытянул руки и потёр их. — Опять стали мягкие! — сказал он.

— Пусть они останутся такими ещё несколько лет, пока ты заканчиваешь своё образование. Потом ты можешь опять сделать их жёсткими работой!

— Да, пожалуй! — ответил Гарвей, но не особенно весёлым тоном.

— Успокойся, Гарвей. Ты опять можешь спрятаться под крылышко мамы. Она опять будет беспокоиться о твоих нервах, здоровье.

— Разве я когда-нибудь делал это? — спросил Гарвей. Отец повернулся к нему всем корпусом.

— Ты так же хорошо знаешь, как я, что я могу добиться от тебя чего-нибудь только в том случае, если ты будешь со мною заодно. С тобой одним я справиться могу, но, если мне придётся бороться с вами обоими, с тобой и с матерью, — я пасую!

— Ты меня считаешь повесой, отец?

— Я сам отчасти виноват в этом; но уж если желаешь слышать правду, ты действительно был повесой. Не правда ли?

— Гм! Диско думает... Скажи, сколько могло стоить и будет ещё стоить все моё образование?

— Никогда не подсчитывал, — улыбнулся Чейне, — но я думаю, около пятидесяти тысяч долларов, а может быть, и все шестьдесят наберутся. Молодое поколение стоит дорого!

Гарвей свистнул, но в душе он, пожалуй, все-таки был скорее рад, чем огорчён, узнав, как дорого стоило его воспитание.

— И все это мёртвый капитал? — спросил он.

— Надеюсь, он будет приносить проценты!

— Положим даже, что тридцать тысяч я заслужил, но все же остаются ещё тридцать, все же это большая потеря! — Гарвей глубокомысленно покачал головой.

Чейне так расхохотался, что чуть не свалился в воду.

— Диско получил куда больше выгоды от Дэна, который начал работать с десяти лет. А Дэну ещё полгода ходить в школу!

— А тебе завидно?

— Нет, я никому не завидую. Я только довольно плохого о себе мнения, вот и все!

Чейне вынул из кармана сигару, откусил кончик её и закурил. Отец и сын были очень похожи друг на друга, только у Чейне была борода. Нос Гарвея был такой же орлиный, как у отца, те же тёмные глаза и узкое, овальное лицо.

— С этих пор, — сказал Чейне, — до совершеннолетия я буду тратить на тебя от шести до восьми тысяч в год. Со времени совершеннолетия ты получишь от меня тысяч сорок или пятьдесят, кроме того, ещё то, что даст мать. К твоим услугам будет также лакей, яхта, на которой, если угодно, можешь играть в карты с собственной командой.

— Как Лори Тэк? — вставил Гарвей.

— Да, или как братья де Витре, или сын старого Мак-Кведа. В Калифорнии много наберётся таких. А вот для примера яхта, о какой мы говорим!

Окрашенная в чёрный цвет новая паровая яхточка, с каютой из красного дерева, с никелевым нактоузом[4], с полосатым тентом, пришла на всех парах в гавань. На корме её развевался

флаг одного из нью-йоркских яхт-клубов. Два молодых человека, в каких-то фантастических костюмах, которые, очевидно, должны были сойти за морские, играли в карты. Около них сидели две дамы с цветными зонтиками и громко смеялись.

— Не хотел бы я на такой яхте очутиться на море во время шторма! — сказал Гарвей, критически разглядывая яхту-игрушку, в то время как она причаливала.

— Я могу подарить тебе такую яхту, даже вдвое дороже этой, Гарвей, хочешь? — спросил отец.

Гарвей не отвечал, он продолжал смотреть на молодых людей.

— Если бы я не умел бросить как следует конца, — сказал он, — лучше я остался бы себе на берегу, а не совался бы в моряки.

— Остался бы на берегу?

— Да, и держался бы за маменькину юбку!

Глаза Гарвея презрительно сверкнули.

— В этом отношении я с тобой согласен.

— Положи мне десять долларов в месяц жалованья! — сказал Гарвей.

— Ни цента больше, пока не заслужишь!

— Я готов лучше кухню мести, только бы зарабатывать что-нибудь сейчас же, чем...

— Я это понимаю. Ну, кухню мести может кто-нибудь другой. В молодости я сам сделал ошибку, принявшись слишком рано за дело!

— И эта ошибка принесла тридцать миллионов долларов, не правда ли?

— Кое-что я нажил, кое-что и потерял. Я расскажу тебе все!

Чейне начал рассказывать сыну историю своей жизни. Он пощипывал бороду, с улыбкой смотрел в спокойную водную даль и говорил монотонным голосом, без жестов. А между тем эту историю охотно напечатал бы за деньги не один правительственный орган. Обзор жизни этого сорокалетнего человека был в то же время очерком жизни Нового Запада.

Не имея родителей, Чейне ещё мальчиком начал полную приключений жизнь в Техасе. Новые города вырастали тогда за какой-нибудь месяц, иные исчезали бесследно за несколько месяцев в междоусобных распрях. Взглянув на некоторые из современных благоустроенных городов, трудно даже предположить, что когда-то они были свидетелями диких и кровопролитных сцен. В то время было проложено три железных дороги. Чейне рассказывал о людях разных национальностей, которые вырубали леса, строили железные дороги, работали на приисках и других предприятиях.

Он говорил о колоссальных богатствах, достававшихся случайно, в один день. Сам Чейне, живший в это время лихорадочной деятельности, пережил все превратности судьбы: то он был богат, то нищ, то ехал верхом по неведомой стране, но чаще брёл пешком, всегда, однако, неизменно вперёд, в погоне за счастьем. Он пробовал содержать гостиницу, был журналистом, механиком, барабанщиком, агентом страхового общества, политическим деятелем, торговцем ромом, собственником приисков, спекулянтом, пастухом, просто бродягой. Иногда под ударами судьбы он чувствовал себя утомлённым до полусмерти, но потом снова успокаивался и, воспрянув духом, выплывал на жизненном море. Жизнь Гарвея

Чейне была тесно связана с историей культурного развития его родины.

В самые тяжёлые минуты вера никогда не покидала его, ни на минуту не терял он также мужества и присутствия духа.

Чейне рассказывал неторопливо и спокойно; память не изменяла ему, он помнил все прожитое в мельчайших подробностях. Ему приходилось платить добром за зло своим врагам, прощать им, уговаривать, упрашивать городские власти, товарищества и синдикаты для их же блага. Отовсюду он уходил, оставляя за собою выстроенные и проложенные им железные дороги, которыми могло пользоваться человечество.

Гарвей слушал, затаив дыхание, немного наклонив голову набок. Он пристально смотрел на отца. Красноватый огонёк сигары бросал в сумерках отсвет на густые брови и впалые щеки говорившего. Гарвею невольно пришло в голову, что перед ним — локомотив, стремительно несущийся, говорящий, растрогавший его своими словами до глубины души. Наконец, Чейне бросил окурок сигары, и оба остались в темноте. Море тихо лизало прибрежные камни.

— Я ещё никогда никому не рассказывал этого! — сказал отец.

— Это великолепно! — воскликнул Гарвей восторженно.

— Вот чего я достиг. Теперь скажу, чего мне не удалось получить. Ты, пожалуй, теперь ещё не поймёшь, как много я потерял в этом отношении, но дай Бог, чтобы тебе не пришлось дожить до моих лет, не поняв этого. Я знаю людей, я неглуп, но я не могу конкурировать с людьми, получившими образование. Кое-чего я набрался случайно, путём опыта, но, я думаю, каждый видит, как поверхностны мои знания!

— Я никогда не замечал! — возмутился Гарвей.

— Но будешь замечать со временем, когда сам пройдёшь курс колледжа. Мне ли самому не сознавать этого! Сколько раз мне приходилось читать в выражении глаз говоривших со мной, что они считают меня разбогатевшим простолюдином. Я могу сокрушить их всех, если захочу, — но не могу сравняться с ними. Ты счастливее меня. Ты можешь получить образование, которого мне не хватает. За несколько тысяч долларов в год тебя научат всему, и ты извлечёшь из этого миллионную пользу. Ты будешь знать законы, чтобы сберечь своё достояние, будешь солидарен с сильнейшими коммерсантами рынка, будешь даже сильнее их. Образование даст силу и власть и в политике, и в денежных предприятиях, Гарвей!

— Пробыть четыре года в колледже не очень мне улыбается, отец. Пожалуй, я пожалею, что не удовлетворился яхтой и лакеем!

— Ничего, сын мой, — настаивал Чейне. — Ты будешь вознаграждён с лихвой за потраченное время и труд. А пока ты учишься, можешь быть спокоен, что дела наши не пошатнутся. Подумай и дай мне завтра ответ. А теперь пойдём скорее — мы опоздаем к ужину!

Ни Гарвей, ни Чейне не находили, конечно, нужным посвящать в предмет своего делового разговора м-с Чейне. Но м-с Чейне что-то подмечала, чего-то опасалась, начинала ревновать Гарвея к отцу. Её баловень-сынок, вертевший ею, как хотел, вернулся к ней серьёзным юношей. Он говорил мало, и то больше с отцом. Говорили они все о делах, в которых она ничего не смыслила. Если у неё и были подозрения, они усилились ещё больше, когда Чейне, поехав в Бостон, привёз ей новое кольцо с бриллиантом.

— Вы оба что-то скрываете от меня! — сказала она, ласково улыбаясь.

— Мы только все толкуем с Гарвеем, мамочка!

Действительно, ничего особенного не случилось. Гарвей по доброй воле заключил контракт. Железные дороги, недвижимая собственность и рудники его нимало не интересовали; но он питал особенную нежность к недавно приобретённым отцом кораблям. Он обещал пробыть четыре или пять лет в колледже, но при условии, что отец уступит ему это своё предприятие. Гарвей решил уже во время каникул ближе ознакомиться с милым его сердцу делом. Уже и теперь он вникал во все тонкости его и пожелал просмотреть все относящиеся к нему документы и книги, хранившиеся в Сан-Франциско.

— До выхода из колледжа ты ещё можешь двадцать раз переменить свои планы, — сказал Чейне, — но если ты останешься при своих теперешних взглядах и намерениях, когда тебе исполнится двадцать три года, я полностью передам тебе это дело. Хочешь, Гарвей?

— Никогда не следует дробить дело, когда оно в полном расцвете. Конкуренция не страшна крупным предприятиям, но опасна для мелких. Родственники тем более должны работать вместе, не допуская дележа, — таково мнение Диско. Люди в его команде никогда не меняются, оттого и дело у них идёт удачно. Кстати, шхуна «Мы здесь» уходит в понедельник в Джордж!

— Кажется, пора уезжать и нам. Давненько уже я позабросил свои дела. Надо снова приняться за них. Впрочем, я на себя не пеняю: такие праздники случаются раз в двадцать лет!

— Перед отъездом надо повидаться с Диско, — заметил Гарвей, — и побывать на празднике, который будет устроен в понедельник. Останемся, пожалуйста, до понедельника.

— Что это за праздник? Сегодня в гостинице толковали что-то. — Чейне не противился желанию Гарвея, он тоже был не прочь отложить отъезд.

— Это музыкально-танцевальный утренник в пользу вдов и сирот. Обыкновенно читают список утонувших или не подающих о себе вестей рыбаков, говорят речи, стихотворения. Диско не очень любит эту благотворительность, потому что секретари благотворительных обществ чуть не дерутся между собой из-за вырученных денег. У Диско на все свои взгляды.

— Мы можем остаться на этот праздник, — согласился Чейне, — и уехать вечером.

— Тогда я пойду к Диско и попрошу его отпустить команду на праздник, пока они не снялись с якоря. Я буду вместе с ними!

— Конечно, конечно, ведь ты здесь свой человек!

— Настоящий рыбак с Отмелей! — закричал ему Гарвей, уже направляясь к сходням и оставляя отца наедине с его новыми, радужными мыслями о будущем.

Диско, действительно, не жаловал общественных благотворительных собраний. Но Гарвей представил ему, как некрасиво будет, если команда шхуны «Мы здесь» не будет присутствовать. Диско тогда поставил свои условия, он слышал, что какая-то актриса из Филадельфии собирается прочитать песню о шкипере Айрсоне. Лично он не любит актрис, но это к делу не относится. Правда, однако, должна оставаться правдой, и он не потерпит лжи о бедном, ни в чем не повинном шкипере. Гарвей лично поехал к знаменитости и долго беседовал с нею прежде, чем ей удалось понять всю бестактность избранного ею номера. Актриса долго смеялась, но согласилась не тревожить память Бена Айрсона.

Чейне не ожидал ничего нового от этого праздника. Он много видел таких вечеров и у себя на Западе. Было душно и жарко. Отовсюду стекались женщины в лёгких летних платьях, бостонцы в соломенных шляпах. У входа стоял целый ряд велосипедов. Распорядители суетливо бегали взад и вперёд. Начали появляться на собрании и рыбаки. Были тут смуглые

португальцы (их жены приходили или в кружевной косынке, или совсем с непокрытой головой), голубоглазые новошотландцы, уроженцы приморских провинций, французы, итальянцы, шведы, датчане. В толпе было также много женщин в трауре: они раскланивались друг с другом с каким-то сознанием мрачной гордости — это был их день, их праздник. Встречались среди публики и пасторы разных вероисповеданий, богатые владельцы пароходов и шхун, мелкие судовладельцы, рыбаки с Отмелей, агенты страховых обществ, капитаны, простые рабочие, вообще представители всего смешанного населения приморского города. Нарядные туалеты приезжих дам оживляли картину.

Чейне встретил одного из служащих городского управления, с которым познакомился несколько дней тому назад.

— Как вам нравится наш город, м-р Чейне? — спросил тот. — Пожалуйста, сударыня, здесь можно сидеть, где угодно. — Я думаю, вы ко всему этому привыкли и на Западе?

— Да, но мы моложе вас!

— Это конечно. Вы только ещё начинали жить в то время, как мы праздновали двестипятидесятилетнюю годовщину основания города. Наш город — старый, м-р Чейне!

— Знаю, но почему, скажите, у вас нет первойклассной гостиницы?

— Я это им постоянно говорю, м-р Чейне. Нам нужно...

Тяжёлая рука опустилась на его плечо. Повернувшись, он увидел перед собой шкипера одного портландского парохода, пришедшего с грузом угля.

— В вашем городе нестерпимо сухо и душно. Пожалуй, в нем и пахнет чуть-чуть похуже, чем в последний раз, когда я тут был. Скажите, не отвели ли нам где-нибудь комнатку, где бы мы могли спокойно пить и угощаться? — спросил моряк.

— Кажется, вы уже успели угоститься с утра, Корсен? Сядьте вот там у дверей и подождите, я к вам приду потолковать!

— О чем ещё толковать? В Микелоне шампанское стоит восемнадцать долларов ящик...

Раздавшиеся звуки органа помешали ему продолжить, и он поспешил на своё место.

— Это наш новый орган, — с гордостью сказал Чейне чиновник. — Мы заплатили за него четыре тысячи долларов. Сейчас будет петь хор сирот. Их учит петь моя жена. Я сейчас вернусь, м-р Чейне, позвольте оставить вас на минуточку — я вижу, меня там ждут!

Высокие, чистые голоса запели какой-то псалом. Женщины в трауре теснились впереди. М-с Чейне стала волноваться. Она прежде никогда не думала, что на свете есть столько вдов. Инстинктивно она искала также глазами Гарвея. Вот она его нашла; он стоит между Диско и Дэном, в группе рыбаков со шхуны «Мы здесь». Дядя Сальтерс тоже был с ними. Он вернулся накануне, вместе с Пенном, из Памлико Соунда.

— Что, твои родители ещё не уехали? — спросил он Гарвея с подозрением. — Чего ты тут все ещё околачиваешься, приятель?

— Разве он не имеет права быть здесь, как и все мы? — спросил Дэн.

— Не в таком костюме! — ворчал Сальтерс.

— Замолчи, Сальтерс, — сказал Диско, — опять ты не в своей тарелке. Стой, Гарвей, где стоял, не слушай его!

Между тем хор кончил петь, и на эстраду вышел какой-то член городского управления. Он приветствовал собрание, произнёс попутно несколько слов в честь Глостера, упомянул о его значении как приморского города и перешёл к цели — указал на сумму, которую нужно будет уплатить семьям ста семнадцати погибших моряков. В Глостере нет ни мельниц, ни мануфактур. Жители его живут исключительно тем, что заработают на море. Рыбаки, конечно, не наживают богатства, и потому город должен прийти на помощь вдовам и сиротам погибших в море. В заключение оратор выразил благодарность артистам, благосклонно согласившимся принять участие в празднике.

— Терпеть не могу этого попрошайничества, — ворчал Диско. — Хорошего мнения о глостерцах будут все приезжие!

— Если бы люди были предусмотрительнее и откладывали излишек про чёрный день, а не тратили бы его на роскошь, было бы лучше! — возразил Сальтерс.

— Лишиться всего, всего! — сказал Пенн. — Что тогда делать? — Его бесцветные светлые глаза смотрели бессмысленно вдаль. — Я читал раз в какой-то книжке, как одна шхуна пошла ко дну. Спасся только один человек, и он сказал мне...

— Молчи! — остановил его Сальтерс. — Лучше было бы, если бы ты поменьше читал и получше работал!

Гарвей стоял в тесной толпе рыбаков и чувствовал, как по всему его телу пробегает дрожь. День был жаркий, а между тем ему было холодно.

— Это актриса из Филадельфии? — спросил его Диско Троп, с мрачным видом указывая на эстраду. — Ты поговорил с нею, Гарвей, насчёт Айрсона?

Но артистка продекламировала не про Айрсона, а стихотворение про рыболовные суда, которые буря застала ночью вблизи Бриксамской гавани. Женщины разложили на берегу костёр, который должен служить маяком. В костёр этот они бросают все, что попадёт под руку: «бабушкино одеяло и люльку малютки», так говорилось в песне.

— Расточительные были женщины! — засмеялся Дэн.

— А гавань плохо освещалась, Дэнни! — отвечал Долговязый Джэк.

«Делая это, они не знали, зажигают ли они костёр в честь возвращения моряков или погребальный факел», — пела артистка, и голос её проникал в душу, и сердца слушателей замирали от волнения, когда она рассказывала, как море выбросило на берег промокших до костей, выбившихся из сил живых рыбаков и трупы утонувших. Тела утонувших разглядывали при свете огней и спрашивали при этом: «Дитя, это ли твой отец?» или «Женщина, не твой ли это муж?»

Когда артистка кончила, ей мало аплодировали: женщины вытирали платком слезы, а мужчины смущённо смотрели в потолок, стараясь скрыть своё волнение.

— Гм! — сказал Сальтерс. — Чтобы послушать это в театре, пришлось бы заплатить доллар, а то и два. Многие позволяют себе это, но, по-моему, это — пустая трата денег... Какими судьбами очутился здесь капитан Барт Эдуарс?

— Он — поэт и тоже должен прочесть что-нибудь! — заметил кто-то сзади.

Капитан Эдуарс уже пять лет добивался разрешения прочесть своё стихотворение на глостерском празднике. Наконец, комитет по организации утренника дал ему согласие. Выйдя на эстраду в своём лучшем праздничном платье, старик сразу завоевал симпатии всего собрания. Стихи его были грубо сколочены и длинные. В них описывалась гибель шхуны

«Джон Гаскин» в 1867 году. Но все слушали со вниманием и, когда он кончил, громко приветствовали автора.

Один бостонский репортёр поспешил интервьюировать поэта и попросить у него копию его стихотворения. Самолюбие капитана Барта Эдуарса, бывшего когда-то китоловом, рыбаком и ставшего теперь, на семьдесят третьем году от роду, поэтом, было удовлетворено.

— Очень трогательные стихи! — сказал голос из толпы.

— Наш Дэн сумел бы написать не хуже, — возразил Сальтерс. — Он достаточно учен для этого!

— Это не к добру: должно быть, дядя Сальтерс перед смертью стал хвалить меня, — засмеялся Дэн. — Что с тобой, Гарвей, тебе дурно? Ты весь позеленел!

— Сам не знаю, что со мной, — отвечал Гарвей. — Я весь дрожу и мне не по себе!

— Подождём, когда кончат читать, и выйдем. Нам тоже нельзя прозевать прилив.

Вдовы рыбаков сидели между тем точно каменные, они знали, что теперь последует. Приехавшие на лето на морской берег барышни щебетали между собою, восторгаясь стихотворением капитана Эдуарса, и с удивлением оглянулись, заметив, наконец, что в зале водворилось гробовое молчание. Рыбаки протискались вперёд, когда тот самый чиновник, который разговаривал с Чейне, вышел на подмости и стал читать список имён погибших в течение года моряков. Голос его отчётливо раздавался в тишине:

— 9 сентября. Пропала без вести со всей командой шхуна «Флори Андерсон». Экипаж её составляли: Рубен Питмэн, владелец шхуны, 50 лет от роду, холост. Эмиль Ольсен, 18 лет, холост. Оскар Станберг, 25 лет, холост, швед. Карл Станберг, 18 лет, холост. Педро, уроженец Мадейры, холост. Джозеф Уэльш, он же Джозеф Райт, 30 лет, из Сен-Джонса, на Ньюфаундленде.

— Нет, он родом из Аугусти, в Мэне! — поправил голос из публики.

— Он ушёл на шхуне из Сен-Джонса! — возразил читавший, отыскивая глазами, кто с ним говорит.

— Знаю. Но родился он в Аугусти. Он мне племянником приходится!

Чиновник сделал в списке отметку карандашом, чтобы исправить неточность, и продолжал:

— На той же шхуне погибли: Чарли Ричи, из Ливерпуля, 33 года, холост. Альберт Мей, 27 лет, холостой. 27 сентября. Орвин Доллар, 30 лет, женатый, утонул на шлюпке близ Истёр-Пойнта.

На этот раз удар был нанесён метко. Вдова Доллара, сидевшая среди публики, зарыдала, закрыв лицо руками. М-с Чейне, слушавшая чтение, широко раскрыв глаза от удивления, почувствовала приступ удушья. К ней на помощь поспешила мать Дэна. Между тем чтение шло своим чередом. Перечень кораблекрушений, случившихся в январе и феврале, вызывал в зале все больше и больше слез и волнений.

— 14 февраля. Возвращавшаяся домой из Ньюфаундленда шхуна «Гарри Рандольф» потерпела аварию. Во время шквала упал с палубы и утонул в море Аза Музи, женат, 32 года. 23 февраля. Шхуна «Джильберт Хоп» разбита во время бури. Роберт Бивон, 29 лет, женатый, пытался спастись на шлюпке и до сих пор не найден.

Жена Бивона была в зале. У неё вырвался нечеловеческий крик. Её вывели. Мужа не было

давно, она думала и раньше, что с ним могло случиться несчастье, но все же в душе её ещё жила надежда, что спасшегося на шлюпке мужа, быть может, приняли на какой-нибудь корабль. Теперь она знала наверняка, что его не спасли. Гарвей видел, как открылась дверь выхода и как полицейский усадил бедную женщину на извозчика. Полоса света, ворвавшаяся в полураскрытую дверь, исчезла. Дверь закрылась. Гарвей снова стал прислушиваться к чтению:

— 19 апреля. Шхуна «Мами Дуглас» погибла на Отмелях, вместе с экипажем. Эдуард Кантон, владелец шхуны, 43 года, женат. Гаукинс, известный также по прозвищу Вильямс, 34 года, женат. Г. В. Клей, негр, 28 лет, женат...

Казалось, списку не будет конца. Горло Гарвея судорожно сжималось. Он чувствовал почти такие же приступы морской болезни, как в день, когда он упал с парохода.

— 10 мая. Со шхуны «Мы здесь» упал в море и утонул Отто Свенсон, 20 лет, холост.

Опять в зале раздался раздирающий душу крик.

— Напрасно она сюда пришла. Напрасно! — с сожалением говорил Долговязый Джэк.

— Не распускай себя, Гарвей! — прошептал Дэн.

Это были последние слова, которые расслышал Гарвей. Дальше он ничего не помнил, потому что в глазах у него сначала потемнело, потом завертелись какие-то огненные круги. Диско наклонился к жене и что-то сказал ей. Та сидела, обхватив одною рукою за талию м-с Чейне.

Команда шхуны «Мы здесь» двигалась дружно к выходу, поддерживая бледного как полотно Гарвея. Его усадили на скамейку.

Гарвей пришёл в себя и смутился.

— Мне совсем хорошо, — сказал он, стараясь встать. — Должно быть, я съел что-нибудь лишнее за завтраком.

— Должно быть, это кофе, — поддержал его Чейне, лицо которого словно застыло. — Я думаю, не стоит теперь возвращаться!

— Лучше пойдёмте на пристань, — предложил Диско. — Тут недалеко, а м-с Чейне будет чувствовать себя несколько лучше на свежем воздухе!

Гарвей уверял, что он совсем здоров. Они подошли к шхуне «Мы здесь», стоявшей у пристани Вувермана. Гарвею стало до боли грустно при мысли, что эта шхуна, с которой он сжился, должна уйти. Ему хотелось плакать. Плакала между тем всю дорогу м-с Чейне, плакала и говорила странные вещи. М-с Троп уговаривала её, как ребёнка.

Рыбаки перешли на шхуну. Гарвей отвязал канат от сваи, а рыбаки оттолкнулись от пристани. Всем хотелось сказать на прощание много-много, но как-то трудно было подобрать слова. Гарвей крикнул Дэну, чтобы он позаботился о морских сапогах дяди Сальтерса и о якоре Пенна, а Долговязый Джэк посоветовал Гарвею не забывать того, чему он научил его. Однако шутки не удавались в присутствии двух плачущих женщин, да и трудно быть весёлым, когда разделяющая уходящих и провожающих зелёная полоска воды становится все шире.

— Подымай кливер и фок-вейль! — кричал Диско, становясь у руля. — До свидания, Гарвей! Я не забуду ни тебя, ни твоих родителей!

Шхуна удалилась уже на такое расстояние, что голоса с неё не доносились. Провожавшие все ещё сидели на набережной и смотрели ей вслед. М-с Чейне продолжала плакать.

— Мы обе женщины, голубушка, — утешала её м-с Троп. — Зачем так надрываться? Вот я на своём веку видела мало хорошего. Мне тоже приходилось плакать, но уж если я плачу, то не по пустякам! * * *

Прошло несколько лет. В совсем другой части Америки, по одной из городских улиц, застроенных прихотливыми домами богачей, шёл молодой человек. Он остановился перед кованой железной калиткой. Навстречу ему выехал верхом на дорогом коне другой юноша.

— Это ты, Дэн? — вскричал он.

— Гарвей! — слышалось в ответ.

— Как ты поживаешь?

— Я теперь служу вторым штурманом. А ты кончил, наконец, свой колледж?

— Кончаю и скоро займусь делами!

— Делами пакетботов, конечно?

— Непременно. Зайди же к нам! — сказал Гарвей, спешившись.

— Я именно и пришёл с этой целью. А где же наш колдун? Я его не вижу!

Бывший кок шхуны «Мы здесь» подошёл к Гарвею и принял повод лошади. Он никому не позволял прислуживать Гарвею. Увидев негра, Дэн радостно закричал:

— Ну, как твоё здоровье, кудесник?

Негр не ответил на вопрос, но, хлопнув Дэна по плечу, в сотый раз повторил ему своё пророчество:

— Помнишь, Дэн Троп, что я тебе говорил ещё на шхуне?

— Не стану отрицать, что предсказание твоё исполнилось, — сказал Дэн. — А славная была шхуна; я многим обязан ей и отцу!

— Я тоже! — подтвердил Гарвей Чейне.

Примечания

1

Дек — палуба и пространство между палубами на парусном судне.

2

Утлегарь — рангоутное дерево, служащее продолжением бушприта (бруса, выступающего с носа парусного судна).

3

Бакборт — правая сторона, правый галс, правый бок.

4

Нактоуз — подставка в виде шкафчика, на которой установлен компас.